

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 3 (36)
2015**

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 3 (36) 2015 г.

Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредитель издания:
Сургутский государственный
педагогический университет

Адрес редакции:
628417, ХМАО – Югра,
Тюменская обл., г. Сургут,
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 217,
редакция журнала «Вестник СурГПУ»

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Сдано в печать 05.06.2015 г.
Формат 70x100/16
Авт. л. 19,3
Печать цифровая
Гарнитура DejaVu Serif
Тираж 1000
Заказ № 33
Техническая редакция, вёрстка – РИО СурГПУ
Отпечатано в РИО СурГПУ

© Сургутский государственный
педагогический университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Завгородняя Г.Ю.	Образ Средневековья в прозе русского романтизма и символизма	5
Березина Т.Ю.	Оппозиция «Восток» – «Запад» в творчестве славянофилов ...	11
Аминева В.Р.	Субъектные структуры в лирике Н.А. Некрасова и Г. Тукая: типологические параллели и межлитературные диалоги	14
Кашкарева А.П.	Психея и «психопаты» в рассказах Н.С. Лескова 1880-х гг.	21
Осипов Б.И., Мирошникова О.В.	У истоков нового звучания русского стиха (заметки о стихе Ф.И. Тютчева)	26
Параскева Е.В.	К вопросу о роли категории мотива в русской неореалистической прозе начала XX века	31
Боева Г.Н.	К вопросу о литературной репутации Леонида Андреева: на материале дневников К. Чуковского	37
Зиятдинова Д.Д.	Мортальный код в венецианском тексте Д. Рубиной	43

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ВОПРОСЫ
ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Бопп Ю.В., Сургай Ю.В.	Морфологические характеристики английского числительного в составе английских паремиологических словосочетаний в сопоставлении с их русскими аналогами	50
Телегина Е.В.	Сопоставительный анализ семантики и характера оценки фразеологических единиц с числовым компонентом один/one, первый/first	57
Иванова Н.А.	Классификация библейских идиом по методу семантических полей в английском и русском языках	63
Засыпкин В.П.	Языковая образовательная политика в условиях глобализации	69
Малафеев А.Ю.	Автоматическое создание тестов open cloze заданной сложности	77
Наумова А.А.	Способы формирования навыков речевого этикета на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному	84

ИСТОРИЯ

Казиков А.А.	Макропланиграфические данные поселений как источник для исторических реконструкций	90
Татаурова Л.В.	Специфика археологического источника Нового времени	98
Милевский О.А.	Джордж Кеннан и минусинские политические ссыльные	103
Миронов В.В.	Английская школа теории международных отношений и Арнольд Тойнби	110
Терехова С.А.	Проблемы освоения Россией Западного Кавказа в публицистике Л.А. Тихомирова	120
Марковская Ю.Л.	С.А. Рачинский и К.П. Победоносцев: рождение программы консервативно-православной реформы начальной школы во второй половине XIX века (на примере личной переписки)	120

СОЦИОЛОГИЯ

Амбарова П.А., Кузьминчук А.А.	Темпоральные характеристики социальной общности волонтеров	140
---	--	------------

СОДЕРЖАНИЕ

Зборовский Г.Е.	Социальная общность как субъект социального времени	147
Каменский С.Ю., Шуклина Е.А.	Партисипативный музей: практики проектирования и исследования	154
Певная М.В.	Российские перспективы и мировые тенденции в развитии волонтерства: опыт сравнительного анализа	166
Амбарова П.А.	Модель управления социальным временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей	175

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бакулина С.Д.	Роль культурно-исторического наследия в развитии современных культурных индустрий	183
----------------------	--	-----

ПЕДАГОГИКА И АНДРАГОГИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Яфальян А.Ф.	Формирование у детей партнерских отношений в контексте конвенциональной эстетики	188
Чигинцева О.Н.	Самореализация личности взрослого в изобразительном творчестве	194

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	201
----------------------------------	-----

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ	205
--	-----

УДК 88.161.1
ББК 83.3 (4 РОС)

Г.Ю. ЗАВГОРОДНЯЯ

G.YU. ZAVGORODNYAYA

**ОБРАЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ПРОЗЕ РУССКОГО РОМАНТИЗМА
И СИМВОЛИЗМА**

**THE IMAGE OF THE MIDDLE AGES
IN THE PROSE OF RUSSIAN ROMANTICISM
AND SYMBOLISM**

В статье рассматриваются художественные приемы создания образа эпохи Средневековья в прозе романтизма и символизма. Обращается внимание на пути наследования классической традиции писателями-модернистами (стилизация, внимание к предметным деталям, словесная живопись), а также на ее трансформацию (большая условность в воссоздании эпохи, мотив сна, сказочно-фантастические элементы).

The article explores literary devices used to create the image of the Middle Ages in the prose of romanticism and symbolism. The ways how the classical tradition is inherited by modernist writers (stylization, attention to object details, 'verbal painting') and how it is transformed (higher degree of conventionality in the reconstruction of the era, the motif of dream, fairylike fantastic elements) are given prominence.

Ключевые слова: образ Средневековья, романтизм, символизм, стилизация.

Key words: the image of the middle Ages, romanticism, symbolism, stylization.

Первые десятилетия XIX века в отечественной словесности проходят под знаком формирования «нового слога русского языка» [8, с. 545]. Формирование это осуществляется в контексте набирающего силу романтизма, бывшего для русской литературы, особенно на первых порах, явлением сугубо иноземным, которое еще предстояло освоить и «привить» на русской почве. Не случайно В.Г. Белинский, указывая на вторичный, подражательный характер начального русского романтизма, назвал его «недоучившимся юношей с немного растрепанными волосами и чувствами» [1, с. 271]. В подобной ситуации особую значимость приобретали не только переводы и переложения («Русская проза конца XVIII – начала XIX веков находилась в положении ребенка, чьи первые беллетристические опыты состоят обыкновенно из пересказов прочитанного, описаний и писем» [13, с. 43]), но и различные формы подражания западноевропейским образцам, как на уровне стиля, так и на уровне сюжетов, тем, идей и пр. – умение подражать считалось несомненным художественным достоинством, а определения «русский Байрон», «Шатобриан Московского ополчения» и т.п. являлись признанием таланта. Закономерно, что ошутимое влияние на русскую словесность (на прозу, в частности) оказывала теория и художественная практика немецкого романтизма. Однако для понимания пути становления русской прозы важно не только указать на наличие влияния, но и выяснить, как именно это влияние осуществлялось, что конкретно заимствовалось и каким образом обрело новую жизнь в отечественной словесности.

Как известно, в эстетических и философских трактатах немецкого романтизма одной из ключевых была идея обращения к прошлому, в котором виделись утраченные духовные ориентиры. Более того, имелось в виду прошлое более или менее конкретное, а именно – эпоха Средневековья, ассоциирующаяся в представлении романтиков с «золотым веком» Европы, с гармоничным мироустройством, основанном на христианских ценностях. В Средневековье, уже отошедшем на достаточное временное расстояние для того, чтобы можно было его идеализировать (а не считать темным и варварским), виделась некая духовная утопия. Впервые подобную теорию понимания Средневековья выдвигает В.-Г. Вакенродер («Сердечные излияния монаха, любителя искусства», 1797). Особое внимание уделял этой идее Новалис – и в эссе «Христианство, или Европа» (1799), и в романе «Генрих фон Офтердинген» (1800); можно вспомнить также драму Г. фон Клейста «Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнем» (1810), где также фигурирует средневековая тематика.

Находящаяся в стадии обретения собственного пути русская проза в первые десятилетия XIX века в числе прочего воспринимает и эту западноевропейскую идею, однако под пером отечественных авторов она находит специфические формы художественного воплощения. Если немецкие романтики эстетизировали Средневековье, создавая некий идеальный образ (причем обращались они прежде всего к своему национальному прошлому, вводя образы рыцарей, миннезингеров и проч.), то отечественные авторы изображали Средневековье по западноевропейским образцам. Не удивительно, что важной при этом оказывалась не столько идея гармоничного, духовно-ориентированного мироустройства (как у того же Новалиса), сколько максимально узнаваемый в своей приближенности к литературному первоисточнику образ западноевропейского средневекового периода. С развитием отечественной литературы важный романтический тезис о художественной обращенности к национальному прошлому получит свое конкретно-образное воплощение – в писательское поле зрения попадет и русский фольклор и мифология, и русское Средневековье. Однако последнее словосочетание весьма условно – не секрет, что все же понятие Средневековья более употребимо в узком смысле слова – в содержательно-идеологическом, а не временном. А содержательно это прежде всего мировоззренческая, религиозная, культурная и проч. специфика жизни *Западной Европы*. И стремление русских писателей воссоздавать именно эту иноземную сферу было в русле ученического духа начального этапа отечественной прозы. Западное Средневековье изображалось посредством стилизации, то есть через узнаваемые для русскоязычного читателя внешние, эффектные черты [11].

В этом плане показательна статья Н.В. Гоголя «О средних веках», в которой он фокусирует внимание именно на таких, значимых для романтиков вещах (хотя по отношению к начальному этапу становления русской прозы это уже ретроспективный взгляд – статья вышла в 1834 г.). Гоголь отмечает, что все происшествия «средней истории» «исполнены чудесности, сообщающей средним векам какой-то фантастический свет» [9, с. 216]; пишет о неразрывных узах «духовных орденов рыцарей», об обожествлении женщины, о занятиях «алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учености средних веков» [9, с. 220], упоминает об инквизиции («Какое мрачное и ужасное явление!») и заключает свои рассуждения риторическим восклицанием: «Не дадут ли они <явления Средневековья – Г.З.> права назвать средние века веками чудесными? Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во все течение этих юных десяти веков» [9, с. 221]. Таким образом, Гоголь указывает на наиболее «репрезентативные маркеры» Средневековья, связанные с чудом, рыцарством, странничеством, божественной любовью (словосочетание, которое можно трактовать по-разному, но все смыслы будут так или иначе актуальны для Средневековья), ужасами.

Пожалуй, наиболее яркий и объемный образ данной культурной эпохи представлен в прозе раннего романтика А. Бестужева-Марлинского, который избрал объектом своего художественного изображения Ливонию, являвшуюся, по выражению В.Э. Вацура, «своего рода оазисом западного Средневековья в пределах России» [6, с. 351]. Марлинский обращается как к периоду высокого («Замок Нейгаузен»), так и позднего («Ревельский турнир») Средневековья, развивая актуальную для каждой эпохи тематику (например, в «Ревельском турнире» изображается уже упадок рыцарства). Однако кроме соответствующих тем, писатель задействует и ряд стилизованных приемов для достижения своей художественной задачи.

Так, в числе прочего, Марлинский активно апеллирует к живописному началу. Именно словесные картины в наибольшей степени способствуют созданию образа времени; причем чаще всего встречаются те или иные варианты словесного живописания замка. Замок – его архитектура, интерьер – становится воплощением и символом рыцарской эпохи [10]. Вот характерное описание: «Ворота замка были отворены, и сквозь них, среди широкого двора, виделись терема рыцарские. Остроконечные их кровли пестрели разноцветною черепицею; все углы обозначались стрелками, и на многих висели башенки» [3, с. 67]. Как видно, архитектурные детали воссозданы весьма скрупулезно, что с одной стороны, «приближает» эпоху (благодаря описанию присущих ей конкретно-вещных деталей), с другой же – придает стилизованные черты за счет подчеркнутой акцентировки внешних признаков времени.

Не менее важную роль играет и описание интерьера, опять же акцентирующее готические детали: «Круглая зала Нейгаузена освещена была двумя большими свечами из желтого воска, воткнутыми в двурогий железный светец. Пламя их веяло по воле ветра, проникающего в неровный свинцовый переплет готических окон, но блеск не достигал под вершину остроконечных сводов, зачерненных дыханием времени, и только изредка отсвечивались по стенам щиты и кирасы и двойная тень мелькала от оленьих рогов, между ими прибитых. Две тяжелые печи, испещренные муравленными украшениями, стояли друг против друга. Дебелый дубовый стол занимал средину комнаты» [3, с. 70]. Видно, что и в данном случае перед нами законченная, статичная и в определенном смысле самоценная картина; не только в упоминаемых деталях (свечи, готические окна, остроконечные своды, щиты, кирасы и пр.), но даже в строгой «геометрической» композиции картины (круглый зал, остроконечный свод-потолок, две печи напротив друг друга, массивный стол посередине) передается лаконично-мрачная готическая атмосфера.

Воссоздание отдаленных эпох через описание внешних узнаваемых деталей, которые подчас выглядят подчеркнуто эффектными, декоративными, – характерная черта стиля Марлинского-художника. Писатель создает стилизованный образ старины, широко апеллируя к живописному началу, и это касается не только картин замка, его внешнего и внутреннего убранства, но и портретов героев. Все они в первую очередь ориентированы на описание характерных для времени костюмов, напоминающих, впрочем, своей подчеркнутой яркостью и декоративностью костюмы театральные – перед нами вновь стилизованные образы, призванные создать наглядное представление об эпохе. Вот несколько характерных примеров: «...рыцарь в бархатной, сереброшвейной мантии и в весьма коротком полукафтанье малинового цвета. Лицо его было нахмурено, и руки, сложенные на груди, закрывали до половины осьмиконечный мальтийский крест» [3, с. 68]; «Наконец с шумом вбежал Всеслав в комнату. На нем был красный кафтан, на полах вышитый золотом. За кушаком татарский кинжал, на руке шелковая плетка, и красные каблуки его сапогов пестрели разноцветною строчкою; яхонтовая запонка и жемчужная пронизь на косом воротнике доказывали, что Всеслав не простого происхождения...» [3, с. 72]; «Эмма, заливаясь слезами, молилась

перед распятием, и бледное лицо ее и белокурые волосы, разметанные по плечам, ярко отделялись от черного камлотового, опушенного горностаями платья, которое длинными складками упало на пол» [3, с. 74]. В процитированных фрагментах собственно описание лиц видится условным и схематичным, превалируют же броские и эффектные детали одежды, изображение которых возвращает к мысли о стилизации через воссоздание узнаваемых вещных деталей эпохи, через апелляцию к живописному и театральному началу.

К теме средневековой инквизиции обращается А.Ф. Вельтман в рассказе «Иоланда». Писатель, неизменно оставаясь верным своему стилю (В.Г. Белинский охарактеризовал талант Вельтмана как «причудливый, капризный, любящий странности» [7, с. 633]), «редуцирует» сюжет, создавая в нем значительные смысловые лакуны, затрудняющие понимание происходящего. Можно сказать, что в определенной степени ввиду подобной «осколочности» сюжета именно образ Средневековья (указана конкретная дата происходящего – 1315 г.) выходит здесь на первый план, на его воссоздание смещаются смысловые акценты. В отличие от Ливонских повестей здесь перед нами не героическая рыцарская тематика, но атмосфера акцентированной загадочности и зловещей таинственности. Упоминание в начале рассказа церкви св. Доминика, которую герой, «славный церопластик» Гюи Бертран, наблюдает из своего окна, сразу вызывает невольные ассоциации с темой инквизиции. Само описание базилики в лучах заходящего солнца перекликается с целым рядом описаний средневековых замков неизменно в вечернее время (можно вспомнить предромантическую вещь Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм», одну из Ливонских повестей Марлинского «Замок Нейгаузен» и др.). Далее в рассказе появляются тема чернокнижия, ворожбы (то ли настоящего, то ли мнимого), некоей запретной любви, роковой ошибки и, наконец, суда инквизиции и аутодафе. Можно с уверенностью констатировать, что Вельтман, как и Марлинский, уделяет большое внимание описанию вещных реалий эпохи (предметам, одежде, интерьеру), а также созданию «словесных картин», часто статичных, но со скрупулезно прописанными деталями – бледная женщина в черном «подле ниши, задернутой черной занавеской» [7, с. 135], инквизиторы на заседании суда, шествие приговоренных к месту казни. Таким образом, создается яркий, эффектный, *узнаваемый* образ эпохи.

Еще одна значимая тема, прочно ассоциирующаяся со Средневековьем и вызывавшая в романтический период особый, повышенный интерес – это тема тайных учений, тайной науки, прежде всего – алхимии (об этом упоминает и Гоголь в цитированной выше статье). Писателем и философом, глубоко и серьезно интересовавшимся в том числе этой стороной мистического знания, был В.Ф. Одоевский; заинтересованность эта отразилась и в художественном творчестве. Однако Одоевский шел уже путем совершенно иным, нежели Марлинский и Вельтман, и апелляция его к столь почитаемой им немецкой эстетике и философии также была своеобразной. В качестве примера можно вспомнить рассказ «Реторта», открывающий цикл «Пестрые сказки с красным словцом...». Ироничная отсылка к Средневековью присутствует уже в самом начале: «В старину были странные науки, которыми занимались странные люди. Этих людей прежде боялись и уважали; потом жгли и уважали; нам одним пришло в голову и не бояться, и не уважать их. И подлинно, – мы на это имеем полное право!» [12, с. 10]. Однако далее становится очевидно, что авторская ирония направлена не на Средневековье (о котором, напротив, говорится почтительно и восторженно), а в сторону современного состояния душ и умов: «Но не в этом ли беда наша? Не оттого ли, что предки наши давали больше воли своему воображению, не оттого ли и мысли их были шире наших и, обхватывая большее пространство в пустыне бесконечного, открывали то, чего нам ввек не открыть в нашем мышном горизонте?» [12, с. 11]. Рассказ изобилует отсылками к средневековой философии и науке, в частности к именам и трудам известных ученых-алхимиков, а алхимический опыт с нагреванием амальгамы в реторте становится своеобразным

«смысловым ключом» ко всему циклу и метафорой художественного творчества вообще (действительность, «нагреваемая в реторте» писательской фантазии, превращается в литературное произведение).

Таким образом, образ Средневековья создавался во многом сквозь призму литературности, отправной точкой при этом (особенно на ранних этапах романтизма) было стремление подражать как стилю западноевропейских авторов, так и иноземному «колориту» в целом.

Спустя почти столетие, на рубеже XIX–XX веков необходимость обновления всех эстетических и стилевых основ искусства ощущалась достаточно остро. Следует подчеркнуть, что речь шла именно об обновлении, а не о становлении, как это происходило в начале века XIX. И если на заре романтизма разнообразные художественные опыты были связаны с «юношеским» освоением западноевропейского опыта, то эпоха серебряного века ощущала скорее «старческую» усталость от столетнего бремени классической культуры и была активно заинтересована в поисках полемичных, альтернативных путей художественного воплощения.

Одно из наиболее авторитетных направлений отечественного модернизма – символизм – сознательно ориентировалось на теорию и художественную практику романтизма. С.А. Венгеров в 1914 году вводит в научный оборот понятие неоромантизма, говоря о полноправной возможности сближения «литературной психологии 1890–1910-х годов с теми порывами, которые характерны для романтизма» [14, с. 18]. Безусловно, полное возрождение ушедшего в прошлое литературного направления было невозможно, речь могла идти о весьма интенсивном освоении романтической традиции в самых разнообразных ее формах. В русле этого освоения литература начала XX века вновь проявляет самый непосредственный интерес к иноземному прошлому, в частности – к Средневековью. Сам подход к изображению эпохи был во многом соприроден романтическому, но и несомненные отличия свидетельствовали уже об ином уровне ретроспективного осмысления прошлого.

Прозаиков-символистов занимало, как правило, позднее Средневековье и его переход к Возрождению: пограничность сознания, смена культурной парадигмы – вот то, что было близко и отвечало запросам эпохи серебряного века. Также можно говорить о важности визуального образа времени, создаваемого посредством апелляции к внешним, живописным реалиям – в этом обнаруживается прямое наследование романтической традиции. Например, зримым воплощением Средневековья, как и в романтизме, продолжает оставаться замок и окружающий его разноландшафтный пейзаж. Однако визуальные образы становятся более рельефными, акцентированными, стилизованными: «Замок был построен *грубо*, из камней *страшной* толщины, и со стороны казался *дикой* скалой *причудливой* формы» (В.Я. Брюсов, «В башне» [4, с. 33]). В романе «Огненный ангел» В.Я. Брюсов использует весьма своеобразный прием «визуализации»: вводя в повествование вместо портретов, описаний интерьера и архитектуры названия (именно названия, а даже не экфрасисы) картин Боттичелли, скульптур Донателло, гравюр Дюрера, автор «передает слово» визуальным документам эпохи, с одной стороны, приближая ее, а с другой – усиливая ее опосредованность, стилизаторский характер воссоздания. То же можно сказать и о темах, которые с романтических времен стойко ассоциировались со Средневековьем: мистика, тайное знание, ужасы инквизиции и проч. Темы эти получали более подробную проработку, в особенности мистические мотивы, столь актуальные на рубеже веков, звучали отчетливее, нежели столетием ранее. В этом плане показателен процесс создания «Огненного ангела», когда В.Я. Брюсовым «несколько лет выписывались для изучения XVI века книги, иллюстрации, рисующие быт, нравы, инквизицию, костюмы и т.д.» [5, с. 64]. В художественный замысел автора входила предельная историческая достоверность (благодаря которой, в частности, первое издание романа возможно стало оформить как мистификацию, представив как перевод реальной средневековой рукописи).

С другой стороны, существовала и иная стилевая тенденция, а именно – подчеркнутый уход от исторической правды. Средневековые для символов превращается уже в сугубо эстетический объект (прежде всего в силу того, что эстетизация прошлого становится осознанной и самоценной художественной задачей – в этом одно из важных отличий порубежной эпохи от предшествующей романтической). Соответственно, достоверность подчас отходила на второй план, а условность изображаемого подчеркивалась с помощью, например, введения мотива сна. Так, рассказ В.Я. Брюсова «В башне» имеет подзаголовок «Записанный сон»: «То была страшная, строгая, еще полудикая, еще полная неукротимых порывов жизнь средневековья. Но во сне, первое время, у меня не было этого понимания эпохи, а только темное ощущение, что сам я чужд той жизни, в которую погружен» [4, с. 34].

В высшей степени условными, тесно соприкасающимися со сказочным и фантастическим началом (что также было в духе времени), являются средневековые аллюзии во второй части трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» «Королева Ортруда». Здесь возникает и тема рыцарства, и образ средневекового замка, который становится для героев предметом споров, художественно отражающих важные для эпохи идеи, в частности – продуктивно ли обращение к древности как к источнику нового искусства?

Иными словами, применительно к символизму можно говорить, с одной стороны, о более подробной по сравнению с романтизмом разработке наиболее репрезентативных мотивов, ассоциирующихся со Средневековьем, о более интенсивном использовании словесного живописания (вплоть до введения конкретных живописных полотен); а с другой – о большей опосредованности, условности, *стилизованности* эпохи: появляется ирония, мотив сна, эпоха обретает не просто мистический, но подчас сказочно-фантастический ореол.

Литература

1. Белинский, В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Ст. четвертая [Текст] // Собр. соч. : в 13 т. / В.Г. Белинский. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – Т. 7. – 735 с.
2. Белинский, В.Г. Повести А. Вельтмана [Текст] // Собр. соч. : в 13 т. / В.Г. Белинский. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – Т. 7. – 735 с.
3. Бестужев-Марлинский, А.А. Замок Нейгаузен [Текст] // Соч. : 2 т. / А.А. Бестужев-Марлинский. – М. : Художественная литература, 1958. – Т. 1 : Повести, рассказы, очерки. – 693 с.
4. Брюсов, В.Я. Земная ось. Рассказы и драматические сцены [Текст] / В.Я. Брюсов. – М. : Скорпион, 1911. – 198 с.
5. Брюсова, И. Материалы к биографии Валерия Брюсова [Текст] // Брюсов Валерий. Избранные стихи. – М. ; Л. : ACADEMIA, 1933. Цит. по: Лавров, А.В., Гречишкин, С.С. Символисты вблизи. Очерки и публикации [Текст] / А.В. Лавров, С.С. Гречишкин. – СПб. : Изд-во Скифия, 2004. – 400 с.
6. Вацуро, В.Э. Готический роман в России [Текст] / В.Э. Вацуро. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 545 с.
7. Вельтман, А.Ф. Повести и рассказы [Текст] / А.Ф. Вельтман. – М. : Советская Россия, 1979. – 384 с.
8. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1999. – 703 с.
9. Гоголь, Н.В. О средних веках [Текст] // Собр. соч. : в 8 т. / Н.В. Гоголь. – М. : Терра, 2001. – Т. 3 : Повести, статьи из сб. «Арабески» 1835 г. – 384 с.
10. Завгородняя, Г.Ю. Средневековый замок в русской литературе [Текст] / Г.Ю. Завгородняя // Русская речь. – 2014. – № 5. – С. 3-10.
11. Завгородняя, Г.Ю. Стилизация и стиль в русской классической прозе [Текст] / Г.Ю. Завгородняя. – М. : Литера, 2010. – 276 с.
12. Одоевский, В.Ф. Пестрые сказки [Текст] / В.Ф. Одоевский. – СПб. : Наука, 1996. – 215 с.
13. Роботи, Т. Литература «Путешествий» [Текст] / Т. Роботи // Русская проза : сб. статей / под ред. Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова. – Л. : Academia, 1926. – 325 с.
14. Русская литература XX века [Текст] // Соч. : в 2 т. / под ред. С.А. Венгерова. – М. : Мир, 1914. – Т. 1. – 411 с.

УДК 82
ББК 83

Т.Ю. БЕРЕЗИНА

T.YU. BEREZINA

ОППОЗИЦИЯ «ВОСТОК» – «ЗАПАД»
В ТВОРЧЕСТВЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

OPPOSITION «EAST» – «WEST»
IN THE WORKS OF THE SLAVOPHILES

Статья посвящена исследованию историософских проблем в творчестве славянофилов, для которых характерно противопоставление западной и восточной культур. Рассмотрены ключевые символы, связанные с представлением славянофилов об исторической миссии России.

The article is devoted to the study of history philosophy problems in the Slavophiles works, which are characterized by the juxtaposition of Western and Eastern cultures. The key symbols, associated with the representation of the Slavophiles about the historical mission of Russia, are studied.

Ключевые слова: историософия, славянофильство, святоотеческая традиция, западничество, православный Восток, орел.

Key words: Historiosophy, Slavophilism, patristic tradition, Westernism, the Orthodox East, eagle.

В 1820–1830-е гг. в русской публицистике, философской прозе велись ожесточенные споры о смысле истории и исторической миссии России. П.Я. Чаадаев высказал достаточно радикальный взгляд на историческое прошлое и настоящее России, сопоставляя ее с Западной Европой. Русский мыслитель, раскрывая в историческом процессе откровение божественного проведения, стремление к духовному единству, подчеркивал неразвитость, аморфность русского общественного сознания: «В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособленно и все там шатко и неполно» [1, с. 30]. Философические письма Чаадаева явились тем импульсом, который в русской общественной мысли вызвал сначала едва заметное, а затем все более очевидное формирование западничества и славянофильства. При всей полемичности друг к другу западники и славянофилы в равной степени отразили в себе ключевые черты русского национального мирозерцания, ориентированного на поиск абсолютной правды. Тема взаимоотношений Востока и Запада зазвучала с новой силой в творчестве славянофилов в связи с общественным подъемом, вызванным Крымской войной (1853–1856). Так, А.С. Хомяков воспринял поражение Российской империи в Крымской войне как очищение, необходимое для русского общества.

Славянофилы стремились к созданию национальной русской философии, ориентируясь не только на западное просвещение, но и на святоотеческую традицию. И.В. Киреевский, один из главных теоретиков славянофильства, отвергал тезис Чаадаева о слабости духовного просвещения в России и подчеркивал глубинную преемственность русской культуры святоотеческой духовности, в которой постулируется идея мудрого делания, внутренней соборности: «Ибо, стремясь к истине умозрения, Восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; Западные – более о внешней связи понятий» [2, с. 201]. По мысли И.В. Киреевского, в русской истории проявляется идея духовной целостности народа, его упование на промысел Божий.

Историософские проблемы были ключевыми в публицистике и философской прозе русского поэта и философа А.С. Хомякова, который во всемир-

ной истории выделял два культурных типа – иранство как свободное поклонение духу и кушитство как подчинение веществу. Выделяя данные культурные типы, Хомяков указывает на их исходное родовое единство [3, с. 292]. Подобно И.В. Киреевскому, Хомяков утверждает в качестве основы просвещения, познания, индивидуальной и общественной жизни веру, которая по природе своей предполагает единство человека с ближними, мирозданием и Творцом. Идея мессианской роли православного Востока во всемирной истории как откровения евангельской смиренной веры была магистральной линией публицистики и поэзии Хомякова.

На протяжении всей лирики Хомякова ключевыми символами, соотносительными с исторической миссией России, были орел и Восток. Орел у славян еще в языческую эпоху соотносился с верховным небесным, грозным божеством, горным онтологическим ярусом [4, с. 139]. Символ орла как указание на пророческую близость к Богу широко представлен в текстах Священного Писания и в православной гимнографии: «...четвертое животное подобно орлу летящему» (Отк. 4: 7). Символ орла как откровение идеи пророческого преобразования человека, свободы, преодоления власти пространства и времени широко представлен в русской романтической поэзии. В поэзии А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева символ орла метафорически выражал идею русской воинской славы эпохи Петра I и Екатерины II.

Символ орла в лирике Хомякова насыщается многогранным историософским содержанием, метафорически указывая на православный Восток:

И турок в мечтах будет зреть пред собой
Тень крыльев Орла над померкшей Луной! [5, с. 85]

А.С. Хомяков «Прощание с Адрианополем» (1829)

Орел в лирике Хомякова фокусирует символику российского герба, утверждающего исторический статус Москвы как III Рима. Орел в поэзии Хомякова отождествляется с православной империей, призванной исполнить мессианскую роль освобождения угнетенных братьев-славян. Если в ранней лирике поэта акцентирована политическая идея победы над врагом, под игом которого находятся православные народы, то в его поздней поэзии орел выражает мессианскую идею воссоединения народов в соборное братство под охранительным началом России.

В «Оде» (конец 1830-х) Хомякова символ орла проецируется на славянское братство: «Орлы славянские взлетают». В финале «Оды» возникает эсхатологический символ покоя, который приобретает историософский смысл прекращения вражды славянских народов и их объединения.

Хомяков, как и Достоевский, был убежден в том, что в решении балканского вопроса позиция России противоположна Западу, его политическому расчету. Хомяков верил в то, что единство славянских народов должно основываться на соборных ценностях любви и свободы, именно это может объединить людей и народы вокруг Бога, достичь идеала Царствия Божиего: «Так да скажут избавленные Господом, которых избавил Он от руки врага, и собрал от стран, от востока и запада, от севера и моря» (Пс. 106: 2-3). Орел в поэзии Хомякова выражает просветленную Богом силу смиренного русского народа.

Россия в лирике Хомякова символизирует в современной истории сакральный центр православного Востока. В христианской культуре Восток ассоциируется с приходом Спасителя, эсхатологическим раем, предощущением преобразования в противовес Западу, соотносимому с Сатаной и смертью. В философских работах Хомякова Восток соотносится с ковчегом, хранящим основы христианской веры.

Антитеза «Восток» – «Запад» в лирике Хомякова приобретает историософский смысл и соотносится с оппозицией православная Россия – Западная Европа. Лирический зачин элегии «Мечта» (1835) раскрывает силу «густой» тьмы, ночи, вселенского умирания. Семантика смерти доминирует в глагольных формах: «бледнеют, догорая». Запад вызывает мощный ассоциативный

поток, связанный с католицизмом, западной культурой: «Запад величавый», «чудно озарен его высокой славой». В данной элегии проявляется двойственное отношение поэта к Западу: принятие его духовного наследия и отрицание гордыни, эгоцентризма, рационализма. Доминанты западной культуры – «солнце мудрости», «творческий титанизм» – в элегии Хомякова соотнесены с колористическим образом радуги, которая в индоевропейском фольклоре воспринимается мостом в иной мир и откровением идеи рая [6, с. 282]. В лирическом контексте элегии «Мечта» образ радуги раскрывает стремление Запада к максимальным формам жизнотворчества посредством власти, славы, любви, вдохновения. Вместе с тем, в самом вознесении разума, творческой воли заложена опасность гордыни, рационализма.

Историческая концепция А.С. Хомякова близка взглядам И.В. Киреевского. Достижения и кризис Запада Киреевский объясняет наследием «классического мира древнего язычества» и стремлением личности к «изолированности». Духовное же становление России шло в русле общинного миропорядка и церковного просвещения, ориентирующего на целостное духовное совершенствование. Славянофилы предвосхищали закат Запада, разочарование во всемогуществе разума и верили в «живительный дух» России, если она преодолет раскол между европейским просвещением и национальной духовностью.

Литература

1. Чаадаев, П.Я. Избранные сочинения и письма [Текст] / П.Я. Чаадаев. – М. : Правда, 1991. – 560 с.
2. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к гр. Е.Е. Комаровскому) [Текст] / И.В. Киреевский // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. : в 2 т. – М. : Типография Императорского Московского университета, 1911. – Т. 1 .
3. Хомяков, А.С. Семирамида [Текст] / А.С. Хомяков // Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. – М. : Медиум, 1994. – Т. 1.
4. Славянская мифология: Словарь-справочник [Текст] / сост. Л.М. Вагурина. – М. : Линор, 2004. – 510 с.
5. Хомяков, А.С. Стихотворения и драмы [Текст] / А.С. Хомяков. – Л. : Советский писатель, 1969. – 594 с.
6. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу [Текст] : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М. : Индрик, 1994. – Т. 3.

В.Р. АМИНЕВА

V.R. AMINEVA

**СУБЪЕКТНЫЕ СТРУКТУРЫ
В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА И Г. ТУКАЯ:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
И МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЕ ДИАЛОГИ**

**SUBJECT STRUCTURES
IN LYRICS N.A. NEKRASOVA AND G. TUKAYA:
TYPOLOGICAL PARALLELS
AND INTERLITERARY DIALOGUES**

В статье выявляются особенности организации субъектной сферы в произведениях Н.А. Некрасова и Г. Тукая, позволяющие установить тип диалогических отношений между двумя национальными литературами – «свое» как переструктурированное «чужое». Формы выражения авторского сознания, складывающиеся в творчестве русского и татарского поэтов, определяет жанрово-стилистические особенности их произведений.

The article reveals the peculiarities of the organization of the subject sphere in the works by N.A. Nekrasov and G. Tukay. This enables to establish the type of dialogical relations between two national literatures: connected with the concept of the «identical» as the restructured «alien». The forms of the author's consciousness expression formed in works of Russian and Tatar poets defines genre and stylistic peculiarities of their literary works.

Ключевые слова: русская литература, татарская литература, диалог, субъектная сфера, жанр, стиль

Key words: Russian literature, Tatar literature, dialogue, subject sphere, genre, style.

Сравнительный подход к изучению лирики Н.А. Некрасова и Г. Тукая обрел известную степень законченности в описании контактных связей и типологических схождений. На близость творчества Г. Тукая и Н.А. Некрасова одним из первых обратил внимание татарский писатель А. Файзи: «Более всего Тукай тяготел к Н.А. Некрасову, который привлекал его народностью и социальной заостренностью своего творчества» [цит. по: 22, с. 24]. Контактные связи и типологические параллели между отдельными произведениями русского и татарского поэтов установлены в монографии И.Г. Пехтелева «Тукай и русская литература». Охарактеризовав пути знакомства Г. Тукая с творчеством Н.А. Некрасова: от чтения произведений русского поэта в отдельных изданиях до ознакомления с материалами о его жизни и деятельности, которые печатались в газетах и журналах того времени, исследователь делает следующий вывод: основой «идейного единства Некрасова и Тукая» является «близость их творческих позиций в целом [19, с. 120]. Отдельные параллели между произведениями русского и татарского поэтов намечены в работах Н. Лаисова [13], Г. Халита [23] и др. Обращаясь к различным формам сравнительного метода (историко-генетическому, сравнительно-историческому, историко-типологическому, сравнению по аналогии, синтетическому сравнению и др.), литературоведы решают разные задачи: воссоздают процессы интеграции, ассимиляции, рецепции, преемственности художественных ценностей в инациональном контексте, показывают переход от сходств к различиям и т. д.

Основу межлитературных взаимодействий составляют процессы сохранения и приумножения художественно-эстетических ценностей в результате их освоения, сопоставления, приятия или неприятия представителями иной культуры. Воспринимая явления другой национальной литературы, мы сопо-

ставляем их со своим читательским и жизненным опытом, обогащая их новыми смыслами и давая им новую жизнь в новом пространстве и времени. Эти процессы имеют активный творческий характер и основываются на диалогических отношениях, принципиально открытых, незавершенных, аккумулирующих в себе содержательную энергию национального литературно-эстетического развития и духовные ценности народов. Типы диалогических отношений между национальными литературами, принципы их выделения и описания, роль в межкультурных взаимодействиях, позиция субъекта диалога литератур становились предметом специального анализа [3].

Итак, данное исследование находится в контексте идей диалога культур как формы их бытия в Большом времени, высказанных в отечественной науке М.М. Бахтиным [4]. Методологическую базу для научных поисков в области диалога литератур составили труды отечественных и зарубежных ученых [9-10, 13, 25, 26], посвященные проблеме восприятия и связанного с ним понимания. На концепцию предлагаемого исследования оказали влияние труды, посвященные категориям «своего» и «чужого». Природа «чуждости» основывается на противопоставленности этнолингвистических, этиково-вероисповедальных, пространственно-географических, социальных и других аспектов [14, с. 222-232; 18, 20, 24].

Существующие между творчеством Г.Тукая и Н.А. Некрасова контактно-генетические связи и типологические схождения определяют формирование особого типа диалогических отношений между ними - «“свое” как переструктурированное “чужое”». Речь в данном случае идет не о влиянии как филиации тем, идей, образов, художественных приемов из русской литературы в татарскую, а о трансформации последних в новых условиях, их жизни и функциях в иной идейно-художественной системе. Установлено, что «данный вид диалогических отношений осуществляет своеобразное взаимоналожение семантических полей “своего” и “чужого” художественно-эстетического опыта. “Чужая” словесная позиция, трансформируясь в “иную”, становится одним из кодов в данной художественной системе, без знания которого невозможно ее адекватное восприятие и понимание. <...> Возникающие при этом добавочные ассоциации увеличивают семантическую емкость “исходных”, осваиваемых моделей и структур. Контекст иной литературы раскрывает их архетипичность, способность порождать новые смыслы» [2, с. 128].

Вслед за Н.А. Некрасовым Г. Тукай вводит в лирику социальное содержание как особое чувство («чувство социальности», по Б.О. Корману) и особый взгляд на человека. Социальное содержание, становясь источником формообразования, трансформирует лирический текст, обогащая его элементами эпического и драматического родов литературы. Эта закономерность, определяющая, по Б.О. Корману, стилистические и композиционные средства выражения авторского сознания в лирике Н.А. Некрасова [11, с. 399-484], проявляется и в творчестве Г. Тукая. В лирике Н.А. Некрасова сознание народа и соответствующий ему стиль входят в произведение и в своей субъектной непосредственности, и как объект иного сознания - лирического «я», лирического героя, повествователя. У Г. Тукая, как у Н.А. Некрасова, социально мыслящий человек становится предметом художественного изображения. С социально-аналитическим началом в творчестве Г. Тукая связана важная для всей татарской литературы тенденция - разрушение моносубъектности лирической системы.

Глубокие раздумья о бедственном положении родины, об угнетенном народе отражены в «Размышлениях у парадного подъезда» (1858) Н.А. Некрасова и «Осенних ветрах» (1911) Г. Тукая: тема народных страданий воплощается в обоих стихотворениях в художественной форме песни-плача [1, с. 137-141.]. Функционально-тематическое сходство с третьей частью стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда», начинающейся со слов: «Назови мне такую обитель...», обнаруживает и другое произведение Г. Тукая «Национальные мелодии» (1909).

Создавая эпически развернутую картину народного горя, Н.А. Некрасов использует прием песенной суммарности словоупотребления. Великую скорбь и переполняющую душу русского народа боль выражает понятие «стон». Настойчиво повторяясь, оно становится мотивом, вокруг которого концентрируются слова близких и смежных значений: «терпение», «скорбь», «неисходное горе». «Стон» – обобщенно-символическая форма изображения устойчивых и экзистенциально значимых переживаний и душевных состояний народа, представленного в стихотворении его собирательным образом. Названный песней («Этот стон у нас песней зовется...»; «Создал песню, подобную стону...» [16, с. 268]), стон раскрывает основы мировосприятия крестьянства, все духовные силы которого направлены на то, чтобы перетерпеть «неисходное горе».

Лирический субъект внеаходим по отношению к страдающему народу. Вслушиваясь в «бесконечный стон», он мучительно ищет ответ на волнующий его вопрос: «Что же значит твой стон бесконечный?» [16, с. 268]. Наряду с основным лирическим персонажем в стихотворении Н.А. Некрасова присутствуют несколько автономных субъектов, имеющих характерную для каждого из них речевую манеру. Это «мужики, деревенские русские люди», символизирующие русское крестьянство в целом. Их сознание раскрывается через песенные мотивы, которые вторгаются в авторское повествование, музыкально-эмоциональный тон, определяющий звучание третьей части стихотворения. Своим особым голосом, точкой зрения на мир и человека обладают герой-швейцар, описывающий подошедших к парадному подъезду просителей, «владелец роскошных палат», наконец, сочинитель «вставного» стихотворения «на смерть» вельможи [11, с. 463-467].

В стихотворении «Национальные мелодии» Г. Тукай дает художественно-эстетическую трактовку понятия «монг»¹ – одного из национально-специфичных концептов татарской культуры, показывая, какое воздействие оказывает песня «Аллюки» на лирического героя. В этом произведении складывается качественно иная субъектная ситуация: автономности субъектов и способности повествователя включать в себя голоса «других» противопоставляется субъектный синкретизм. Лирический герой Г. Тукая, исполнитель песни «Аллюки» и народ, сложивший ее, образуют особую субъектную целостность, которая отличается такими чертами, как нераздельность «я» и «другого», «я» и «мы», отсутствие между ними субъектных границ. М.И. Ибрагимов, исследующий процессы национально-культурной идентификации на материале татарской поэзии XX в., приходит к выводу, что в этом стихотворении Г. Тукая «идентификация представляется как резонанс между внутренним миром лирического героя и татарской мелодией... Душа лирического героя, словно камертон, откликается на народную мелодию, которая рождает в нем чувство сопричастности национальному» [7, с. 151].

Голос одного конкретного человека, в данном случае исполнителя песни, становится голосом целого – «души татарского народа»: «Она тревожит сердце. В ней живет / Татар многострадальная душа» (перевод В. Тушновой) [22, с. 210]. С другой стороны, между лирическим героем и «душой народа» устанавливаются экзистенциальные отношения тождества, единства, взаимопроникновения.

В стихотворении несколько семантических центров, обозначенных как «я», «кто-то» (исполнитель песни), «мы», «наш народ». Высказывание от «я» сменяется во второй строфе точкой зрения «мы». Затем вновь происходит переход от «мы» к «я». Субъектная метаморфоза отражает процесс самои-

¹ Монг – понятие, определяющее «национальный колорит татарской духовной культуры, специфическую черту мироощущения, эмоциональное состояние сдерживаемой печали, выражающееся в варьировании оттенков основной интонации» [21, с. 365]. А.М. Галиева и Э.Ф. Нагуманова подчеркивают, что монг – «это не столько переживание боли и утраты, сколько глубоко внутреннее состояние часто беспричинной тоски и печали, которые имеют подсознательную природу и проявляются наиболее остро в моменты душевных томлений» [6, с. 247].

дентификации лирического героя. С одной стороны, с «монг» связаны глубоко личные переживания человека. Ч. Бахтиярова подчеркивает, что это слово не имеет идентичного выражения в русском языке: «Объяснить его можно как “язык души”, выражение в напевах самых сокровенных задушевных чувств простых людей» [5, с. 227]. Разные мысли, которые рождаются под влиянием бесконечно жалобной, печальной мелодии, отражают момент самоуглубления и характеризуют «я» во всей конкретности его индивидуально-личного бытия. Но, с другой стороны, мелодия выражает то общее, что свойственно внутреннему миру всех представителей этноса – общее в мировосприятии, жизненной позиции, идейно-эмоциональных реакциях на явления действительности. Родовое сознание людей, испытывающих трехсотлетний гнет и размышляющих о своей судьбе, сливается с сознанием личности, концентрирующей в своем внутреннем мире эмоционально-психологический опыт «мы» народа: «Она тревожит сердце. В ней живет / Татар многострадальная душа» [22, с. 210].

Наконец, субъект речи из слушателя, внеположного бытийной ситуации, превращается в ее действующее лицо, становится субъектом переживания душевной боли и страдания: «Да, много тягот испытали мы, / Не сосчитать пролитых нами слез» [22, с. 210]. Вся сущность общего бытия народа и истории сосредоточивается в личности лирического героя. Такое бытийно-субъектное взаимопроникновение «я» и «мы» приводит к преодолению линейного времени человеческой жизни и ее пространственно-материальной ограниченности. Единение «я» с «мы» – с окружающим, близким и отдаленным, общим, стирает пределы свершившегося и возможного, осуществляя прорыв в иной мир: «Я изумленно слушал, отойдя / От повседневной суеты земной, / И возникал передо мной Булгар, / И Ак-Идель текла передо мной» [22, с. 210]. «Нераздельность» «я» и «мы» в стихотворении Г. Тукая тем не менее не приводит к интегральности образа лирического субъекта и отказу от изображения его как замкнутой и определенной личности. «Неслиянность» в субъекте речи «я» и «другого» (певца, носителя народного сознания) акцентирована в финальных строчках: «“Послушай, брат, что ты за песню пел?” / Татарин мне ответил: “Аллюки”» [22, с. 210]. Таким образом, субъект речи, совмещающий в себе голоса «других» до полного слияния и неотделимости друг от друга, в то же время остается самим собой.

В литературоведении установлено, что в стихотворении Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» гневное обличение «владельца роскошных палат» принимает жанровую форму инвективы с присущими ей доминирующими признаками [15, с. 37]. Инвективой является и стихотворение Г. Тукая «Дача» («Воспоминания о путешествии по Волге», 1911). Б.О. Корман считает, что Н.А. Некрасов в «Размышлениях у парадного подъезда» искусно смог ввести в поэтический текст манеру выражения владельца палат [11, с. 465–466]. Г. Тукай вводит в речь повествователя слово народа: «Во как!». Фраза, произнесенная на русском языке, представляет экспрессивную, просторечно-неукрашенную речевую манеру «мужиков». Сочувственно характеризуя положение простого люда, лирический субъект в финале стихотворения преодолевает разделенность с ним. Последнее двустишие звучит и как голос лирического «я», и как голос бедняков, свергнутых открывшимися им социальными контрастами в состоянии крайнего изумления.

У Н.А. Некрасова и Г. Тукая есть произведения, посвященные трагической судьбе женщины, сходные по проблематике, способам выражения авторского сознания и художественной структуре. Стихотворения «Когда из мрака заблужденья» (1846) и «Опозоренной татарской девушке» (1909) представляют собой драматизированный лирический монолог, обращенный к униженной, страдающей женщине, ставшей жертвой социальной несправедливости. Оба стихотворения относятся к жанру послания с характерными для него эксплицитными обозначениями адресата личным местоимением «ты», риторическими вопросами и восклицаниями.

В стихотворении Н.А. Некрасова на первый план выдвигается моральная активность лирического субъекта, способность осознать социальные противоречия и общественную несправедливость. Лирический герой Н.А. Некрасова способен не только понять и сострадать героине, но и старается «спасти» надломленную своей униженностью женскую душу. Индивидуальность лирического субъекта просматривается не только в его активной жизненной позиции, но и в способах изображения «другого». Он настолько сосредоточен на переживаниях женщины, что его речь несет на себе отпечаток ее мыслей и чувств, особенностей душевного склада и характера. Призывы, обращенные к героине стихотворения, раскрывают в личности лирического субъекта волевое начало – готовность противостоять законам и нормам окружающего мира.

Лирический герой Г. Тукая сосредоточен на выражении охвативших его при виде стоящей у столба девушки трагических эмоций и переживаний. Как и в стихотворении Н.А. Некрасова, позиция лирического «я» Г. Тукая выражена открыто. В первой строфе содержится признание: «Погляжу и сжимаются сердце, – / Как жестока такая судьба!» [22, с. 200] (перевод В. Тушновой). Стихотворение заканчивается изображением эмоционально-психологического состояния лирического героя: «Ты стоишь и не видишь поэта, / И не знаешь, что мимо тебя / Он проходит с истерзанным сердцем, / О судьбе твоей горькой скорбью» [22, с. 200].

Свойственные лирике Г. Тукая принципы обобщения (взаимно-однозначные соответствия личного и общего, психологически-конкретного и общеродового) проявляются в динамике авторской позиции, в использовании взаимозаменяемых субъектных форм. «Я» – носитель речи – в последней строфе превращается в объект говорения. Лирические персонажи в стихотворении обозначены как «ты», «я» и «поэт». «Я» и «поэт» – одно лицо, а последняя строфа представляет собой своеобразный диалог с самим собой – осознание лирическим героем Г. Тукая особенностей своего душевного склада, способности к самозабвенному состраданию и сочувствию.

Подобно Н.А. Некрасову, воссоздающему действительность в ее социальной объемности, с разных точек зрения, Г. Тукай дает право голоса представителям народных масс. Стихотворение «Мольба (из уст одной женщины)» (1908) построено как лирико-драматическая исповедь униженной и страдающей женщины-татарки и восходит к фольклорному жанру «длинной» песни. Произведение принадлежит к «ролевой» лирике, подобно таким стихотворениям русского поэта, как «Катерина», «Буря», «Дума», «Отрывок» («Я сбросила мертвящие оковы...»). Б.О. Корман рассматривает «ролевые» стихотворения Н.А. Некрасова как произведения двуродовые и двусубъектные [11, с. 375]. Субъект речи в поэме Г. Тукая – «одна женщина», которая не обладает резко характерной речевой манерой, определяемой личностью, биографией, положением и позволяющей соотнести ее с конкретной социально-бытовой средой. Героиня выступает как субъект сознания, не отграниченного от сознания автора, которое обнаруживает себя в заглавии произведения и в его речевой структуре. Точка зрения повествователя доминирует в первой части стихотворения – в рассказе героини о жизни в родительском доме до замужества. Ей соответствует высокий стиль, передающий значительность и напряженность раздумий о женской доле.

Постепенно в лирическое движение фраз, соответствующих правилам литературного языка, врывается интимно-разговорный синтаксис, увеличивается количество просторечных слов и выражений. Стилистическое движение отражает движение субъектное. Во второй части стихотворения, в повествовании о жизни в доме мужа, доминирует точка зрения героини. С тенденцией к явно нетрансформированной передаче чужой речи связана драматизация лирического текста. Лирический монолог превращается в повседневную бытовую сцену, тяготеющую к жанру физиологического очерка.

В финале точка зрения героини сливается с общенародной, что выражается в использовании формы множественного числа («мы») и афористичности двух последних строк стихотворения, тяготеющих к самодостаточности и содержащих оценочное обобщение: «Он скажет: «Всех сожгу!». И может сжечь, а мы / Для ярости его неистовой – дрова!» [22, с. 372] (перевод Вс. Рождественского). Практическое философствование погружено в быт и вырастает на его основе: женщина не видит выхода для себя в этом жестоком мире. Однако эта афористически сформулированная житейская мудрость противоречит общечеловеческой нравственности и этическим убеждениям поэта-автора, позиция которого прямо не проявлена и вытекает из представленных в тексте драматических коллизий, отражающих систему существующих социально-бытовых связей.

Итак, субъектная архитектоника произведений оказывается той сферой, в которой проявляется действие глубинных механизмов, определяющих универсальные и уникальные свойства каждой национальной литературы. В отличие от «субъект – субъектных» и «субъект – объектных» отношений в лирике Н.А. Некрасова поэзия Г. Тукая характеризуется субъектным синкретизмом – слабой расчлененностью автора и героя, легкостью пересечения субъектных границ. Слияние и взаимопроникновение субъектных планов «я» и «другого», их ценностных кругозоров в произведениях Г. Тукая обусловлены особенностями развития личного начала¹ в татарской литературе этого периода, а также характерной для данного типа культуры логикой формирования смысла: взаимно-однозначными соответствиями и взаимопереходами друг в друга единичного, психологически конкретного и всеобщего, родового, единого.

Литература

1. Аминова, В.Р. Межлитературные текстовые образования: семиотика и поэтика [Текст] / В.Р. Аминова // Филология и культура. – 2013. – № 1 (31). – С. 137-141.
2. Аминова, В.Р. Принципы и приемы психологизма в русской литературе XIX в. и в татарской прозе I трети XX в.: сопоставительный анализ [Текст] / В.Р. Аминова // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 6. – Казань, 2008. – С. 124-136.
3. Аминова, В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.) [Текст] / В.Р. Аминова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.
4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
5. Бахтиярова, Ч. Обновление национальной традиции [Текст] / Ч. Бахтиярова // Национальное и интернациональное в литературе и искусстве. – М. : Мысль, 1964. – С. 224-261.
6. Галиева, А.М. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта Монг) [Текст] / А.М. Галиева, Э.Ф. Нагуманова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155. Кн. 2. – С. 245-252.
7. Ибрагимов, М.И. Идентичность в литературе (на материале татарской поэзии XX в.) [Текст] / М.И. Ибрагимов // Филология и культура. – 2013. – № 1 (31). – С. 151-154.
8. Изер, В. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте [Текст] / В. Изер // Немецкое философское литературоведение наших дней: антология / пер. с нем. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С. 186-216.

¹ «“Чувство личности” в татарской литературе не было выражено столь остро, как в русской литературе, и имело несколько иное содержание: оно чаще всего выступало как чувство общности личности и нации, личности и народа» [17, с. 55].

9. Изер, В. Вымыслообразующие акты. Глава из книги «Вымышленное и воображаемое: набросок литературной антропологии» [Текст] / В. Изер // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 27. – С. 23–40.
10. Изер, В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология [Текст] / В. Изер. – М. : Флинта: Наука, 2004. – С. 201–224.
11. Корман, Б.О. Избранные труды. История русской литературы [Текст] / Б.О. Корман. – Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2008. – 732 с.
12. Лаисов, Н.Х. Лирика Тукая: вопросы метода и жанра [Текст] / Н.Х. Лаисов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1976. – 168 с.
13. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.
14. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2002. – 768 с.
15. Матяш, С.А. Жанр инвективы в поэзии Ф.И. Тютчева [Текст] / С.А. Матяш // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2007 – № 11. – С. 36–43.
16. Некрасов, Н.А. Собр. соч. [Текст] : в 4 т. Т. 1 / Н.А. Некрасов. – М.: Изд-во «Правда», 1979. – 368 с.
17. Нигматуллина, Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала [Текст] / Ю.Г. Нигматуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 211 с.
18. Пеньковский, А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке [Текст] / А.Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987. – М. : Наука, 1989. – С. 54–82.
19. Пехтелев, И.Г. Тукай и русская литература [Текст] / И.Г. Пехтелев. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1966. – 184 с.
20. Сахно, С.Л. «Свое – Чужое» в концептуальных структурах [Текст] / С.Л. Сахно // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 95–101.
21. Татарский энциклопедический словарь [Текст]. – Казань : Ин-т Татар. энцикл. акад. наук РТ, 1999. – 690 с.
22. Тукай, Г. Стихотворения [Текст] / Г. Тукай ; пер. с татар. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 432 с.
23. Халит, Г. Многоликая лирика [Текст] / Г. Халит. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. – 336 с.
24. Шукуров, Р. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости [Текст] / Р.Шукуров // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М. : Алетейя, 1999. – С. 5–30.
25. Яусс, Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория: антология [Текст] / Г.Р. Яусс. – М. : Флинта: Наука, 2004. – С. 192–200.
26. Яусс, Х.Р. История литературы как провокация литературоведения [Текст] / Г.Р. Яусс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

А.П. КАШКАРЕВА

A.P. KASHKAREVA

ПСИХЕЯ И «ПСИХОПАТЫ»
В РАССКАЗАХ Н.С. ЛЕСКОВА 1880-х гг.

THE PSYCHE AND «PSYCHOPATHS»
IN N.S. LESKOV'S LITERARY WORKS OF 1880s

В статье рассматриваются особенности изображения женских персонажей в произведениях Н.С. Лескова позднего периода творчества. На материале двух рассказов указанного периода доказывается, что писателя интересовали разнообразные проявления русского характера, поскольку Н.С. Лесков искал разгадку русской души и тайны русской жизни.

In the article features of female character's depiction in N.S. Leskov's late literary works are under discussion. Based on the material of the two stories of stated period it is argued that the writer was interested in variety of the Russian character performance that is caused by N.S. Leskov's intention to figure out the Russian soul and the Russian life mystery.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, русская проза, психея, персонажный образ.

Key words: N.S. Leskov, Russian prose, psyche, a character.

На протяжении всей жизни Н.С. Лесков искал разгадку русской души и тайны русской жизни. Писатель старался понять, возможен ли переход русского человека от грешности к праведности, поскольку подмечал в душе народа и каждого отдельного его представителя нечто такое, что позволило бы этот переход совершить. Лесков обнаруживал «праведников» во всех слоях общества, но при этом понимал, что они не могут быть верным отражением настоящего русского национального характера, поскольку «праведничество» – явление редкое. Он признавал существование подобных людей, но с горечью отмечал и другое: «Мы народ дикий и ни с чем не можем обращаться бережно» [XI, с. 560]. В связи с этим Лесков-писатель был столь внимателен к противоречивым проявлениям русского характера. Свой собственный путь, прием творческого постижения личности человека Лесков в 1883 году (будучи достаточно зрелым человеком и писателем) определил следующим образом: «Я не могу брать фактиком, а беру кое-что психией, анализом характера, его рисовкою»¹ [7, с. 377–378]. Иными словами, писатель изучал душу человека, концентрировал внимание на его онтологической сущности, постепенно отходя в своем творчестве от политического, социального в изображении русского характера, что было характерно для художественного и публицистического наследия Н. Лескова 1860-х годов.

В творчестве Н.С. Лескова некоторые критики и писатели особо выделяли 1880-е годы. М.А. Протопопов в работе «Большой талант» (1891) отметил, что с середины 1880-х годов Лесков – «автор небольших, но многочисленных сказаний, новелл и притчей, совершенно чуждый какой бы то ни было злобы дня» [10, с. 258]. А.В. Амфитеатров в статье «Николай Семенович Лесков» также заметил, что автор «из воинствующего тенденциозного беллетриста превращается <...> в художника-объективиста, тонкого и внимательного наблюдателя русских нравов и, в связи с тем, замечательного исследователя русской народной психологии, этики и религии» [1, с. 334]. Другие, напротив, отмечали уход писателя в область сатиры, в обличение и не рассматривали основополагающие принципы позднего творчества Леско-

¹ Письмо к Н.А. Лейкину от 24 сентября 1883 г.

ва. Сам писатель остро реагировал на некую шаблонность восприятия его художественных сочинений. Так, по воспоминаниям А.И. Фаресова, Н. Лесков сетовал на то, что литературная критика акцентировала внимание на «второстепенных» аспектах его творчества, упуская из виду главное: «Говорят о моем “языке”, его колоритности и народности; о богатстве фабулы, о концентрированной манере письма, о “сходстве” и т.д., а главного не замечают. Вот, в XI томе “сходство” – то приходится искать в собственной душе, если в ней есть Христос» [12, с. 195]. Именно в 1880-е годы произошла интеграция всех важнейших линий и направлений литературного труда Н. Лескова. Религиозно-нравственное начало во многом определило внутреннее единство и системность художественного мира, созданного писателем, что естественно повлияло и на изображение человеческих характеров. В этом смысле следует согласиться с Н. Ангеловой, которая считает, что «писатель <...> в эти годы постигал этнопсихологию народа, открывая все новые грани русской души» [2, с. 12].

Размышления о русском характере и его особенностях в полной мере нашли отражение в рассказах Н. Лескова позднего периода: «Жемчужное ожерелье» и «Старинные психопаты». Оба рассказа были впервые напечатаны в журнале «Новь», 1885, № 5 (январь) и №№ 8 и 9. Рассказ «Жемчужное ожерелье» вышел с подзаголовком «Святочный рассказ», а «Старинные психопаты» автор позже включил в сборник «Рассказы кстати».

За основу сюжетов этих сочинений взяты «случаи из жизни», что само по себе характеризует лесковский подход к окружающей действительности и ее отражению в тексте: с помощью припоминания события из прошлого происходит усвоение уроков истории в настоящем и в будущем. Писать «мемуаром» [X, с. 451] Лесков любил, считал воспоминания «самой неутомительной литературной формой» [XI, с. 114]. По верному замечанию О.В. Евдокимовой, «память <...> помогает расширить “поле” авторской “субъективности”, увеличить сферу жизни, вовлеченную в единичную “субъективность”, которая получает другой масштаб» [5, с. 61]. Все, что сообщается о героях лесковских текстов, становится достоянием культурной памяти, а в соответствии с этим приобретает черты объективности (дистанцированность от авторского «я»), народности, легендарности. В художественном мире Н.С. Лескова все прошедшее несет на себе отпечаток сказочного поэтического мировосприятия (на что указывает и выбранная жанровая форма) и, кроме того, писатель не обличает негативные черты поведения персонажей, а стремится постичь глубины их душ.

В рассказе «Жемчужное ожерелье» разгадать мотивы поведения Машеньки Васильевой (стремительное замужество) не представляет особого труда, поскольку все ее мысли и поступки объясняются традиционным пониманием предназначения русской женщины. Образ жизни героини, черты характера, которыми наделяет автор этот персонажный образ, репрезентируют ее как обладательницу русской женской души: «...девушка ясного ума, благородного характера и прекрасного и верного сердца» [VII, с. 435]. По этой причине Машенька не боится ошибиться, поскольку стихийно¹, интуитивно ощущает, что ее влечение к мужчине – любовь: «Любовь ведь – это по нашему женскому ведомству, – мы ее замечаем и видим в самом зародыше» [VII, с. 435]. Особо Лесков подчеркивает в образе своей героини неотступное следование законам Божиим: если во время Таинства было дано слово «заботиться о счастье друг друга» [VII, с. 435], то нарушить его уже не представляется возможным, поскольку это равносильно отказу служить самому Христу (как пишет Протоиерей Геннадий Нефедов, «в христианском браке муж берет на себя крест семейной жизни, чтобы следовать за Христом. Жене же он предлагает сделать то же, став ему помощницей и другом» [9, с. 10]). Речь

¹ Стихийность – одна из определяющих черт в структуре персонажного образа Н.С. Лескова.

героини доказывает ее верность Богу, Слову и мужу: «Я, папа, не выбирала. Мне его бог дал» [VII, с. 446]. Примечательно, что это одна из немногих фраз, произносимых Машей, что, безусловно, характеризует и позицию автора в отношении персонажа: стержневая черта характера русской девушки – религиозность, приверженность вере. Не случайным это видится именно в рассказе середины 1880-х годов, поскольку в этот период времени для Н. Лескова «христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное ... в Евангелии не столько «путь к небу», сколько «смысл жизни» [XI, с. 509]. Это же отмечает И.Н. Минеева: «1880-1890-е гг. – новый этап в литературной деятельности Н.С. Лескова. В это время происходят принципиальные изменения в его этических и эстетических позициях...» [8, с. 5]. Воззрения Лескова на жизнь в этот период стали ближе к христианскому идеалу и первостепенную задачу художника он теперь видит в том, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее. Важная роль в этом смысле отводится Лесковым женским персонажам, что не противоречит народной культуре в целом. Вспомним, что еще в XVIII веке за женщиной признавались среди прочих добродетелей и указанные нами: «любовь к слову и службе божьей, истинное познание бога, страх божий, смирение, призывание бога, благодарение, исповедание веры, почитание родителей <...> и проч.» [13, с. 47]. Интересно, что в рассказе стремление героя обрести семью в чрезвычайно короткие сроки приводит к тому, что его называют «психопатом» (что в равной степени относится и к Машеньке). При этом Н. Лесков пишет, что «слова “психопат” тогда еще не было у нас в употреблении» [VII, с. 434], но один из персонажей, давая оценку действиям своего брата отмечает, что он «должно быть, немножко с ума сошел от скуки» [VII, с. 434] и предлагает ему продолжить фантазировать, тем самым указывая на еще одно качество героя. Расширяется и читательское понимание того, кто же такой «психопат»/«психопатка» – человек, который «с ума сошел от скуки», но при этом с богатой фантазией.

В рассказе «Старинные психопаты»¹, продолжая изучение русской души в ее женском варианте, Лесков добавляет характеристики, которые определяют образ героя/героини – «психопата»: «как герои, так и плуты, – все в своем роде выходят как будто в свою очередь тоже и «психопаты», в которых много «грандиозного», «наивного» и «преувеличенного», «своеобразного» [VII, с. 451]. Чрезмерность/избыточность (во всех областях жизни) выступает одной из важных черт «психопата», которая осознается Н. Лесковым как национальная черта. Видимо, по этой причине, писатель с симпатией рисует образы подобных женских персонажей – «психопаток», пытаясь увидеть в глубинах их душ первопричину «психопатии».

В указанном художественном тексте наблюдаем совершенно иной, не свойственный для автора подход в раскрытии сущности женского персонажа: Н. Лесков в рассказ не включает портрет героини, остаются без внимания детали быта, поскольку первостепенным автору видятся мотивы поведения, движения души, определяющие выбор женщиной той или иной стратегии поведения. В структуре персонажного образа Н.С. Лескова важную роль играет «чужая речь», которая, с одной стороны, позволяет добиться эффекта достоверности истории, с другой же, «чужое слово» – элемент, характеризующий личность героя. В тексте рассказа нередко подобные выражения: «“любя своего мужа”» [VII, с. 459], «“делать его жизнь нескучно”» [VII, с. 460], «“доглядывала его, як маты свою дытыну”» [VII, с. 461], «“Степаниду Васильевну даже любили, “як маты”» [VII, с. 462] – смысл которых, на наш взгляд, кроется в том, что, прием «смены точек зрения» позволяет взглянуть как читателю, так и автору на персонажа вне системы, а самопознание героя не может обойтись без фигуры «другого».

¹ Название рассказа «Старинные психопаты», на наш взгляд, указывает на то, что речь пойдет о людях старины («старина», «старинушка»), которые отличались особым подходом к жизни, и о событиях давно минувших дней.

Героиня рассказа Степанида Васильевна является не столь однозначной, по сравнению с Машенькой («Жемчужное ожерелье»). Создается ощущение неменяемости героини, не возникает сомнений, что ее сознание уязвлено («...сделалась “навек не человек” [VII, с. 459]), поскольку действия женского персонажа абсурды, пошлы, дики, безнравственны (на первый взгляд), а супруг Степаниды при этом больше всего ценил в ней «вхожестиво все его слабости и мании...» [VII, с. 489], «по-своему любил, и во всяком случае уверял, будто очень ее “уважает”» [VII, с. 461], вероятно за «такт, сдержанность и щедрость» [VII, с. 463].

Степанида супруга своего любила и «жила с ним всегда в постоянном согласии» [VII, с. 459], «не перечила мужу, так как мир и согласие супружеское она, по завету предков, ставила выше всего на свете...» [VII, с. 460]. Героиня прилагала все свои усилия, чтобы ее муж был *Дома*, поскольку для нее жизни вне дома не существовало: «...она стала прилагать всякие заботы, чтобы он “от нее не удалялся” <...>» [VII, с. 459]. Н.С. Лесков в поздний период творчества придерживался консервативных взглядов и стоял на той точке зрения, что для поддержания статуса жены, матери, хозяйки женщины необходимо было вести домашний образ жизни (А. Веселовский отмечал, что у женщины «...вся жизнь должна сосредоточиться дома <...>» [3, с. 23]; подобное читаем у С. Герберштейна: «Они (москвиты) не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит» [4, с. 112])). Семья сродни монашеству: самоотречение и затворничество во имя служения: в одном случае – Богу, в другом – семье, а, следовательно – тоже Богу. В отношениях Вишневого и Степаниды Васильевны многое проясняют приводимые Лесковым отрывки из писем. Из них читатель узнает, какие чувства испытывают друг к другу супруги, какие мотивы двигают Степаниду Васильевну потакать прихотям мужа в поисках любовниц и молчаливо наблюдать за его действиями. В письмах героиня обращается к мужу – «ангел души моей», «бесценный друг мой», «друг мой», а заканчивает письма всегда одной и той же подписью: «Твоя верная жена и раба Степанида» [VII, с. 460]. Т.е. героиня органично себя чувствует в этих ролях – жены и рабы, для нее это понятия одного порядка. Справедливость этого суждения доказывается в одном из писем: «Бог видит мою правду и истину, что люблю тебя больше всего на свете, и от разлуки с тобой сердце мое по тебе иссушается как трава...» [VII, с. 460]. Правда и истина сливаются воедино для Степаниды, поскольку Истина – понятие, имеющее отношение к божественному началу, а правда – к человеческому, соответственно, по мнению Степаниды, все происходит так, как Бог велит, ведь ему Истина известна. На наш взгляд, именно этим объясняется смирение и абсолютная любовь героини к своему супругу: «И, счастливая всем на свете, что только доставляло удовольствие ее мужу...» [VII, с. 489]. По Лескову, путь к истинной доброте и верному счастью лежит через неустанную мысль и бесконечную заботу о благополучии других людей. Испытать настоящее счастье, как считает Н. Лесков, возможно, если отречься от своего собственного благополучия и личного счастья. Любовь к другим — синоним счастья (подтверждение тому можно обнаружить в Библии: «Все дни несчастного печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пир» (Притчи 15:15), «Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу!» (Псалом 117:15) и т.д.)). Не случайно и то, что Н. Лесков наделяет похожими именами своих персонажей в этом рассказе (Степанида Васильевна и Степан Иванович), подчеркивая схожесть их душ. Еще более эта схожесть проявляется в тот момент, когда Степанида умирает (кульминационный момент, знаменующий перерождение души героя) и ее супруг (возможно, неожиданно и для самого себя) осознает ту роль, которую играла Степанида в его жизни: «Степан Иванович понял, что его новой жене недостает того, что имела прежняя...» [VII, с. 490]. Перед смертью герой с новой силой ощущает разумность жизни со своей бывшей женой: «Вишневному показалось, что у него как будто “от-

ряслось сердце"... Скакал, скакал, тряся, тряся - и оно отряслось...<...>. Все так хорошо, кругом цвет и благоухание... Он все видит, слышит и понимает..."» [VII, с. 490] – на него сошло просветление, понимание основ жизни.

Н.С. Лесков, называя Вишневских «психопатами», старался проникнуть в психею, постичь особенности русской души, наделенной «живою фантазией» [VII, с. 490], под которой следует понимать проявление жизни в душе человека (чрезмерности, стихийности и проч.). Психея Степаниды Васильевны – русская душа женщины, которая больше всего любит своего мужа. Любовь же, по мнению Н. Лескова, способна творить святых и героев. Этой силой и обладала Степанида Васильевна Вишневская, которая была женщиной, возносящей дух мужчины и объединяющей его с божественным началом.

Для Николая Лескова не была важна внешняя привлекательность сюжета, образов (писатель считал, что художественный текст должен заключать в себе «истинное происшествие» [VII, с. 433], т.е. саму жизнь). В поздний период творчества автора одинаково интересовали разные проявления русского национального характера, поскольку он стремился раскрыть все новые его грани на страницах своих художественных произведений, доказывая, что русский национальный характер, русская душа многолики, неоднозначны в своей парадоксальности, но благодаря этому и складывается образ русского народа и русской женщины.

Литература

1. Амфитеатров, А.В. Николай Семенович Лесков [Текст] // Собр. соч. : в 37 т. / А.В. Амфитеатров. – СПб., 1896. – Т. 22. – 359 с.
2. Ангелова, Н.В. Тайна русского характера: произведения Н.С. Лескова 1880–1890-х годов [Текст] : монография / Н.В. Ангелова ; науч. ред., предисл. В.Е. Андреева. – Мичуринск, 2007. – 90 с.
3. Веселовский, А. Женщина и старинные теории любви [Текст] / А. Веселовский. – СПб., 1912. – 96 с.
4. Герберштейн, С. Записки о Московии [Текст] / С. Герберштейн. – М., 1988. – 430 с.
5. Евдокимова, О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова [Текст] / О.В. Евдокимова. – СПб., 2001. – 317 с.
6. Лесков, Н.С. Собрание сочинений [Текст] : в 11 т. / Н.С. Лесков ; под общ. ред. В.Г. Базанова [и др.]. – М. : ГИХЛ, 1956–1958. – Т. VII. – 581 с. В дальнейшем произведения Лескова, за исключением особо оговоренных случаев, цитируется по данному изданию с указанием номера тома римской цифрой и номера страницы – арабской.
7. Лесков, Н.С. Из неизданной переписки [Текст] / Н.С. Лесков ; вступ. заметка, публикация и прим. К. Богаевской // В мире отечественной классики : сб. статей / Ф. Кузнецов, Д. Николаев. – М., 1984. – 464 с.
8. Минеева, И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова : автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 [Текст] / И.Н. Минеева. – СПб., 2003. – 20 с.
9. Нефедов, Г. Таинство и обряды православной церкви [Текст] / Г. Нефедов. – М., 2005. – 196 с.
10. Протопопов, М.А. Больной талант [Текст] / М.А. Протопопов // Русская мысль. – 1891. – № 12. – С. 258–297.
11. Романенко, А. Заметки Лескова о литературе [Текст] / А. Романенко // В мире Лескова. – М., 1983. – С. 318–322.
12. Фаресов, А.И. О Лескове [Текст] / А.И. Фаресов // Книжки недели: Ежемесячный литературный журнал. – СПб., 1900. Май. – С. 195.
13. Юности честное зеркало или показание к житейскому обхождению. Собрание от разных авторов. Печатается повелением Царского Величества в Санкт-Петербурге лета Господня 1717, февраля 4 дня. Нравоучения от Священного писания, по алфавиту избранные [Текст]. – М., 1990. – 112 с.

УДК 891.7
ББК 83.3(4Рос)

Б.И. ОСИПОВ,
О.В. МИРОШНИКОВА

B.I. OSIPOV,
O.V. MIROSHNIKOVA

У ИСТОКОВ НОВОГО ЗВУЧАНИЯ
РУССКОГО СТИХА
(ЗАМЕТКИ О СТИХЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА)

AT THE ORIGINS
OF RUSSIAN POEM SOUNDING
(SOME NOTES ABOUT F.I. TUTCHEV)

В статье рассматриваются первые проявления перехода русского стиха с силлабо-тонической на чисто тоническую (акцентную) систему в XIX столетии.

The first steps of a Russian poem passing from the syllabic accentual form to the pure accentual system in the XIXth century are discussed in the article.

Ключевые слова: силлабо-тонический стих, дольник, акцентный стих, синтагматическое ударение, дебют, цикл, журнал.

Key words: syllabic accentual verse, accentual verse, syntagmatical stress, debut, cycle, magazine.

XIX столетие в истории русской поэзии ознаменовалось не только выдающимися поэтическими талантами, но и началом перехода к новым стиховым системам. И первый заметный шаг в этом направлении связан с именем Ф.И. Тютчева.

Загадочен, до конца не прояснен и сегодня поэтический дебют поэта. Точнее – его этапы, эксплицирующие природу целостности отдельных стихотворений, лирических «подборок», лейтмотивных цепочек, повторов. Поражавшая современников «плотность вещества» поэзии Тютчева (по позднейшему выражению Л.В. Пумпянского), созданная огромным «числом аналогий, параллелей, повторов ... всеобщим их характером» была замечена не сразу, добыта упорным и последовательным трудом-усилием читателей разных типов. Кто начал читать Тютчева, открывая его поэтический «космос», его «ночной мир»? Почти через столетие мы слышим утверждение Андрея Белого, что свое творчество, состоящее из циклов и книг стихов, – «это целое» он «дает в руки» воспринимающему: «понять, что представляет собою оно, – дело читателя». Характерно: и Вл.С. Соловьев, и А.А. Блок, назвавшем всякое стихотворение «покрывалом, растянутым на остриях» нескольких «слов-звезд», пророчески определяли законы «этой бездны безымянной». Гениальные читатели дадут ей имя. Но это – потом. Кто же всмотрелся в первые моменты процесса зарождения поэтической Вселенной Ф.И. Тютчева, в чем реализация этого явления?

Редким свидетельством пристального всматривания-вживания в «мир таинственных духов» явилось чтение, собиравшее отдельные «слов-звезд» в целое редакторским глазом Н.А. Некрасова.

Доставшиеся Некрасову после гибели А.С. Пушкина выпуски «Современника» позволяли проследить зарождение и разрастание небывалого поэтического мира. Итогом этого чтения, как известно, явилась статья Н.А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» – некий циклический сюжет, главная фигура которого – Тютчев, фон – портретная галерея современников. История публикаций разрозненных пьес поэта занимает в литературоведении обширную страницу. Наметим логику филиации Некрасовым дебютных «подборок» Тютчева (многие тексты остались не напечатанными и выпали из поля зрения редактора – читателя).

- *Первоначальная (эскизная)* публикация отдельных, не связанных друг с другом стихотворений в разрозненных изданиях 1820-х годов: учебные «Послание Горация к меценату...» 1819 г., «На новый 1816 год», «Проблеск» 1825 г.; более совершенные «Урания», «14 декабря 1825 г.», «К оде Пушкина на Вольность».

- *Лейтмотивная (прациклическая)* включает раскрытие связей отдельных произведений, постепенное строение массива тютчевской лирики, единого Текста-образа. Между привычными для журнальной литературы 1820-1830-х годов текстами внезапно вырастают «звездные»: «Весенняя гроза», «Летний вечер», «Видение», «Бессонница», «Последний катаклизм».

- *Концепирующая* публикация «Стихов, присланных из Германии» в журнале «Современник» при жизни А.С. Пушкина, имела «оцеляющие» свойства, обеспеченные «изнутри» (характером самой поэзии) и «снаружи» (так называемым «рамочным текстом»); это уже «собранные стихи», но еще не собрание, приближающееся к книге.

Очевидно, процесс дебютных публикаций на этом закончился. Далее – поэзия Мастера, Пророка. По неизвестным причинам задуманное в 1836 году П.А. Вяземским, В.А. Жуковским и И.С. Гагариным отдельное издание стихов поэта не состоялось.

Повторная публикация подборки из 24 стихотворений, уже ранее представленных журналом (еще восемь известных не были включены) появилась в обновленном «Современнике», находившемся к тому времени – в 1950 году – в руках Н.А. Некрасова, в тексте статьи «Русские второстепенные поэты». Статья эта появилась без подписи, авторство было установлено гораздо позже: в 1879 г. С.И. Пономаревым со слов А.А. Буткевич, сестры поэта. Статья Некрасова с публикацией тютчевских стихотворений открыла в «Современнике» цикл статей о русской лирике под тем же общим заглавием.

Именно Н.А. Некрасов «произнес» в полный голос имя Ф.И. Тютчева, дав тем самым определение всей его поэтической системы. Н.А. Некрасов осознавал Ф.И. Тютчева не в рассыпанных текстах, но в авторском лирическом контексте. Сначала отделил от массы незрелых современных литераторов, затем сравнил с М.Ю. Лермонтовым (не в пользу последнего, совместив стихи о природе Тютчева с пейзажем из поэмы «Мцыри» и строками стихотворения «Белеет парус одинокий...»). Как бы ни доверяя первоначальному впечатлению и убеждаясь в правоте своей высокой оценки, дал серию сравнений: с А.А. Фетом, с Г. Гейне, с П.А. Вяземским. И пришел к открытию, определившему рецепцию Ф.И. Тютчева на два века вперед: «Все написанное им носит на себе печать истинного и прекрасного таланта» [1].

Знаменателен сам факт: у истоков поэтической известности Ф.И. Тютчева стоял, как принято считать, не только А.С. Пушкин, но и Н.А. Некрасов. Последнему он показался интересен не только в плане идейно-художественной направленности, а еще и в плане формы – новых веяний в стиховой системе русской поэзии XIX столетия.

Как известно, русская книжная поэзия в XVIII веке отказалась от силлабики и перешла на силлабо-тоническую систему. Для декламаторского стиля произношения, которым характеризовалось чтение стихов, это был оптимальный вариант, поскольку в этом стиле каждый безударный слог хотя уже и был более кратким и слабым сравнительно с ударным, все-таки ощущался достаточно четко.

Но уже в начале XIX века А.Х. Востоков заметил иную систему в народном стихе, в котором, очевидно, ощущалась ориентация на естественное, а не декламационное произношение, а в естественной речи русские безударные гласные, особенно между согласными в заударных слогах, видимо, уже в XVII веке начинают редуцироваться до нуля. И великий филолог обнаружил в народном стихе акцентную (чисто тоническую) систему. И, между прочим, с гениальной точностью определил, что держится эта система на равенстве

числа «прозодических периодов» (синтагм, в современной терминологии) и, соответственно, на равном числе синтагматических ударений в каждой строке. Это последнее приходится особо подчеркнуть по той причине, что в XX веке, когда акцентная система вошла в активную практику русской книжной поэзии, теоретики стихосложения долгое время видели основу чисто тонического стиха в равном числе словесных ударений в каждой строке. Между тем это простейшая форма тонического стиха (встречающаяся, например, в стихотворении раннего Маяковского «Хорошее отношение лошадям» [2]). И только Б.В. Томашевский сформулировал ритмическую основу акцентного стихосложения с учетом того самого «прозодического периода», о котором писал А.Х. Востоков, то есть равенства числа синтагматических ударений [3].

И вот, возвращаясь к А.С. Пушкину, отметим, что ритмика его «Сказки о рыбаке и рыбке», написанной белым акцентным стихом, базируется именно на равенстве синтагматических ударений – ср. хотя бы начальные строки:

*Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.*

Число словесных ударений здесь меняется: 4 – 3 – 4 – 5. Но число синтагматических – постоянно 2 (выделенные слова).

Есть у А.С. Пушкина и опыт верлибра – правда, рифмованного, известного в теории русского стихосложения как раешный стих (поскольку использовался он в народном кукольном театре – райке). Это, конечно же, «Сказка о попе и работнике его Балде».

Правда, эти пушкинские опыты имеют скорее ретроспективный характер: это использование в книжной поэзии манеры старинного русского стихосложения.

Н.А. Некрасов в общем был более привержен классическим силлаботоническим размерам. Даже его поэма «Кому на Руси жить хорошо», столь близкая по строю речи к народной стихии, написана по большей части трехстопным ямбом. Но вот в «Песне убогого странника» из поэмы «Коробейники» Н.А. Некрасов единственный раз использует дольник:

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькуй, голодно!

Я и в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименький, с холоду!

Здесь первые две из приведенных реплик странника написаны «нормальным» четырехстопным анапестом, а вот третья содержит пропуск второй доли в четвертой стопе, то есть использован дольник, и это вызвало резкую реакцию: так, публикаторы предлагали автору вариант что ты бабу-то бьешь.

Не все традиционно и в репликах мужика. Казалось бы, поскольку первая и повторяющая ее вторая строка – трехстопный дактиль, так что в третьей вместо слова родименький просится, скажем, родненький – кстати, вполне уместное и по смыслу. Почему же родименький? А это снова дольник, но уже на хореической основе: пропущена вторая доля в четвертой стопе пятистопного хоря.

Конечно же, это намеренные сбои ритма, который без них звучал бы слишком благостно!

Дольник – переходная форма от силлаботоники к чистой тонике, она подготовлена усилением редукции безударных гласных в русском языке XIX века, но еще раньше к этой форме оказался готов немецкий стих, в котором ей способствовала сильная редукция заударных. Дольником на основе амфибрахия написана знаменитая «Лорелея» Г. Гейне (1827 г.).

Если мы отметим вертикальной чертой границы стоп амфибрахия, а знаком (V) – их пропущенные доли, то первая строфа этого текста будет выглядеть так:

Ich weiß nicht | was soll es | bedeuten,
Daß ich (V) | so traurig | (V) bin.
Ein Märchen | aus alten | (V) Zeiten –
Es kommt mir | nicht aus (V) | der Sinn.

А от дольника со столь регулярными пропусками долей – один шаг до акцентной системы.

Впрочем, и в дольниках уже достаточно ощущается собственно акцентная основа: в организации ритма очень чувствуется роль синтагматических ударений (как правило, двух в строке). Таковы, например, дольники на основе амфибрахия у Г. Гейне – в той же «Лорелея», в поэме «Германия. Зимняя сказка» и во многих других произведениях.

Ну, а связь Ф.И. Тютчева с немецкой культурой и немецкой поэзией известна, упоминали уже о ней и мы.

Правда, у Ф.И. Тютчева много и таких стихов, чья ритмическая система вполне укладывается в русло сложившейся к XIX столетию ритмической традиции русской поэзии. Мы видим здесь прежде всего самый разработанный в этой традиции метр – четырехстопный ямб с перекрестной рифмой, женской клаузулой в нечетных и мужской – в четных строках четверостишия (так написаны «Весенняя гроза», «О, как убийственно мы любим...», «Сияет солнце, волны блещут...» и др.), тот же размер с кольцевой рифмой («Фонтан», «Еще земли печален вид...», «29-е января 1837», «Как весел грохот летних бурь...» и др.). Но и в этот привычный метр Ф.И. Тютчев вносит не совсем обычное для современников звучание, используя, например, только мужские клаузулы («Весенние воды») или меняя местами клаузулы мужские и женские (знаменитое «Умом Россию не понять...», где мужские клаузулы имеем в нечетных, а женские – в четных строках). Активно используется и не менее традиционный, чем ямб, четырехстопный хорей с той же перекрестной рифмовкой («Неохотно и несмело...», «Ты, волна моя морская...», «Эти бедные селенья...» и др.), но подчас здесь имеем оригинальную строфику («Чародейкою Зимою...»). Но именно Ф.И. Тютчеву принадлежит первый, можно сказать, дерзкий и решительный опыт использования рифмованного акцентного, чисто тонического стиха.

Вероятно, не без влияния немецкого стихосложения Ф.И. Тютчев пишет первое в русской поэзии (по крайней мере, первое получившее известность) стихотворение чисто акцентным стихом. Это его знаменитая «Последняя любовь». При этом знаменательно, что он использует не ту простейшую форму, при которой акцентный ритм держится на равном числе словесных ударений, а как раз более сложную – основанную на равенстве числа ударений синтагматических. Представим этот текст, выделив ритмически значимые синтагматические ударения:

О, как на *склоне* наших *лет*
Нежней мы любим и *суеверней*...
Сияй, сияй, прощальный *свет*
Люби *последней*, зари *вечерней*!

Полнеба охватила *тень*,
Лишь там, на *западе*, бродит *сиянье*, –
Помедли, помедли, вечерний *день*,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай *скудеет* в жилах *кровь*,
 Но в *сердце* не *скудеет нежность*...
 О *ты*, последняя *любовь*!
 Ты и *блаженство*, и *безнадежность*.

В тексте, несомненно, есть строки, вполне укладывающиеся в четырех-стопный ямб (1-я, 3-я, 5-я, 8-я и с 9-й по 11-ю). Однако остальные строки не только решительно нарушают ямбическую каденцию, но и вообще не обнаруживают никакой стопной структуры. Поэтому организующим началом оказывается именно акцентный двухударный ритм. Число словесных ударений в строках стихотворения колеблется от двух (в 8-й строке) до 5 (в 1-й), а число синтагматических постоянно.

Некоторые частные замечания.

Может показаться, что в повторяющихся рядах (сияй, сияй в 3-й строке, помедли, помедли в 7-й, продлись, продлись в 8-й) оба слова несут на себе ударение одинаковой силы. Но это, конечно, не так: ведь смысл повтора состоит в том, чтобы выразить усиление действия, а это сказывается и в интонации, в усилении ударения на втором слове. Это относится и к любым другим парам повторяющихся слов, в том числе таким устойчивым, как едва-едва, только-только и под.

Второе замечание касается так называемых динамически неустойчивых слов, прежде всего местоимений. Эти слова и в стопной структуре могут вести себя то как ударные, то как безударные. Это определяется их соседством со словом, несущим более сильное ударение, или отсутствием такого соседства. Во 2-й строке слово *мы*, стоящее после сильного ударения в слове *нежней*, ощущается как не имеющее словесного ударения, то же относится к слову *ты* в последней строке. А вот то же самое *ты* в предпоследней несет на себе сильное ударение, более сильное, чем слово *последняя* – не только словесное, но синтагматическое – и является ритмически значимым.

Конечно, стихотворение Ф.И. Тютчева долгое время оставалось уникальным опытом в русской стиховой практике, своего рода экспериментом. Пройдет еще полвека, прежде чем акцентная система не в ее народно-песенном варианте, а именно в том, в каком она впервые появилась у Ф.И. Тютчева, войдет в активную практику русской поэзии – во времена В.В. Маяковского. Заметим еще, что у В.В. Маяковского в пределах одного текста встречаются случаи, когда ритмоорганизующую роль играет то синтагматическое, то собственно словесное ударение, но это уже следующий этап развития акцентного стиха.

Впрочем, чисто тонический стих не вытеснил силлабо-тонического (в том числе и у В.В. Маяковского), а, сосуществуя с ним, расширил и обогатил возможности звуковой организации нашей стихотворной речи.

Литература

1. Мирошникова, О.В. Проблема квазиавторства в условиях межжанровых лирических структур. (Н.А. Некрасов в подготовке первого сборника стихотворений Ф.И. Тютчева) [Текст] / О.В. Мирошникова // Литература Урала: История и современность. – Екатеринбург, 2007. – С. 79-90.
2. Осипов, Б.И. Русские стиховые системы [Текст] / Б.И. Осипов. – Омск, 2005.
3. Рожкова, Н.А. Отражение фонетических особенностей русского языка начала XX века в поэтическом тексте (К вопросу о звуковой организации стихотворения В.В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям») [Текст] / Н.А. Рожкова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4. – С. 194-196.

УДК 821.161.1 | 19 | XX В.
ББК 83.3(2РОС=РУС)6-8ШМЕЛЕВ И.С.

Е.В. ПАРАСКЕВА

К ВОПРОСУ О РОЛИ КАТЕГОРИИ МОТИВА
В РУССКОЙ НЕОРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА

E.V. PARASKEVA

TO THE PROBLEM OF THE ROLE OF MOTIVE
IN RUSSIAN NEO-REALIST POETRY IN EARLY XXth

В статье рассматриваются структура, содержание и роль категории мотива в неореалистической поэтике, связь мотива с принципом синтезирования. Представлен анализ доминирующих сюжетных и свободных мотивов на примере нескольких рассказов наиболее ярких представителей неореалистического течения: И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Е.И. Замятина и И.С. Шмелева. Проанализирована связь системы мотивов с жанровой спецификой, мифопоэтическим подтекстом, литературной традицией и философской концепцией авторов.

The author of the article examines the structure, the contents and the role of motive in Neo-Realist poetry and the connection of the motive with the principle of synthesis. The author presents the analysis of the dominant narrative and free motives on the example of several stories of the brightest representatives of the Neo-Realist period: I.A. Bunin, B.K. Zaitsev, E.I. Zamyatin and I.S. Shmelev. The connection of system of motives with genre particularity, mythopoetic subtext, literary tradition and the philosophical concept of the authors are under analysis.

Ключевые слова: мотив, неореализм, синтез, авторская концепция, жанр.

Key words: motive, Neo-Realism, synthesis, the authors ' concept, the genre.

Поиск – ключевой принцип литературы рубежа XIX–XX веков. Однако для значительного круга русских писателей этого периода обозначенный принцип не означал исключительно разрушительный вектор поэтического движения. Столь необходимое литературе преобразование и обновление произошло не только в русле модернистско-символистских исканий, но и в связи с преобразованием традиционного реализма. К началу XX века естественная на рубеже эпох задача поиска новых решений и способов восприятия мира и человека средствами художественной литературы преобразовывается в тезис о некоей исчерпанности художественно-идеологических возможностей «старого» реализма. Так, В.В. Розанов утверждал, что «реалистический период в русской литературе естественно и сам по себе закончился: созрел и наконец «перезрел», что дальше идти здесь некуда» [6, с. 333–334]. Представляется, что категоричность подобных оценок распространялась, прежде всего, на ряд исчерпавших себя к тому времени положений: односторонняя идейность, переустройство общества и решение общественно-политических конфликтов, безусловный историзм и дидактизм, излишняя описательность и др.

Для неореализма как новой реалистической эстетики, воспринявшей стилистические открытия, лежащие на грани реалистического и модернистского искусств, синтезирование, как процесс создания качественно нового и единого целого, становится едва ли не ключевым принципом. Идея синтеза закономерно привела к восприятию поэзии, прозы, живописи, театра, музыки как явлений, существующих в сложном единстве, общего эстетического поля. Синтез стал естественной опорой в противодействии всему разрушительному и отрицающему, привнесенному модернистским искусством. Уже тогда существовавшая интенция взаимодействия традиционного реализма и символизма признавала, что в основе неореалистической эстетики влияние символистской, и термин неореализм трактовался исходя из присущего ему

синтетического характера. Е.И. Замятин в статьях начала 1920-х годов подвел итог пониманию синтетизма: «Реализм видел мир простым глазом; символизму мелькнул сквозь поверхность мира скелет – и символизм отвернулся от мира. Это – тезис и антитеза <...> Задача в том, чтобы соединить «тезис» и «антитезу» в новом «синтезе», где будет одновременно и микроскоп реализма, и телескопические, уводящие к бесконечностям, стекла символизма» [4, с. 77].

Идея художественного синтеза, имманентно присущая всей культуре Серебряного века представляется важной для понимания роли мотива в художественной прозе того периода. Для мотива, как категории, сохраняющей некий неизменный семантический и культурный стержень, но основанной на способности трансформироваться, склонность к синтезированию является неременным признаком в связи с тем, что алломотивы репрезентируют мотивы, как правило, создавая мотивный ряд, в котором есть доминирующие и второстепенные мотивы, но при этом общность, семантико-эстетическая модальность инварианта сохраняются, даже если речь идет о семантической инверсии. По справедливому замечанию С.Ю. Неклюдова, понимание мотива требует не только осознания сюжетной синтагматики, но и «соотнесение, во-первых, с картиной мира соответствующей национальной культуры, и, во-вторых, с общечеловеческим сюжетно-мотивным фондом (и с лежащими в их основе семантическими универсалиями)» [5, с. 244]. Это своеобразное перетекание смыслов, образов, символов, опора на мифопоэтические проекции позволяли неореалистической поэтике осознавать свою преемственность при активном новаторском характере.

Неореалистическая эстетика связана с утверждением идей «философии жизни» (Г. Риккерт, В. Дильтей, А. Бергсон), с характерными для этой философии установками на интуитивизм, антирационализм, с принятием естественного в человеке, пониманием того, что смысл жизни в самой жизни, в слиянии человеческого с природным, в восприятии текучести жизни, противоречащей неподвижности формы. Последнее особенно важно для поэтики, так как в художественных приемах в таком случае преимущество отдается категориям, которые более «подвижны», способны совмещать структурную и семантическую нагрузки, соответствуют бесконечной сложности и многогранности жизни, то есть таким категориям, как мотив.

В неореалистической прозе получили развитие интертекстуальность и неомифологизм, выявление универсальных законов бытия, при усилившейся значимости изображения быта. Лирический принцип организации повествования совмещается с игрой со временем и пространством, что отразилось в активном применении различных топосов и «сжимании – растягивании» времени. Когда жанровые границы не определены, нет ясно очерченного сюжета, усложнен хронологический план и сильно влияние импрессионистической практики, роль мотива, как синхронизирующей единицы текста, еще более возрастает, приобретая как важную структурную роль, так и влияет на установление внутритекстовых семантических связей, внутреннего ритма текста и организацию читательского восприятия. Поэтому категория мотива становится особенно значимой и сочетаемой с такой важнейшей особенностью архитектоники текста, как связность.

Функционирование мотива в неореалистической прозе возможно увидеть на примере рассказов И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, Е.И. Замятина, писателей, что в 1912 году организовали «Книгоиздательство писателей в Москве» и чьи творческие искания происходили не в системе только символистского мировосприятия, а на иной религиозной, эстетической почве, с сохранением глубинных связей с национальной русской ментальностью и классической русской литературой XIX века.

«Последний день» (1913) продолжает традиционную для Бунина тему уходящей деревенской России, вечный конфликт старого дворянского бытия с новой силой нового хозяина. Последний день уже наступил для геро-

ев рассказа, и в самом названии традиционно для неореализма синтезируются бытийственное, апокалиптическое ожидание на грани, на краю жизни с сюжетно-бытовым, с описанием последнего дня существования дворянского гнезда Воейковых. Имение продано и для Воейкова пришел последний день помещичьей жизни. Закончилась эпоха, на смену барину пришел новый хозяин – мещанин Ростовцев. И для него этот день тоже последний в прежнем качестве, а завтра – он хозяин дома и сада, которые на протяжении столетий жили «для всех Ростовцевых загадочной, недоступной жизнью» [1, с. 333]. Два хозяина не встретятся в рассказе лицом к лицу. Однако при всем различии, Бунин пророчески видит крах и этого нового хозяина.

Красота естественного, самой жизни пребывает в конфликте с миром человека, с цивилизацией, и в этом трагическом столкновении не будет победителей. Кризисное состояние мира и героев Бунин раскрывает в мотивной системе рассказа, где сюжетообразующую роль получает переплетение мотивов памяти и смерти-казни. Саморазрушение – вот что Бунин видит причиной кризиса его дворянского мира. Неслучайно, прощание Воейкова с родным домом – это срывание старых обоев, битие стекол в детской комнате и безуспешная попытка вспомнить и проститься. Так, он вспоминает дедов и прадедов, и сразу после них – «вспомнились чуть не все имена борзых» [1, с. 328]. Именно собаки, а не люди прославили его род, «воейковскую охоту». Последним делом помещика, обнажающим и «барство дикое», и бессилие прошлого становится убийство-казнь собак, когда старый хозяин запрещает закапывать животных, а «на елках повесить всех и так и оставить» [1, с. 331]. Большая часть повествования – описание казни собак, ловко и равнодушно проделанной двумя последними работниками. И в этом трагическое завершение той естественной связи человека с миром, когда тварь божья могла рассчитывать на заботу человека. Именно укоренившееся смертельное равнодушие, перерастающее в бездушие и бездумное исполнение хозяйской воли, в реакции молодого крестьянина, который все это наблюдает и вспоминает, что и сам как-то собачонку «подумал, взял да и удавил» [1, с. 330]. Мотив смерти-казни реализуется и в рассказе одного из героев о казнях людей. И все то же спокойствие и равнодушная привычка к смерти, ведь не гибель людей занимает собеседников, а то, что палач получает хорошее жалованье.

Мотивы памяти и смерти формируют и финал рассказа, так как определяют кульминацию и характеризуют нового хозяина. Ростовцев, входя в купленный дом, помнит о том, что это чужое гнездо, и тем более он будет помнить о первой ночи в усадьбе, так как его новая жизнь началась с ужаса и со смерти: «Все ободрал, старый дурак, собак всех повешал...» [1, с. 333]. Хваткий хозяин, Ростовцев видит не красоту сада, а как животное, по запаху, пытается определить, будет ли богатым урожай и сколько он заработает. Поведение Ростовцева мало чем отличается от того, что делают работники, Петр и Сашка, поэтому, как и холопы-палачи, Ростовцев после увиденного в усадьбе закусывает с приказчиком при таком же розовом лунном свете.

В хронотопе рассказа ключевым становится мотив дома-гнезда, разоренного человеком. Все наполнение пространства дома – это пустота, дыры и ямы, распахнутые ворота и разбитые окна, голый сквозной сад. Но мир природный умеет существовать и будто вне человека и его воли, и это существование прекрасно, так как связано с вечной красотой жизни и реализовано в гармоничном хронотопе сада: в цветении деревьев, в лунном свете, в пении птиц. Пространство смерти связано только с человеком, а мир сада в противовес происходящему с героями просыпается к жизни и его красота готова победить смерть. Бунин очевидно противопоставляет мир человека и космос, как разбитое противостоит цельному. Движение времени от света к тьме, от утра к вечернему угасанию и к ночи соответствует темпоральности последнего дня, после которого не может быть следующего утра. Так Бунин и оплакивает, и казнит прошлое, не видя в настоящем опоры для вечной красоты «живой жизни».

В творческой манере, свойственной Б.К. Зайцеву, мотив часто утрачивает свою повествовательную функцию, а его предикативность растворяется в повышенной лиричности, в особенно пристальном интересе писателя к мгновенным изменениям внутреннего мира человека, к передаче ощущений, звуко-цветовых пятен. Характерны его рассказы «Волки» (1902) и «Мгла» (1916), которые могли бы составить своеобразную дилогию об охоте за живыми душами. Бесфабульность, в целом свойственная Зайцеву, в этих рассказах не столь очевидна: в основе сюжета события охоты, то есть события крайне динамические, однако импрессионистическое видение мира реализуется в том, что писателю важно передать динамику эмоций, ощущений его героев. Задача писателя не объяснить, а дать читателю почувствовать мир его персонажей. Как следствие, в этих рассказах важную роль получает психологический мотив страха и одиночества, звучат, реализованные в лейтмотивах смерти, снега-холода и одиночества, боль и отчаяние человека и зверя перед холодным миром и небом, которые одинаково далеки от обоих.

Пространство природного мира в рассказах предельно расширено, и его знаками становятся темное небо, бесконечные поля, ветер, снежная даль, ночная мгла. В таком мире человек или зверь одинаково бесприютны, и это будто уравнивает их перед небом, как следствие – характерное совмещение человеческих эмоций и «переживаний» волков, реализованное в сложном сочетании мотивов страха, одиночества, смерти и волчьей злобы. Но страхом и злобой охвачены как звери, так и люди: стая безжалостно убивает мудрого вожака, вой погибающей стаи заставляет людей еще раз почувствовать свою отверженность («иной раз слышала их молодая барыня-инженерша, и ей казалось, что это поют ей отходную; тогда она закусывала губу, быстро возвращалась домой, ложилась в постель, засовывала голову между подушек и, скрипя зубами, твердила: "проклятые, проклятые"» [3] («Волки»). Во «Мгле» охотник и волк в проявлении того, что называют звериным, порой меняются местами, и повествователь так говорит о своих чувствах в разгар гонки за волком: «В горле хрипело, пальцы хрустят, рот дергается и что-то безумное, сладострастно-жестокое владеет мной; как будто руки мои жаждали теплого трепещущего мяса, «его» мяса, и я, не задумываясь, зарезал бы его <...> Что-то ночное, жуткое, похожее на те таинственные утренние полупотемки, в которых мы ехали сюда, наполняет мою душу и толкает вперед по дикому белому полю за ненужным волком» [3]. В одиночку пытается спастись волк, но так же одинок и убивший его охотник, в чьем доме царит холод. И оба окружены одинаково враждебным, таинственным космосом, тем, что Зайцев назвал «мглой». Трагизм в том, что единение происходит либо для убийства (стая бросается на вожака, а потом вновь каждый сам по себе), либо с мертвым (охотник едет домой лежа рядом с убитым волком, который, как и он, смотрит в небо).

В рассказе Е.И. Замятина «Африка» (1916) присутствует существенный для неореализма интерес к быденной жизни обычного человека, но быт героев и изображение бытийственных аспектов неразрывно связаны. Простой герой Замятина оказывается мечтателем, «не от мира сего»: Федор Волков хочет попасть в Африку. И это томление Духа, о котором писали романтики, и Африка, о которой думал доктор Астров, теперь приходят к простому человеку, живущему на берегу моря, далеко на севере, и эта непреодолимая мечта его убивает. Сквозным мотивом, к которому Замятин будет обращаться неоднократно («Север», «Ела»), становится мотив неудовлетворенности современника, понимание, что он стал чужим в старой системе жизненных координат, отсюда его стремление вырваться из рамок традиций и правил.

Мотив мечты и подчинения героя ее власти получает в рассказе сюжетобразующий характер, а отношение к самой странной мечте Волкова добраться до Африки становится средством характеристики персонажей. Те, кто зло подшутил над чудаком-поморцем, даже не представляют, насколько они слабее того, кто способен не только смотреть за привычные горизон-

ты, но и бросить вызов себе и жизни. Герой погибает, но автор говорит: «Есть Африка. Федор Волков доехал...» [4, с. 95]. Однако эта мечта о нездешних берегах отравляет все в жизни героя: он чужой в своем доме, он тоскует и пьет, не живет, а гонится за миражом. Эта тяга к нездешнему отчуждает героя Замятина от людей, что ясно проявляется в использованных фольклорно-мифологических мотивах (оборотничество, нечистая сила в голосе Федора, языческое поклонение силе леса и океана). Ни в доме, ни в открытом пространстве океана Федор не находит покоя, а мечта приобретает характер коварной, завораживающей силы, поэтому в своих снах герой видит то девушку, похожую на русалку, то медуз, похожих на цветы.

Высокое и вечное гетевское стремление «видеть цель, манящую вдали», стремление открыть другие берега ставит героя в положение находящегося у края, между людьми и мечтой, что получает развитие в пространственном мотиве порога: знаковая встреча с чудесной девушкой происходит на берегу, дома и на корабле Федор находится на пороге сна-яви, все ночи в океане он проводит у борта и на самом краю, на носу корабля, герой умирает, так и не дотянувшись до мечты.

О других страшных мечтателях будет писать Замятин в «Дракон» (1918). Два мотива формируют композиционно-образный план повествования этого знаменитого рассказа-миниатюры: движение мира и человека в неизвестность и абсолютное отчуждение между людьми, дошедшее до степени конца человеческой цивилизации, одичания и возврата к началу времен. Динамичность сюжета создается благодаря первому мотиву, семантика которого включает в себя символику разрушения границ, постоянного движения без ориентиров (несущиеся в тумане трамваи, потеря пространственных ориентиров, бред и болезнь города: «люто замороженный, Петербург горел и бредил» [4, с. 147]). Конец времен в образе и поступках самого Дракона-большевика, для которого главная ценность старой цивилизации – жизнь человека – не существует, его мир не наполнен, а отсюда и постоянный портретный лейтмотив – пустота. Но вера в Человека для Замятина незыблемы, а потому из тумана и жестокости вдруг возникают глаза и руки Дракона, отогревающего воробья. Однако человеческое еще не стало абсолютной ценностью новых мечтателей, поэтому пустота тумана возвращается.

В поэтике И.С. Шмелева мотив стал одной из важнейших составляющих. Уже в раннем, дореволюционном творчестве писателя огромную роль получает лирический подтекст и преломление в авторском осознании онтологических символов и мотивов. Но это интуитивное приближение к вечному-позволяло говорить о насущном, поэтому субъективное не отвергает у Шмелева объективной реальности. Происходит актуализация архетипических в своей сути мотивов и сюжетных схем, среди которых наиболее значимыми для Шмелева представляются ряд библейских и литературно-мифологических: Преображение, Блудный сын, Дом, камень, Вавилонская башня, пир, метель, слово и др.).

Но есть в творчестве писателя интересная и почти не изученная страница – это его произведения для детей или вошедшие в круг детского чтения. Лейтмотивом этих произведений становится мотив единения и преображения человека. Небольшая повесть «Мэри» (1907) – одна из первых в творчестве Шмелева. Несмотря на необоснованное обилие описательности, что затормаживает обычно динамичное повествование Шмелева, на слабые диалоги с «нейтральной» лексикой, не всегда отражающие событийное и внутреннее движение персонажей и порой излишнюю назидательность, уже в этой повести проявляются зачатки особенного стиля писателя. В мотивной системе выделяется сюжетный мотив случая (игры и славы), с которым связаны все персонажи и развитие сюжета. Но этот традиционный инвариант осложнен возникшим у Шмелева мотивом служения и жертвенности Мэри, прекрасной скаковой лошади, и с помощью этого мотива структурируется система персонажей. Прием антропоморфизма и автобиографические свиде-

тельства говорят об огромном влиянии на Шмелева в эти годы Л.Н. Толстого, что позволяет предположить наличие интертекстуальных связей между историями о лошадях (Мэри-Холстомер).

В хронотопической системе выделяется мотив Дома, который в дальнейшем станет одним из важнейших в прозе Шмелева. В повести Дом функционирует в нескольких плоскостях: дом славы (ипподром), где все либо прозрачно, либо грязно, а время мгновенно; дом семьи в рамках идиллического мира (есть ряд его знаков: центр-дерево, есть ограждение, тепло, несмотря на бедность, населенность людьми и животными, дом, где сильный защищает слабого). При общей тенденции в литературе к изображению топоса разрушающегося дома-усадыбы, Шмелев ведет повествование к видимому благополучию, но за ним возникает мотив жертвенности, связанный с оппозицией естественное-цивилизованное. Синтез антропологических мотивов (жажда славы, денег, гордыня) и героев-животных формирует в жанре детской повести притчевую составляющую, выявляя авторскую тенденцию к использованию мотивов, обладающих архетипической природой.

Рассказ «Мой Марс» (1910) – забавная и трогательно-символическая история спасения собаки. Умница Марс будто проверяет людей, занятых собой, отделившихся друг от друга, но находящихся в замкнутом пространстве корабля, на способность к милосердию и терпимости, а значит – к праву самим быть спасенными в высоком религиозном смысле. Те, кто совсем недавно был одинок, чувствует радость, общность с другими людьми, и этой преобладающей силой стало единство людей ради спасения собаки.

А.Н. Веселовский писал о мотиве, что «он дает форму целому и проглядывает из-под подробностей» [2, с. 303], и эта особенность мотива оказалась особенно востребованной в прозе начала века, когда наблюдаются ослабление сюжетности, повышенная лиричность прозы, символично-ассоциативная образность. Мотив становится важной структурной единицей, но при этом он получает в прозе этого периода различное идейное наполнение, способствуя выражению не только оригинальной стилистической тональности писателя, но и становясь важнейшим средством сочетания формы и содержания, способом сочетания символично-ассоциативного ряда и мифопоэтических построений, что обусловлено принципом синтетичности, свойственным культуре того времени.

Литература

1. Бунин, И.А. Избранное [Текст] / И.А. Бунин. – Кишинев : Картя Молдавеныскэ, 1973. – 799 с.
2. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 406 с.
3. Зайцев Борис Собрание произведений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philolog.petsu.ru/zaitsev/index.html>.
4. Замятин, Е. Избранное [Текст] / Е. Замятин. – М. : Правда, 1989. – 484 с.
5. Замятин, Е.И. О синтетизме [Текст] // Е.И. Замятин. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания – М. : Наследие, 1999. – 345 с. – С. 77.
6. Неклюдов, С.Ю. Мотив и текст [Текст] / С.Ю. Неклюдов // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). – М. : Индрик, 2004. – 495 с. – С. 236–248.
7. Розанов, В. Неоценимый ум [Текст] // Опыты. Литературно-философский ежегодник / сост. А.В. Гулыга. – М. : Советский писатель, 1990. – 480 с. – С. 326–335.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Г.Н. БОЕВА

G.N. BOEVA

**К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА:
НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ К. ЧУКОВСКОГО**

**LEONID ANDREEV'S LITERARY REPUTATION:
BASED ON KORNEY CHUKOVSKY'S DIARIES**

Руководствуясь теорией И. Розанова о динамике литературных репутаций, автор статьи прочитывает дневники Чуковского как уникальный документ, в котором на протяжении 67 лет фиксировалось восприятие творчества Андреева в последовательной смене статусов: «модный / популярный автор», «вытесненный из актуального литературного сознания», «вновь вернувшийся к читателю».

Using Ivan Rozanov's theory about the dynamics of literary reputations the author of the article studies Chukovsky's diaries as a unique document reflecting the perception of Andreev's works for the period of 67 years as a sequence of literary standings: «a fashionable/popular author»; «the author ousted from the vital literary consciousness»; and, finally, «the author once again returned to the reader».

Ключевые слова: Леонид Андреев, Корней Чуковский, дневник, литературная репутация, критика.

Key words: Leonid Andreev, Korney Chukovsky, diary, literary reputation, criticism.

Дневник Чуковского – ровесник XX века, уникальный по широте охвата многотомный документ: он велся им на протяжении всей сознательной жизни в литературе – с 1901 до 1969 год. Чтение его дает возможность реконструировать картину литературной жизни XX века – и в этом смысле важны и сами факты и оценка (и переоценка) современников, и жесткая самоцензура (вырванные страницы из дневника в годы репрессий становятся своего рода «фигурой умолчания»).

Синтетический по своей жанрово-функциональной природе, дневник Чуковского может быть прочитан в разных модусах: как летопись литературных событий в социально-политическом контексте, как психологический документ ровесника века, проживающего со своей страной все катастрофы и потрясения, как психотерапия (дневнику он доверяет жалобы и обиды). Местами дневник напоминает философско-культурологический трактат: «одесские» страницы пестрят конспектами и выписками из философских трудов и размышлениями по их поводу, а записи, сделанные в годы «английских странствий», сопровождаются сопоставительным анализом русской и британской литератур.

Объективность мемуаров, дневников и прочей эго-литературы весьма проблематичны для любителей объективности. Но есть один аспект, исследование которого прямо-таки обязано базироваться на дневниковых и мемуарных источниках – исследование литературных репутаций.

Воссоздавая своих героев, Чуковский сочетает субъективность и объективность: меткие и зачастую злые характеристики, часто зависящие от эмоциональной включенности в происходящее и личного отношения к персонажам дневника (Чехова, например, боготворит, а к Горькому постепенно охладевает), часто корректируются самим автором, безжалостно искореняющим в себе пристрастность.

В дневнике много «сквозных персонажей» – и земляков-одесситов (Жаботинский и Житков), и писателей-современников (Горький и Чехов). Один из таких постоянных героев дневника Чуковского – Леонид Андреев, для ре-

конструкции литературной репутации которого (и прижизненной, и посмертной) свидетельства Чуковского – единственный в своем роде материал, и по временному охвату, и по личной близости к писателю, и по принадлежности к одной и той же возрастной генерации (Чуковский на два года старше Андреева), и по возможности сопоставить записи с его же «официальными мнениями» об Андрееве, многократно высказанными в критических статьях и очерках.

18 декабря 1901 года в дневнике появляется первая запись об Андрееве: «Вот бы Леонида Андреева достать» [3-1, с. 49]. Это написано начинающим сотрудником «Одесских новостей», когда звезда Андреева тоже только начала восходить (осенью этого года в петербургском «Знании» вышел его первый сборник рассказов с посвящением Пешкову-Горькому).

Последнее же упоминание об Андрееве обнаружим в мартовских «больничных записках» Чуковского 1968 года («Что вспомнилось, или Собачья чушь», с пометкой «писано в больнице при высокой температуре»).

Между первой и последней записями – 67 лет, и все эти годы Андреев явно или неявно присутствовал в сознании Чуковского.

Уже через год после процитированной записи, летом 1902 года, в «Одесских новостях» [2] появляется статья Чуковского «Дарвинизм и Леонид Андреев. Второе письмо о современности» – ее черновой вариант найдем в дневнике. Дух современной литературы (и творчество Андреева, в частности) начинающий критик пытается постигнуть в русле социально-философских идей своего времени – в частности, дарвинизма, который, полагает он, никогда не потерял актуальности. Андреев и заинтересовал его прежде всего как философ, чьи писания выражают тенденцию уйти от изображения конкретного человека к изображению «бытия вообще, как проявления всякого организма» [2-а].

Именно эта статья стала поводом для знакомства двух литераторов: автор послал ее писателю – и завязалась переписка, а потом произошло и личное знакомство. С этого времени в дневниках Чуковского фиксируются все встречи и разговоры с Андреевым, отзывы знакомых о его произведениях, забавные случаи и слухи, в которых фигурирует писатель, упоминания обо всех написанных самим критиком статьях и книгах о его творчестве. Тем более что как объект наблюдения Андреев теперь доступен: в 1906 году Чуковский поселяется в Куоккале и частенько бывает в гостях у писателя в чернореченском доме, а со временем и сам заводит здесь семейную дачу. Уже в 1961 году он припомнит на страницах дневника, как именно благодаря ему, Чуковскому, состоялось знакомство Андреева с его второй женой [3-1, с. 142], как он лечился в санатории на деньги Андреева, как тот ему предоставлял свою дачу, когда уезжал в Италию [3-3, с. 461]. Много позже Чуковский вспоминает, что, став своим человеком в доме Андреева, он записал со слов матери Андреева, Анастасии Николаевны, «множество историй» об их орловской жизни, о покойном отце писателя – однако записи были сделаны не в дневнике и пропали (10 июня 1918 г.) [3-1, с. 228].

Не забудем, что в эти годы выходят произведения Андреева, принесшие ему всероссийскую славу, и в дневниках Чуковского находим свежие отклики на них – или навеянные разговорами со знакомыми (отзыв Репина о «Красном смехе» как о «безумии современной войны» (9 сентября 1907 г.) [3-1, с. 140]), или свои собственные («Губернатор» – это Толстой, Гоголь и Андреев сразу») [3-1, с. 140]. Иногда это фиксация комментариев самого Андреева, например, к «Рассказу о семи повешенных»: «Цыганок – это я. Я тоже орловский. Если бы меня вешали, я бы совсем был, как Цыганок» (25 октября 1907 г.) [3-1, с. 142].

Интересно, что Чуковский зафиксировал и отзыв Андреева о себе как о критике: «Андреев говорил обо мне: – Вы нужны потому, что вы показываете у всякого стула его доньшко. Мы и не подозревали, что у стула бывает дно, а вы показываете. Но с вами часто случается то, что случилось с одним ге-

роем у Эдгара По: он снимал человека с прыщиком, а вышел прыщик с человеком» (запись от 2 июня 1909 г.) [3-1, с. 155-156]. Как видим, «фирменный прием» критика – утрирование какой-либо одной черты и построение на ней всей концепции творчества писателя (в случае Андреева – «плакатность», «карикатурность», то, что Чуковский назвал «рожами») оказался разгаданным и обернулся против него самого.

Сказанное не может затушевывать важного различия между критиком и его объектом, очевидного, кстати, для самого автора дневников – различия характеров и психотипов, наложившего отпечаток на все выходящее из-под их пера, включая дневниковые записи. Так, в один из периодов куоккальского уединения, явно имея в виду своего соседа – владельца дома на Черной речке – и невольно сравнивая себя с ним, Чуковский пишет: «Я человек конкретный идей, мне нужны образы – в уединении хорошо жить человеку логическому – а вместо образов снег» (30 января 1911 г.) [3-1, с. 167]. В другом месте, описывая неудавшуюся встречу Андреева с Короленко, объясняет ее тем, что последний рассказывал одну историю за другой – а «Андреев ни слова, но, очевидно, хмурый: он не любит рассказов о второстепенностях, он хотел говорить о «главном», хотел побыть с Короленкою наедине» (20 июля 1910 г.) [3-1, с. 164]. Сам же он, в отличие от чернореченского затворника, погружен в самую гущу жизни, необыкновенно много общается, жадно всматривается в жизнь и людей, подмечает в них мельчайшие черточки – и только и живет всякими «второстепенностями», из которых сотканы его дневники. Для сравнения достаточно вспомнить дневники Андреева, в которых нет места «второстепенностям», и все они – о «главном».

И дружеская близость Чуковского, и его невольное «предательство», поскольку он все же принадлежит к племени критиков и не всегда курит фишам выходящему из-под пера Андреева, забавно обыгрывается в прозвище, данном критику писателем – «Иуда из Териок – Иуда Истериок» (8 февраля 1910 г.) [3-1, с. 158]. Вообще, эту нелюбовь к критикам – на фоне общего добродушия, бескорыстной помощи коллегам-литераторам и хронической потребности в друзьях – Чуковский отмечает как необъяснимое андреевское качество (16 марта 1922 г.) [3-2, с. 17-18]. Причем эта нелюбовь к критикам, пишет Чуковский, сочеталась у Андреева с признанием их авторитетности и поиском «кому поклониться» – будь то С. Венгеров или А. Горнфельд. Не потому ли Андреев так не любил и боялся критиков, что втайне верил в их безусловную власть над мнением читателей и решающую роль в определении своего писательского лица и своей репутации?

Воспоминания об Андрееве всплывают в дневнике по разным поводам – очевидно, что он остается в сознании Чуковского на протяжении всей его долгой жизни. И это ощущение подтверждается неоднократными признаниями автора дневников в разные годы – и сразу после смерти Андреева, и много позже: «главное, главное, главное – я уверен, что Андреев жив» (8 ноября 1919 г.) [3-1, с. 263].

В подтверждение искренности этих признаний можно привести несколько ретроспективных проекций, связанных с Андреевым, который во всей полноте его физического облика воссоздается на страницах дневника. Так, характеризуя бывшего футуриста Пучкова, Чуковский вдруг замечает: «голос изумительно похож на Леонида Андреева» (2 января 1920 г.) [3-1, с. 283]. Или вдруг вспоминает беседу с Маяковским об Андрееве как «главном комиссаре по самоубийствам» – «завсамуб», по определению поэта (5 мая 1921 г.) [3-1, с. 334]. В 1927, выслушивая Зощенко, хвастающего своим здоровьем, вспоминает, как в 1916 году хвастался здоровьем насквозь больной Андреев (30 октября 1927 г.) [3-2, с. 338-339]. В 1938 году возвращается из эмиграции Куприн – еще один повод вспомнить Андреева...

Много записей в дневнике связано со смертью писателя. Ведь именно Чуковский оказался тем человеком, который стал инициатором и главным организатором вечера памяти Андреева 8 ноября 1919 г. в Тенишевском учи-

лице. Впечатления о вечере описаны им этой же ночью: вышло «глупо и неуклюже», воспоминания, читаемые со сцены не были окрашены любовью к покойному. Когда утомленные зрители стали расходиться, именно Чуковский прямым обращением к аудитории и своим артистическим чтением (читал он, как вспоминает, «чрезвычайно любя Андреева») поднял градус эмоциональной атмосферы (9 ноября 1919 г.) [3-1, с. 263-264]. Неудача этого вечера, равнодушие присутствующих сильно задевают Чуковского, который «вложил в этот вечер много себя». Главную причину провала мемориального вечера Чуковский диагностирует так: «Прежней культурной среды уже нет, и нужно столетие, чтобы создать ее. Сколько-нб. сложного не понимают. Я люблю Андреева сквозь иронию, – но это уже недоступно. Иронию понимают только тонкие люди, а не комиссары... – Горький именно потому и икона теперь, что он не психологичен, несложен, элементарен» [3-1, с. 264]. Как видим, дневнику Чуковский доверяет свои мысли о разочаровании в главном «мэтре» современности – Горьком. Для читателя дневника вывод из этих записей очевиден: литературная иерархия теперь такова, что Андреев и его творчество перестали быть нужными. Он надолго стал частью ушедшей эпохи.

Дневники Чуковского полны размышлениями о соотношениях литературных репутаций (включая собственную). С течением времени, при советской «табели о рангах», ситуация усложняется, но и в эти годы он умудряется дать понять на страницах дневника, кто есть кто на лестнице писательской иерархии. Свой дневник Чуковский часто использует для восстановления справедливости – «гамбургского счета», и Андреев, чью славу он пережил и к формированию которой был напрямую причастен как критик, – постоянный герой подобных размышлений. Так, вид Короленко, тихо едущего на велосипеде, вызывает в Чуковском следующие мысли: «то же и в литературе. Андреев и Горький надрывались, а Короленко потихоньку, потихоньку...» (15 мая 1912 г.) [3-1, с. 172]. Ахматовой в 1922 году Чуковский прямо заявляет: «вы и Горький, и Толстой, и Леонид Андреев, и Игорь Северянин – все в одном лице – даже страшно» (14 февраля 1922 г.) [3-2, с. 10]. Много размышляет Чуковский в мартовских больших записках 1968 года о соотношении популярности Андреева и Бунина [3-3, с. 467-470]: будущий нобелевский лауреат в начале столетия явно занимал невыгодную позицию в тени «модных авторов». Вспоминает Чуковский и неподдельную удрученность Горького смертью Андреева и подробно записывает горьковские слова о таланте последнего (20 сентября 1919 г.) [3-1, с. 256].

Зафиксированный Чуковским отзыв Мережковского об Андрееве отчасти корректирует все написанное о писателе этим критиком, автором формулы «в обезьяньих лапах»: «Андреев все же не плевал, ...в нем был туман, а туман вечнее гранита ...Андреев был писатель метафизический <...> Андреев гораздо выше Горького, ибо Горький не чувствует мира, не чувствует вечности, не чувствует Бога» (6 ноября 1919 г.) [3-1, с. 261].

Тем не менее, сам Чуковский, любя Андреева как человека, часто непоследователен в определении его писательского веса. Об этом свидетельствует, в частности, следующая запись. После чтения Горнфельду своих воспоминаний об Андрееве [1] Чуковский слышит от него: «Написано эффектно, но неверно. Андреев был пошляк, мещанин. У него был талант, но не было ни воли, ни ума» [3-1, с. 259-260]. И, цитируя затем Горнфельда, автор дневника вдруг присоединяется к его мнению: «Я думаю, Горнфельд прав; он рассказывал, как Андреев был у него – предлагал подписать какой-то протест. “Я увидел, что его не столько интересует самый протест, сколько то, что в том протесте участвует Бунин. Он был мелкий, мелочный человек”» (3 ноября 1919 г.) [3-1, с. 260].

Такое же сложное отношение Чуковского к Андрееву выражено в другой записи, сопровождающей упоминание о работе над изданием его писем: «Бедный человек в западне. Огромные силы, но пресненские. Всегда жил неудобно, трудно, в разладе со всем своим бытом, – безвольный, больной, самолюбленный, среди страшной мелкоты» (6 августа 1924 г.) [3-2, с. 164].

Размышляя о подлинности трагического накала (по поводу самоубийства Маяковского), Чуковский отказывает в этой подлинности Андрееву, признаваясь: «я в своих первых статьях о нем [Маяковском. – Г.Б.] всегда чувствовал, что он трагичен, безумный, самоубийца по призванию, но я думал, что это – насквозь литература (как было у Кукольника, у Леонида Андреева)» (14 апреля 1930 г.) [3-2, с. 400].

Наконец, остановимся на еще одном контексте, в который попадает творчество Андреева в дневниковых записях Чуковского. В 1903–1904 годах корреспонденции Чуковского из Лондона, где он находился, печатались в «Одесских новостях». Погружение в чужую культуру спровоцировало его на социокультурные сопоставления двух литератур, которые он доверяет дневнику, а потом читателям газеты. Рассуждая о целомудрии английской литературы и о «клубничке» в современной русской (это время «дискуссии о порнографии», шумихи вокруг андреевской «Бездны»), Чуковский интерпретирует интерес в России к темам пола как борьбу за либерализацию общественных норм: «Итак, наше нынешнее возвращение к щекотливым темам, наши “Бездны” и “Туманы”, данные Андреевым, – это наш плюс, это наше оружие в борьбе с минусами отрицательного класса...» (16 (29) сентября 1903 г.) [3-1, с. 450]. Борьба с «буржуазностью», пишет Чуковский, в России происходит целиком – за неимением иных возможностей – в художественной литературе, которая в Англии выполняет эстетическую и развлекательную функции. Писателей последних лет он «классифицирует» по тому, как они изображают главного героя современности – Спирьку (герой одноименного рассказа 1897 г. С. Елпатьевского, из живодеров и мошенников бывшего в «промышленика», дельца). Чуковский даже дает интересную генеалогию писателей по отношению к *спирьке*: Чехов был *спирькиным* врагом. Потом появились «топорные, лубочные, но близкие нынешнему пошехонцу – творения Горького»; «Потом Андреев – с его непосильной задачей вылить на бумагу всю сложность, всю запутанность, все одиночество спирькиных врагов. И главное, опозитизировать это одиночество и эту сложность, привлечь к ним наши симпатии. А раз к ним, то и к носителям их, конечно» [3-1, с. 466–467].

Впрочем, оговаривает Чуковский, нашелся один англичанин, который восстал против буржуазности своим художественным талантом – Оскар Уайльд, сторонник «самоцельного искусства», противник утилитарных стремлений спирьки. В творчестве Уайльда он парадоксальным образом усматривает и предвосхищение горьковского «Дна» (в «Упадке лжи»), и чеховскую «мягкая элегичность тона, общую нежность колорита», наконец, «его экзотические вкусы, яркая, красочная манера – имеет свои отзвуки в творчестве нашего Андреева» [3-1, с. 468]. Эта парадоксальная параллель важна как еще один обертон в восприятии Андреева современником.

Во втором томе дневников Чуковского немного упоминаний об Андрееве: его творчество вытеснено советскими именами, да и жизнь самого автора в эти годы полна больших потрясений. В годы травли со стороны властей, подводя некие итоги пройденному и готовясь к худшему (врачи подозревают у него рак), Чуковский записывает горькие строки: «Я вспомнил свою жизнь – труженическую, вспомнил свою любовь – к детям, к книгам, к поэзии, к людям, вспомнил, как *любили* меня когда-то Тынянов, Леонид Андреев, Кони...» (20 декабря 1946) [3-3, с. 97].

Однако политическая ситуация меняется к лучшему, и вскоре это Чуковский ощущает и на себе, и на посмертной памяти об Андрееве.

В третьем томе дневников упоминаний об Андрееве едва ли не так же много, как в первом. Со второй половины 50-х годов намечается «реабилитация» андреевского творчества, и Чуковский деятельно принимает участие в упрочении интереса к писателю: переиздает свои статьи об Андрееве в составе разных книг, читает о нем воспоминания на радио (26 ноября 1964 г.) [3-3, с. 396].

Вообще, судьба распоряжается так, что сама постоянно напоминает ему об Андрееве и постоянно сводит с теми, кто имеет к нему отношение. В 1960 году Чуковский встречается со старшим сыном Андреева, Вадимом, и его женой (10 октября 1960 г.) [3-3, с. 300], а спустя два года, вновь встречаясь с ним, узнает о трагической судьбе второго сына Андреева, Даниила (19 ноября 1962 г.) [3-3, с. 352]. В эти же годы он знакомится с В. Чуваковым, пишущим диссертацию об Андрееве [3-3, с. 300], с внучкой Андреева Ольгой Карлейль (10 декабря 1964) [3-3, с. 398].

«Последний могиканин» Серебряного века, Чуковский пережил всех своих ровесников – даже долгожительницу Ахматову. Имена писателей и поэтов рубежа XIX–XX веков для него всегда были живой памятью литературы, ее необходимыми звеньями – как и имена из века предшествующего – Пушкина и Некрасова, которым он занимался всю жизнь. Поэтому так удивляется Чуковский, сблизившись с Солженицыным, что тот занят только своей темой и не интересуется «Пушкиным, Леонидом Андреевым, Квитко» (29 сентября 1965 г.) [3-3, с. 419]. Широта интересов и укорененность в отечественной и мировой культуре, органически присущие Чуковскому и отразившиеся в его дневниках, на долгие десятилетия стали редкостью.

Дневник Чуковского «договаривает» некие обертоны восприятия Андреева, не вошедшие в его критические работы, фиксирует динамику рецепции творчества Андреева на протяжении почти семи десятков лет в последовательной смене статусов: «модный/популярный автор», «вытесненный из актуального литературного сознания», «вновь вернувшийся к читателю». Наконец, из дневника со всей очевидностью проясняются причины перемены этих статусов, напрямую обусловленные социально-политическим климатом в стране.

Литература

1. Чуковский, К.И. Из воспоминаний о Л.Н. Андрееве [Текст] / К.И. Чуковский // Вестник литературы. – 1919. – № 11. – С. 2-5.
2. Чуковский, К.И. Дарвинизм и Леонид Андреев. Второе письмо о современности [Текст] / К.И. Чуковский // Одесские новости. – 1902. – № 5667. – С. 1; № 5670. – С. 1 (а).
3. Чуковский, К.И. Дневник [Текст] : в 3 т. / К.И. Чуковский ; сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской ; предисл. В. Каверина. Т. 1 : 1901–1921. – М. : ПРОЗАиК, 2011. – 592 с.; Т. 2 : 1922–1935. – М. : ПРОЗАиК, 2011. – 656 с.; Т. 3 : 1936–1969. – М. : ПРОЗАиК, 2011. – 640 с.

УДК 821.161.1.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Д.Д. ЗИЯТДИНОВА

D.D. ZIYATDINOVA

МОРТАЛЬНЫЙ КОД
В ВЕНЕЦИАНСКОМ ТЕКСТЕ Д. РУБИНОЙ

MORTAL CODE
IN THE VENETIAN TEXT BY D. RUBINA

Статья посвящена анализу венецианского текста Д. Рубиной в контексте реализации мортального кода. В раннем венецианском тексте писательницы основной формой художественной репрезентации мортального кода служит венецианский хронотоп. В более позднем творчестве его реализация связывается с трансформацией карнавального хронотопа в маскарадный.

The article deals with the analysis of Venetian text by D. Rubina in the context of mortal code realization. In the writer's early Venetian text the main form of art representation of mortal code is Venetian chronotope. In her later works its realization is associated with the transformation of the carnival chronotope into the masquerade one.

Ключевые слова: Д. Рубина, венецианский текст, мортальный код, маскарад, «смерть в Венеции».

Key words: D. Rubina, Venetian text, mortal code, masquerade, «death in Venice».

Мортальный код выступает одной из смысловых доминант венецианского текста Д. Рубиной¹. Несмотря на то, что венецианский текст не занимает большого места в творчестве писательницы и представлен весьма локально (повестью «Высокая вода венецианцев», 1999, травелогами «Снег в Венеции», 2011, «Гладь озера в пасмурной мгле», 2007), он обладает вполне сложившейся структурно-семантической организацией, связанной с традиционным семантическим полем венецианского текста в литературе². Д. Рубина обращается к «венециане» П. Вяземского, П. Муратова, И. Бродского, Т. Манна и т.д.³ Отражением этого становится воспроизведение практически всех знаков венецианского текста: Венеция как обреченный город⁴, «земное»

¹ Подобный ракурс восприятия венецианского мира является традиционным как для русской, так и для европейской литературы. Н.Е. Меднис отмечает: «Мотив смерти пронизывает всю мировую венециану. Он связан с авторами произведений, с их героями, с самой Венецией. Собственно, ее связь со смертью и есть, на наш взгляд, исходное звено, порождающее все прочие вариации и ответвления. Мысль о гибели красоты, единственной и несравненной, возникает у каждого, кто так или иначе соприкоснулся с Венецией, и всякий отзывается на нее по-своему» [4]; «эстетические формы выражения мотива смерти в венецианском тексте так многочисленны и разнообразны, что невольно возникает мысль о порождаемой и поддерживаемой Венецией любви к смерти» [4]. Смерть при этом лишается трагизма: «со смертью в Венеции в русской литературной венециане практически не связан мотив страха, и переход из праздника в небытие совершается без надрыва и без прощания навсегда» [104], «в Венеции между жизнью и смертью, прошлым и будущим нет четких границ. Переходы здесь сглажены, порой едва заметны» [4].

² См. об этом: *Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе / Н.Е. Меднис. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1999. – 391 с.

³ Д. Быков в своей статье «Камера переезжает» отмечает также обращение Д. Рубиной к прозе Дю Морье: «Обреченная, умирающая и праздничная Венеция в повести Рубиной не претендует на конкуренцию с Венецией Манна или даже Дафны Дюморье (хотя, мнится мне, автор “Высокой воды венецианцев” не только хорошо изучил город, но и внимательно перечел “Не оглядывайся”» [2].

⁴ «...этот город, с душой мужественной и женской, был так же обречен, как и она, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – ...такая чепуха для бездушного без-

небесное царство¹, пограничное пространство [7, с. 411; с. 430–431; с. 416–417], «зыбкий мир, населенный тенями и призраками» [4], с летеиской природой², сближением жизни и смерти, Танатоса и Эроса, где смерть лишается трагической окраски.

Наиболее открыто и последовательно они представлены в раннем венецианском тексте Д. Рубиной. Сам сюжет повести «Высокая вода венецианцев», связанный с историей неизлечимо больной героини, ее бегством в Венецию как попыткой забыть о неизбежном конце и, вместе с тем, попыткой принять то, что она обречена умереть, своеобразие решения его любовной линии в чисто венецианском ключе (стремительная история безудержной страсти соседствует с осознанием близкой смерти, разрушающей обычные нормы морали, когда возлюбленный героини становится двойником ее умершего брата), все это обеспечивает сохранение существующего венецианского «формата».

Неполнота же реализации сюжета «смерти в Венеции»³ не ведет к деконструкции смертности. Ее активизация обеспечивается изменением структуры венецианского хронотопа, одним из элементов которого становится гетто⁴ («Высокая вода венецианцев», «Гладь озера в пасмурной мгле»), в отношении Венеции неразрывно связанное с семантикой смерти (в отличие от Праги, где гетто несет витальную семантику («Джаз-банд на Карловом мосту»)). Упоминание мемориальной доски (с именами жертв Холокоста)⁵, закрепленной на одном из домов, позволяет писательнице активизировать

граничного времени! И это предошущение нашей общей гибели, общей судьбы – вот, что носится здесь над водой каналов... все обречено, твердила она себе, обречено, обречено...» [7, с. 430–431]; «Миша уходил, бросал ее, он пожелал остаться ей чужим в этом обреченном городе, вернее, таинственном городе обреченных, на летучем острове в лагуне» [7, с. 443].

¹ «И правда, когда Бог трудился над этой лагуной, он был и весел, и бодр, и тоже – полон любви, восторга, сострадания... она подумала с обычной своей усмешкой – а может быть, ее приволокли сюда именно из сострадания – показать райские картины...» [7, с. 419]. Однако общий настрой этого восприятия снимается через констатацию избыточной красоты города: «как жаль, что у нее нет сочинительского дара, а то бы написать рассказ, который весь – как венецианская парча, вытканная золотом, лазурью, пурпуром и немислимыми узорами, тяжелая от драгоценных камней, избыточно прекрасная ткань, какой уж сейчас не бывает, а только в музеях клочки остались» [7, с. 416].

² Об этой летеиской природе города писал П. Муратов: «В часы, проведенные у старых картин, украшающих венецианские церкви, или в скользящей гондоле, или в блужданиях по немим переулкам, или даже среди приливов и отливов говорливой толпы на площади св. Марка, мы пьем легкое сладостное вино забвения. Все, что осталось позади, вся прежняя жизнь становится легкой ношей. Все пережитое обращается в дым, и остается лишь немного пепла, так немного, что он умещается в ладанку, спрятанную на груди у странника» [5].

³ Несмотря на его внешнюю заявленность («Да это притон! – сказала она себе весело. – Меня тут ограбят, убьют, столкнут в канал, и дело с концом. Смерть в Венеции!» [7, с. 408]), не происходит его полной реализации, отражением чего становится финал повести: «Она уезжала. Надо было дожить отпущенное ей время, как доживал этот город – щедро, на людях. В трудах и веселье» [7, с. 444].

⁴ Как известно, начиная с 1492 г. испанские евреи перемещаются в Италию, в том числе и в Венецию. В 1516 г. городские власти выделяют для еврейского населения особый район, отделенный от остальной части города. Его границы проходят вдоль канала Каннареджо и Рио делла Мизерикордия (Riodella Misericordia). Именно в этом месте находился литейный цех (по-итальянски *getto*), название которого и стало обозначать еврейский квартал сначала в Венеции, а потом и в остальных европейских городах. Район Гетто состоит из двух частей: *Старого Гетто* (Ghetto Vecchio) и *Нового Гетто* (Ghetto Nuovo). Несмотря на название, Новое Гетто появилось гораздо раньше, чем Старое.

⁵ На доме № 2814 висит мемориальная доска в память о евреях, депортированных из Венеции 5 декабря 1943 г. и 17 августа 1944 г. в нацистские лагеря.

мортальную семантику, связанную с обнаружением очередного европейского «могильника» [7, с. 428].

При этом возникает трансформация сложившегося венецианского «канона» (эстетическая привлекательность/музей под открытым небом – мортальность/обреченный город), предполагающего обязательное доминирование эстетического маркера. Мортальность же в данном случае лишь подчеркивает, оттеняет красоту города, воспринимаемого, прежде всего, как музей под открытым небом. Разрушение этого гетеростереотипа в повести Д. Рубиной достигается через создание облика реальной Венеции настоящего времени, лишенной культурных смыслов, «вырванной» из культурного кода. Наиболее ярким примером этого служит описание гетто, отражающее процесс элиминирования эстетического компонента, когда в сильной позиции оказывается именно мортальная семантика. Оно лаконично настолько, что практически отсутствует: «Площадь – даже посреди этой тотальной венецианской обшарпанности – выглядела особенно убогой, запущенной и, несмотря на развешенное кое-где под окнами белье, заброшенной людьми...» [7, с. 429], «У нас были заказаны две ночи в довольно обшарпанном отеле на границе с Гетто. Я всегда бываю в тамошних местах, когда оказываюсь в Венеции. Прибредаю, как овца к шатрам пастухов» [7, с. 631].

Сам характер описания с подчеркнуто нейтральным, объективным отношением («убогая», «запущенная») героини к увиденному, как и реализуемая ею поведенческая модель («На дверях был приклеен лист бумаги, на котором крупными буквами написано на иврите: “Мы рады тебя обслуживать до тех пор, пока ты уважаешь нас, это место и наши законы...” <...> – Прего, синьора! Она сказала на иврите: – Да пошел ты!.. Значит, если за свои деньги я захочу съесть твою вчерашнюю пиццу, то я обязана уважить тебя, твою паршивую забегаловку и всю твою родню по матери! <...> – Синьора, ты откуда? <...> – Оттуда. Из самого оттуда...» [7, с. 429]) на первый взгляд свидетельствуют об активизации точки зрения Чужого, но это лишь иллюзия. Знаком этого является то, что доминирующим становится внутренний план, связанный с переживанием героини, ее эмоциональным отношением, а не внешний, предполагающий лишь наблюдение: «Человек, чуждый всяким сантиментам, она всегда легко и сладостно плакала над судьбой своего народа. Привыкла к этому своему – как считала – генному рефлексу, всегда ощущала упрямую принадлежность, смиренно несла в себе признаки рода и со свойственной ее народу мнительностью внимательно вслушивалась в себя, в ревнивый ток неугасимой крови...» [7, с. 428].

Мортальность Венеции в «Высокой воде венецианцев» поддерживается также характером сценичности, реализуемой через маскарадность, включающую в себя в данном контексте семантику «театральности и декоративности»¹: «Минут тридцать она стояла на ступенях вокзала, пытаясь совладать с собой, шагнуть и начать жить в этом, театрально освещенном светом лиловых фонарей, сумеречном мире, созданном из бликов темной колышущейся воды, из частого скользящих деревянных свай с привязанными к ним гондолами и катерками, на фоне выхваченных слабым светом невидимой рампы дворцов, встающих из воды...» [7, с. 406–407], «И вдруг попала в огромную залу под черным небом, под колоннады, мягко и театрально освещенные холодным светом фонарей и теплым оранжево-желтым светом из открытых дверей ресторанов...» [7, с. 407].

Дальнейшее развитие венецианского текста в творчестве Д. Рубиной оказывается связано с расширением мортального кода: если в «Высокой воде венецианцев» реализация его носила локальный характер и во многом свя-

¹ Вычленение театральности и декоративности как ведущих примет Венеции имело место еще в творчестве П. Вяземского. Н.Е. Меднис в статье «Приобщение к венецианской жизни и ракурсы ее изображения» отмечает: «Несмотря на притягательность, Венеция для П. Вяземского театральна и декоративна» [3].

зывалась с топомом гетто, то в травелогe «Снег в Венеции» смертность начинает определять все пространство города, благодаря своеобразию хронотопической организации произведения: трансформации карнавалного хронотопа в маскарадный, аккумулирующий в творчестве Д. Рубиной смертельную семантику¹. В результате этого венецианский карнавал превращается в маскарад², «главное условие» которого тайна, забвение – «репетиция небытия», а его «смеющаяся душа» оборачивается «безумием опустошенности» [8, с. 94]. Это позволяет наиболее полно и открыто реализовать смертельную семантику венецианского текста³, что задается уже на уровне эпиграфа, взятого из «Бальтазара» Л. Даррелла [8, с. 55].

Смертность как главная характеристика венецианского маскарада наиболее открыто реализуется через образы венецианских масок: «...ничего особо веселого в венецианских масках нет: они зловецы. Попробуйте надеть хотя б одну и гляньте на себя в зеркало – вы отшатнетесь. Неподвижность маски придает образу невозмутимость покойника и вызывает в памяти древние ритуалы диких народов. И оно понятно: обстоятельства жизни в те людоедские времена требовали от человека перевоплощения в иную, желательную страшноватую сущность, дабы отпугивать врагов, болезни и смерть. Недаром чуть ли не самой популярной маской в Венеции была “доктор чумы”...» [8, с. 80]⁴.

Маскарад, изначально не предполагавший доминанту смертельной семантики и связывавшийся преимущественно с семантикой игры, также как и венецианский текст имеет дуальную семантику, что находит отражение и в травелогe. Так, несмотря на доминирующую смертельную составляющую венецианского маскарада, он не лишается эстетической привлекательности: он пугает и завораживает одновременно, так же как и пространство Венеции не становится абсолютно чужим для повествовательницы, отражением чего становится возможность восприятия Венеции как Дома [8, с. 78].

¹ Кроме того, упоминание Паоло и Франчески («Зато лохмотья тумана чуть не до полудня носились над лагуной, цепляясь за колокольни и купола, как безумные тени Паоло и Франчески»), вендетты, «роковых игрищ средневековых страстей» [8, с. 69] позволяют соотносить пространство города со вторым кругом ада (косвенное сближение происходит также через «погодную» составляющую: усиливающийся с каждым днем холод, порывистый ветер: «мы вышли на причал и спустились в салон небольшого катера, что терпеливо вздрагивал на холодном ветру» [8, с. 60], «Тонкий змеиный ветер штопором закручивал в зеленой воде канала мелкие гребешки пены» [8, с. 75], «После полудня ветер устervilleлся и вовсе перестал миндальничать: встречные дамы, одной рукой придерживая рвущиеся вбок и вверх пышные юбки, а другой контролируя статичность закрепленного шпильками парика или шляпы, быстро исчезали с площади и окрестных улиц» [8, с. 88]).

² Карнавальная составляющая может сохраняться, но в трагестированном виде. Наиболее ярким примером этого становится проекция карнавальности на животный мир: «А на морду еще одной, особенно послушной, юмористы-хозяева нацепили маску кота. И ей-богу, она не выглядела страннее, чем большинство туристов» [8, с. 82].

³ При этом венецианский маскарад лишь обнаруживает потенциально присутствующую смертность, проявляющуюся в том, что Венеция не просто воспринимается как обреченный город, но и как место, где присутствует постоянное напоминание о смерти в повседневном существовании, пусть и понятное лишь для «впечатлительного» наблюдателя: «А гондолы, эти странные носатые ладьи, черные грифы лагуны – разве не уместнее всего они в похоронном кортеже, сопровождающем очередного покойника на Сан-Микеле? Разве чуткое воображение человека впечатлительного могут заморочить дурацкие украшения, которыми современные гондольеры привлекают туристов, – вроде золоченных морских коньков и фигурок святого Микеле с флажком Италии в руке? Разве не бросает в дрожь от одного лишь взгляда на расшитые цветным стеклом спинки роскошных кресел, втиснутых в узкие ребра этого скорбного погребального челна?» [8, с. 80].

⁴ Масочность в творчестве Д. Рубиной традиционно выступает знаком умирания, окаменения, связываясь с мотивом смерти.

Символическим отражением внутренней неоднозначности (праздник, игра/мортальность) венецианского маскарада в травелоге «Снег в Венеции» становятся три платья, украшающие окна отеля, самым красивым из которых является траурное: «Высокие окна вестибюля – днем, несмотря на холод, открытые – тоже выходили на канал, и во всех трех – изобретательная дань карнавалу! – присели на подставках дивные платья XVIII века: одно – классической венецианской выделки, бордо с золотом, все обшитое тяжелым витым шнуром, второе – пенно-голубое, сборчатое, облачное, обвитое лентами по плечам и талии, присыпанное серебряными блестками по кромке открытого лифа. Третье же – черное, траурное, отороченное белыми перьями, – оно и было самым завораживающим...» [8, с. 62].

Дуальность венецианского маскарада созвучна самому духу города. Так, одной из форм репрезентации микроконцепта в данном травелогe выступает живописный код, связанный с обращением писательницы к двум полотнам: «Пир в доме Левия» Паоло Веронезе и «Пьета» Тициана. Картина Веронезе становится воплощением «солярного» облика города, с его бахтинской карнавальностью, праздничностью [8, с. 74; с. 73]. Своеобразие восприятие картины связывается с доминированием горизонтального плана: «Движение каждого началось минуту назад и в любую минуту было готово продолжиться. Казалось, можно войти в картину, усесться за стол, налить себе вина, побродить среди колонн, потрепать за щечку девочку на переднем плане...» [8, с. 73]¹. При этом наряду с несомненной фиксацией эстетической привлекательности полотна («– Какая сила, а? какая легкость цветовых сочетаний... – проговорил мой художник с явным удовольствием. – Краски прямо звенят, кипят!» [8, с. 73]), происходит его «деэстетизация» через сближение с «книжкой-раскраской», отражающая дистанцированность повествовательницы от картины, связанную с фиксацией ее «чуждости» [8, с. 73].

Второй картиной становится «Пьета», напоминающая «надгробную плиту», незаконченная картина Тициана [8, с. 74]. Это отражение Венеции умирающей, обреченной, воплощение ее духовной составляющей: «Вот уж где мрачный тупик – глухая ниша в стене, темный камень, полное отсутствие окон или арок, ни воздуха, ни света, ни надежды. Все сумрачно в этой последней картине Тициана. <...> – Какой-то бурый сумрак... – почему-то перейдя на шепот, сказала я. <...> – Нет, не вижу, – в сомнении пробормотала я, – не понимаю... Будто все под водой. – Совершенно справедливо. Это – отчаяние человеческого существа, что погружается на дно небытия. Или, если хочешь, судьба Венеции, уходящей под воду. Во всяком случае, о Венеции это говорит мне больше, чем все литературные и исторические...» [8, с. 74–75]. «Пьета», также как и траурное платье, оказывается в сильной позиции, становясь наиболее точным выражением духа города и маскарада, доминантной семантикой которых выступает мортальность.

«Маскарадная» мортальность охватывает все сферы жизни: от частной (вендетта) до общественной (казнь). При этом ее своеобразие определяется изначальной амбивалентностью карнавала, в маскараде утрачивающей свою «витальную» составляющую, когда карнавальное «взаимооборотничество» жизнь/смерть в маскараде трансформируется в смерть, с элиминированием

¹ Описание картины Веронезе созвучно описанию Захаром Кордовиным «Менин» Веласкеса в «Белой голубке Кордовы»: «Сравни с “Менинами” Веласкеса, с его Маргариткой – та вся, как ртуть; кажется, тебе не угадать, какие милые глупости она выдаст в следующую минуту. Она дышит и двигается в огромном объеме света и воздуха. Я только что стоял перед ней в Прадо часа полтора. Ты смотришь на этих фрейлин, на эту девочку, которая возвращает тебе твой взгляд, и видишь то мгновение, с которого раскручивается перспектива времени – как в прошлое, так и в будущее... Там японцы толпились, у “Менин” – и отлично вписывались в воздушное пространство картины. Причем непонятно было – кто на кого смотрит...» [6, с. 125]. При этом «Менины», противопоставляясь картинам Эль-Греко, в силу своей горизонтальной «организации», выступают живописным кодом «чужого», европейского мира.

второй составляющей. Наиболее ярким примером этого становится рассказ повествовательницы о «веселой казни» (адъектив «веселая» лишь результат иронии героев, применительно к данному контексту звучащий оксюморонно) [8, с. 56].

Мортальность становится вневременной приметой венецианского маскарада. Карнавал прошлого был временем торжества «Демонов Хаоса» и «смертельной игрой»: «- ...Демоны Хаоса выходили из подполья... <...> Вихри темной воли закруживали город. <...> Воздух был пропитан запахом вендетты! Треуголка на голове, шпага и черный плащ наемного убийцы, безликая “ларва” на лицо – вот она, твоя личная смертельная игра, твой образ небытия, твои призраки ночи в свете факелов...» [8, с. 66]. Но, несмотря на то, что «романтика карнавала» в настоящем лишь развлечение для туристов и карнавал/маскарад во многом превратился в продукт туристического маркетинга, он незримо сохраняет свою изначальную мортальность. Свидетельством этого становится «символическое» присутствие смерти в пространстве города, воплощением которой является маска баута [8, с. 63] и образ «черного ангела»¹, наблюдающего за происходящим «разгулом»: «...в память врезался мальчик лет двенадцати, худенький даун в черном костюме дворянина со шпагой, но без маски. Он стоял на ступенях какой-то церкви и пристально смотрел вниз на пеструю визжащую толпу. Его типичное для этого синдрома пухловатое сосредоточенное лицо являло поразительный контраст бурлящему вокруг веселью. <...> По ступеням на паперть взбежала хохочущая Коломбина, с намерением повеселить друзей внизу... но наткнулась на отрешенный взгляд мальчика и спрыгнула вниз... Я тоже встретила с ним взглядом и замерла: черный ангел, вот кто это был. Черный ангел, посланец строгий, напоминающий: да, карнавал отменяет все ваши обязательства, все условности, все грехи... Веселитесь, братцы. Веселитесь еще, крепче веселитесь! Но я-то здесь, и я вижу, все вижу...» [8, с. 66–67].

Венецианский маскарад в травелогe не только транслирует мортальность, но и сам подчиняется ей, свидетельством чего выступает его смерть: «...И вот тогда над площадью пролетела неуловимая усталость. *Anima allegra* <курсив автора. – Д.З.> – смеющаяся душа карнавала – истончилась и сникла, она возносилась над нами, испарялась, покидала площадь – так душа возносится над телом: карнавал умирал. Рассеялась туманная взвесь, что накануне окутывала здания, фонари и фонтан. Зимнее утро навело резкость на предметы и лица, и захотелось, чтобы уборщики поскорее подмели надоевший цветной сор конфетти, а уставшие девушки-статистки смогли наконец уйти домой и как следует выспаться...» [8, с. 88].

Таким образом, функциональная значимость венецианского текста в построссийском творчестве Рубиной связывается с реализацией мортальной «ипостаси» концептосферы Европы. Изменение традиционного канона венецианы при этом вызвано редукцией эстетического компонента, вплоть до его исчезновения (гетто). Трансляция мортального кода в раннем венецианском тексте писательницы обуславливается активизацией и обыгрыванием сюжета «смерти в Венеции», а также изменением сложившегося в литературной традиции венецианского хронотопа. В более позднем творчестве активизация мортального кода становится результатом трансформации карнавально-хронотопа в маскарадный.

¹ «Черный ангел» при этом, скорее всего, является Ангелом Смерти, хотя возможно также его восприятие как Дьявола: «Из злых ангелов (ангелов разрушения – *мал'ахейхабала*) особую роль играет ангел смерти (*мал'ахха-мавет*). Он отождествляется со страшными великанами и демонами, бытующими в устных легендах, в литературе древнего Ближнего Востока и средневековой Европы (‘дьявол’, ‘сатана’). В Талмуде (ББ. 16а) ангел смерти идентичен Сатане (Самаэлю) и *иецерха-ра* (злomu помыслу)» [1].

Литература

1. Ангелы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/10221> (дата обращения 05.04.2013).
2. Быков, Д. Камера переезжает [Текст] / Д. Быков // Новый Мир. – 2000. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/7/rubina.html (дата обращения 10.12.2011).
3. Меднис, Н.Е. Приобщение к венецианской жизни и ракурсы ее изображения [Текст] / Н.Е. Меднис // Венеция в русской литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kniga.websib.ru/text.htm?book=19&char=16> (дата обращения 12.03.2013).
4. Меднис, Н.Е. Смерть в Венеции [Текст] / Н.Е. Меднис // Венеция в русской литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kniga.websib.ru/text.htm?book=19&char=17> (дата обращения 12.03.2013).
5. Муратов, П.П. Образы Италии [Текст] / П.П. Муратов [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/m/muratow_p_p/text_0010.shtml (дата обращения: 26.03.2012).
6. Рубина, Д. Белая голубка Кордовы [Текст] / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.
7. Рубина, Д. Высокая вода венецианцев [Текст] / Д. Рубина // Полн. собр. повестей в одном томе. – М. : Эксмо, 2011. – С. 400-444.
8. Рубина, Д. Снег в Венеции [Текст] / Д. Рубина // Окна. – М. : Эксмо, 2012. – С. 55-96.

УДК 81.111
ББК 81.2 Англ. – 3

Ю.В. БОПП,
Ю.В. СУРГАЙ

Y.V. BOPP,
Y.V. SURGAI

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
АНГЛИЙСКОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В СОСТАВЕ
АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ИХ РУССКИМИ АНАЛОГАМИ

MORPHOLOGICAL ANALYSIS
OF THE PRESENT-DAY NUMERALS AS THEY ARE SEEN
IN THEIR AUTHENTIC IDIOMS

В статье рассматриваются английские количественные и порядковые числительные в составе паремиологических словосочетаний с точки зрения их дискурсивных особенностей для уточнения их морфологического статуса. До настоящего времени подобного системного исследования английских числительных как знаменательной части речи в современном английском языке не проводилось, несмотря на то, что в морфологии английского языка является существенной проблемой.

The present paper concerns the problem of English numerals as a morphological class of notional words. The numerals are being explored from the point of morphological analysis. These characteristics make probably the basis for thinking them as a notional part of speech in order not to confuse them with nouns, pronouns or determiners.

Ключевые слова: английские числительные, знаменательная часть речи, морфологические характеристики, паремиологические словосочетания.

Key words: English numerals, a notional part of speech, morphological analysis, authentic idioms.

Номинативные и функциональные единицы, их количество и содержание – предмет изучения многих отечественных и зарубежных лингвистов (Б.А. Ильиш, И.И. Мещанинов, А.А. Потеня, А.И. Смирницкий, А.Е. Супрун, Л.В. Щерба, А. Ashton, F. Blandford, O. Jespersen, R. Long, H. Palmer, R. Quirk, H. Sweet, A. West). Количество и содержание частей речи в грамматиках зависят, прежде всего, от критериев разграничения, которыми пользуются исследователи языка при распределении слов по частям речи.

Числительное является элементом языковой системы и подчиняется грамматическим законам. Именно поэтому русскоязычные лингвисты Б.А. Ильиш, А.И. Смирницкий, И.П. Иванова *et al*, Н.А. Кобрина *et al* говорят о том, что числительные обладают *общим грамматическим значением*. Показатели значения могут быть разными даже при общности грамматической характеристики слова. Например, английские и русские количественные числительные *one – один, two – два, three – три* объединены общим грамматическим значением количественности, а английские и русские порядковые числительные *the first – первый, the second – второй, the third – третий* объединены значением порядковости [2, с. 30; 3, с. 39; 4, с. 260].

В настоящей статье рассматриваются морфологические характеристики английских количественных и порядковых числительных и их русских аналогов на уровне словосочетания.

Английские количественные и порядковые числительные как слова одновременно функционируют и в качестве детерминанта, т.е. функциональной части речи, служащей для связи знаменательных слов; и в качестве номинативной части речи – существительного, обладающего значением предметности, прилагательного, называющего признак предмета, и наречия, выражающего признак действия [9, с. 25–26].

Английские существительные (nouns) обладают значением предметности и обладают следующими морфологическими признаками (табл. 1):

Таблица 1

Морфологические признаки существительных в английском языке

plural form/ множественное число	possessive case/ притяжательный падеж	masculine, feminine, neuter (gender)/ категория рода	definite or indefinite articles/ определенный и неопределенный артикли
-s (-es) (a wheel - wheels)	's (a father's wheel)	замена личными местоимениями he [он], she [она], it (a wheel → it, a father → he)	a (an), the (a wheel, the wheel)

Если принять, что английское количественное и порядковое числительное – это nouns/существительные, то образование форм множественного числа у числительного в паремии *the tenth wave* [досл. *десятая волна*] должно проходить путем прибавления к форме единственного числа окончания -s (-es), т.е. должно быть характерно и для числительного: *the tenths wave*. Но употребление формы множественного числа порядкового числительного *the tenth* как показателя порядка предметов при их счете противоречит норме.

В русском языке аналогом паремиологического словосочетания *the tenth wave* служит поговорка *самая опасная волна*, где прилагательное стоит в превосходной степени именительного падежа, единственного числа, женского рода *самая опасная* и является аналогом английского порядкового числительного *the tenth*.

Однако признак множественности проявляется у таких количественных числительных, как *two - twos, thousand - thousands, million - millions*. Но окончание множественного числа проявляется не во всяком контексте и не характерно для любого количественного числительного, поскольку окончание множественного числа -s/-es относится к имплицитно выраженному существительному только в случае субстантивации числительного: *A woman is a devil at forty (years)* [досл. *Женщина это дьявол в сорок (лет)*] рус. *Дурак в сорок лет окончательно дурак; I got a five [mark] yesterday* – рус. *Я получил вчера пятерку*. Кроме того, список имплицитно выраженных существительных весьма ограничен: *person, year, mark*, иными словами, это могут быть либо *люди*, либо *возраст*, либо *отметки*.

Притяжательный падеж ('s) (признак поссессивности), являясь формой существительного для передачи различных отношений принадлежности [4, с. 204], также должен являться обязательной характеристикой для английских количественных и порядковых числительных в английском языке.

Наличие притяжательного падежа у порядкового числительного *fifth* в паремии *the fifth wheel* [досл. *пятое колесо*] вступает в противоречие с грамматическим значением порядкового числительного, являясь показателем порядка предметов при счете, а не показателем принадлежности: *the fifth's wheel ≠ the father's wheel* [досл. (чь?) *колесо отца*].

В русском языке аналогом паремиологического словосочетания *the fifth wheel* служат поговорки *пятое колесо в телеге* (колеснице), *третий лишний*. Первая поговорка является близким аналогом, где русское порядковое числительное *пятый* стоит в единственном числе, среднем роде, именительном падеже. Во втором случае, русское порядковое числительное *третий* стоит в именительном падеже, единственном числе, мужском роде и является аналогом английского порядкового числительного *the fifth*.

В английском языке отсутствует грамматическая категория рода [4, с. 191], следовательно, одушевленные существительные относятся к мужскому или женскому роду в зависимости от пола и могут заменяться соответственно личными местоимениями *he* [он] или *she* [она]; неодушевленные имена существительные и названия животных относятся к среднему роду и заменяются личным местоимением *it*.

Так, например, заменив в словосочетании *to save nine* [досл. сэкономить девять] количественное числительное *nine* на личное местоимение, получаем следующее: *to save she* или *to save he*, где формы личных местоимений не согласуются с нормами английской грамматики, так как должны занимать положение перед глаголом, будучи заместителем существительного, а не после него.

В русском языке аналогом паремии *a stitch in time saves nine* служит поговорка *минута час бережет*, где существительное *час* в винительном падеже, единственном числе, мужском роде соответствует английскому количественному числительному *nine*.

Английское существительное, как известно, сопровождается определенным (*the*) и неопределенным (*a, an*) артиклями [4, с. 211-219]. Так, наличие в словосочетании *between two fires* [досл. между двух огней] определенного артикля, например, *between the two fires* в дословном переводе *между этими (определенными) двумя огнями* ведет к изменению дискурса.

Если принять, что английские количественные и порядковые числительные – это *adjectives/прилагательные* (качественные), называющие признак предмета, обладающие известной условной устойчивостью, или *adverbs/наречия*, указывающие на признак действия или на обстоятельства, при которых протекает действие, то существующие сравнительная и превосходная степени сравнения, выражая степень признака или степень признака действия, должны быть характерны и для английских числительных (табл. 2):

Таблица 2

**Морфологические признаки прилагательных и наречий
в английском языке**

Adjective (прилагательное)	Adverb (наречие)
<i>Degrees of comparison: positive, comparative and superlative:</i>	
polite – politer – the politest; happy – happier – the happiest.	quickly – quicker – the quickest; hard – harder – the hardest.

Если порядковое числительное *seventh* в паремии *in the seventh heaven* [досл. на седьмом небе] образует степени сравнения, то получаем форму *a seventh heaven – the seventhest heaven*. Такое образование также противоречит норме, так как порядковое числительное – это показатель порядка предметов при их счете, а не показатель степени признака предмета или степени признака действия.

В русском языке аналогом паремии *in the seventh heaven* служат поговорки *почувствовать себя на седьмом небе от счастья* или *почувствовать себя на вершине блаженства*, где русское порядковое числительное *седьмой* в единственном числе, среднем роде, предложном падеже соответствует ан-

глейскому числительному *the seventh*. Существительное с предлогом *на вер-ху* в предложном падеже, единственном числе, среднем роде во втором ана-логе соответствует порядковому числительному *the seventh*.

Если количественное числительное *one* – это функциональная часть речи, служащая для связи слов, а именно неопределенно-личное местоиме-ние, то, притяжательный падеж 's (the genitive case) характерен и для числи-тельного *one*.

Сопоставим парадигмы склонения неопределенно-личного местоиме-ния *one* в словосочетании *one's hat* [чь-то шляпка] и количественного чис-лительного *one – один* в *in one oven* [в одной печи] (табл. 3):

Таблица 3

Парадигма склонения местоимения *one* и числительного *one*

<i>my hats – мои шляпки; her (his) hats – ее (его) шляпки; our (their, your) hats – наши (их, ваши) шляпки.</i>	качество	≠	количество	<i>one hat – одна шляпка.</i>
<i>in my oven – в моей печи; in her (his) oven – в ее (его) печи; in our (their, your) oven – в нашей (их, вашей) печи.</i>	качество	≠	количество	<i>in one oven – в одной печи.</i>

Парадигмы склонения неопределенно-личного местоимения *one* и ко-личественного числительного *one – один* не совпадают. В паремии-слово-сочетании речь идет о количестве печей, а не о качестве таковых. Притяжа-тельный падеж 's (the genitive case) является прерогативой неопределенно-личного местоимения *one* и существительных, а не количественных числи-тельных.

Таким образом, результаты исследования морфологических характери-стик английских количественных и порядковых числительных свидетельству-ют о том, что английское числительное – это не существительное, поскольку для них не характерны признаки множественности *the tenths-wave*, поссе-сивности *the fifth's-wheel*– и категория рода (в случае замены личными ме-стоимениями в предложении) *to save she*. Английское числительное – это не прилагательное и не наречие, так как главный парадигматический признак – наличие степеней сравнения – не санкционирован правилами нормы совре-менного английского языка и не подтверждается фактологическим матери-алом исследования: *a seventh-heaven – the seventhest-heaven*. Английское количественное числительное – это не функциональная часть речи, посколь-ку парадигмы склонения неопределенно-личного местоимения *one* и количе-ственного числительного *one – один* не совпадают. Роль количества англий-ских количественных и порядковых числительных является доминирующей в представленных примерах.

В современном английском языке существует собственная, а потому обладающая своими особенностями словообразовательная парадигма.

Рассмотрим, какие морфологические способы словообразования свой-ственны английским количественным и порядковым числительным и их русским аналогам на основании 290 проанализированных нами словосо-четаний в контексте паремиологических словосочетаний и 360 их русских аналогов.

В словосочетаниях *an eighteen carat lie* [наглая вопиющая ложь] и *to talk nineteen to the dozen* [говорить без конца] количественные числительные *eighteen* и *nineteen* образованы с помощью суффикса *-teen* от соответствующих английских числительных первого десятка *eight* – *восемь* и *nine* – *девять* путем одного из самых распространенных способов словообразования – деривации, который представляет собой присоединение аффикса к основе [4, с. 261].

В русском языке аналогом паремии *an eighteen carat lie* служит поговорка *наврать с три короба*, где *три* является аналогом английского количественного числительного *eighteen* и представляет собой количественное простое числительное в винительном падеже.

Русским аналогом паремии *to talk nineteen to the dozen* служат поговорки *длинный язык, язык без костей, кричать на всех перекрестках, точить лясы, чесать языки*, в которых числительное отсутствует, что свидетельствует о разном генетическом и поколенческом опыте английского и русского народа.

В словосочетании *the tenth wave* порядковое числительное *tenth* образовано с помощью суффикса *-th* от соответствующего английского количественного числительного первого десятка *ten* – *десять* путем аффиксации.

Русским аналогом паремии *the tenth wave* служит поговорка *самая опасная волна*, где числительное отсутствует, а аналогичную позицию в русском аналоге занимает прилагательное *самая опасная* в превосходной степени, именительном падеже, женском роде, единственном числе.

Если считать, что английские количественные и порядковые числительные – это прилагательные, то суффиксы прилагательных от именных и глагольных основ, а также степени сравнения прилагательных должны быть характерны и для английских числительных, а суффиксы английских количественных и порядковых числительных должны быть характерны для английских прилагательных, например: *an eighteener carat lie* ≠ *a beautifulteen girl*; *the eighteenest carat lie* ≠ *a beautifulth girl*.

Продемонстрированные примеры и их дословный перевод противоречат нормам грамматики современного английского языка, так как степень сравнения прилагательных – это степень признака, а не показатель количества предметов и порядок при их счете. В результате, паремии приобретают нелепые значения, которые, как показывает второй пример, очень трудно подобрать. Следовательно, между суффиксами английских прилагательных и количественных и порядковых числительных поставить знак равенства мы не можем, так как такое употребление противоречит норме английского языка:

Таблица 4

Имя прилагательное	≠	Числительное
суффиксы прилагательных: от именных основ: <i>-al, -ial, -ful, -less, -y</i> (<i>national, residential, dusty</i>); от глагольных основ: <i>-ive, -able</i> (<i>understandable, progressive</i>); степени сравнения: <i>-er, -est</i> (<i>mild – milder – the mildest</i>).		суффиксы количественных и порядковых числительных: <i>-teen, -ty,</i> <i>-th</i> (<i>fifteen, sixty, the fourth</i>).

Если считать, что английские количественные и порядковые числительные – это существительные, то суффиксы лица и отвлеченных английских существительных должны быть характерны английским числительным, и наоборот, например, *singer* [читатель] ≠ *eighter*; *movement* [движение] ≠ *eightment*. Следовательно, между суффиксами английских существительных и количественных и порядковых числительных поставить знак равенства мы не можем, так как и в этом случае, такое употребление противоречит норме:

Таблица 5

Имя существительное	≠	Числительное
Суффиксы лица: -er, -ist, -ess, -ee (<i>singer, naturalist, authoress, legatee</i>); Суффиксов отвлеченных существительных: -ness, -ion, (-ation, -ition), -ity, -ism, -ance, -ment (<i>lateness, rotation, ignition, security, socialism</i>).		Суффиксы количественных и порядковых числительных: -teen, -ty, -th. (<i>fifteen, sixty, the fourth</i>).

В словосочетаниях *a two-minute silence, like a three-ring circus, a four-letter word, crooked sixpence* и *neat as ninepence*, количественные числительные путем словосложения «основа+основа» образуют сложное слово (compound word): *two+minute=a two-minute silence* [досл. двухминутное молчание]; *three+ring=like a three-ring circus* [досл. хаотичный, волнующий, шумный]; *four+letter=a four-letter word* [досл. слово в четыре буквы]; *six+pence=crooked sixpence* [досл. согнутый шестипенсовик]; *nine+pence=neat as ninepence* [досл. аккуратненький как монета в девять пенсов].

В результате анализа 290 английских паремиологических словосочетаний в 195 случаях английские количественные и порядковые числительные обладают неологическими способностями для продуцирования новых слов, например, деривационными: *the tenth wave* [досл. десятая волна – самая опасная волна], *an eighteen carat lie* [досл. восемнадцать каратная ложь – наглая вопиющая ложь]; способностями к словосложению: *two+minute=a two-minute silence* [досл. двухминутное молчание – минута молчания].

Одним из самых распространенных способов словообразования в исследуемом корпусе паремиологических словосочетаний с компонентом-числительным является деривация, 170 из 195 случаев: для количественных от двенадцати до двадцати – образования с суффиксом *-teen*, от двадцати до ста – с суффиксом *-ty*, для порядковых, начиная от пяти, с суффиксом *-th*.

В русском языке в 175 аналогах из 360 английские количественные и порядковые числительные отсутствуют: *the tenth wave* – самая опасная волна, *an eighteen carat lie* – наглая вопиющая ложь. В 185 случаях наиболее распространенным способом словообразования в русском языке является суффиксальный способ. В суффиксальных количественных числительных от одиннадцати до девятнадцати выделяется суффикс *-надцать*.

S. Greenbaum, G. Leech, R. Long, R. Quirk, H. Sweet, рассматривая количественные и порядковые числительные как детерминант, функциональную часть речи, и как существительное, прилагательное, наречие как номинативные части речи, нарушают нормы языка. Использование в исследовании метода субституции позволяет нам убедиться, что все английские количественные и порядковые числительные в силу их грамматического значения количественности (*eighteen carat lie* – ложь в восемнадцать каратов) и порядковости (*tenth wave* – десятая волна) являются знаменательной частью речи, составляют отдельный морфологический класс.

Литература

1. Белоусов, К.И. Введение в экспериментальную лингвистику [Электронный ресурс] : учеб. пособие / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – М. : Флинта, 2011. – 136 с. – Доступ с сайта электронно-библиотечной системы «Университетская библиотека онлайн». – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=93433> – Загл. с экрана

2. Ильиш Б.А. История английского языка [Текст] / Б.А. Ильиш. – Л. : Просвещение, 1966. – 437 с.
3. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
4. Кобрина Н.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис [Текст] : учеб. пособие / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская. – СПб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
5. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика [Текст] : учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 2-е изд. – М. : Флинта [и др.], 2009. – 592 с.
6. Теория перевода : пособие для лингвистов-переводчиков [Текст] : учеб. пособие / В.В. Алимов ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; Моск. гос. открытый ун-т им. В.С. Черномырдина. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 237 с.
7. Cowie, A.P. Oxford Dictionary of English Idioms [Text] / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – London : Oxford University Press, 1993. – vol. 2 – 686 p.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [Text]. – London : Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1692 p.
9. Quirk, R. University Grammar of English [Text] / R Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J.A. Svartvik. – M., 1982. – 391 p.
10. Shorter Oxford Dictionary [Text]. – New York : Oxford University Press, 2005. – 3804 p.

УДК 811'44
ББК Ш 100

Е.В. ТЕЛЕГИНА

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ И
ХАРАКТЕРА ОЦЕНКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ ОДИН/ONE,
ПЕРВЫЙ/FIRST**

E.V. TELEGINA

**COMPARATIVE ANALYSIS OF SEMANTICS AND
EVALUATION OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH
A NUMBER COMPONENT ОДИН/ONE, ПЕРВЫЙ/FIRST**

Статья посвящена исследованию семантики и характера оценки фразеологических единиц с числовым компонентом в русском и английском языках. Представлены результаты сопоставительного анализа семантики и типа оценки ФЕ с числовым компонентом *один / one, первый / first*. Для выявления речевой семантики и оценочности данных фразеологических единиц использовались «Национальный корпус русского языка» и «*The British National Corpus*» («Британский национальный корпус»).

The article is devoted to the investigation of the semantics and the kinds of evaluation of the phraseological units with a number component in Russian and English languages. Some results of the analysis of semantics and evaluation of PhUs with *один / one, первый / first* are given in the article. To reveal speech semantics and evaluation of the given phraseological units «The National corpus of the Russian language» and «*The British National Corpus*» were used.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, оценка, числовой компонент, дискурсивное исследование, оценочная амбивалентность, объект оценки.

Key words: phraseological units, semantics, evaluation, number component, discursive study, evaluation ambivalence, evaluation object.

Фразеологизм рассматривается как особый знак языка, поскольку в его значение включены различные типы информации: денотативный, мотивационный, оценочный, эмотивный. Все компоненты значения, составляющие языковую семантику фразеологизма, участвуют в формировании общей оценки, содержанием которой является ценностно-эмотивное отношение к кому-либо или чему-либо [4, с. 115].

Оценка, как значимая часть семантики фразеологизма, является культурно обусловленной, поскольку создатель оценки раскрывает не только свои ценностные ориентиры и эмоциональное отношение к происходящему, а также существующие в обществе культурные установки. По мнению М.Л. Ковшовой, сопоставление универсального и уникального в культурной семантике фразеологизмов на материале различных языков рассматривается как перспективное направление в лингвокультурологии [4, с. 135].

Целью данной статьи является анализ семантики и характера оценки фразеологических единиц (ФЕ), позволяющий выявить их национально-культурные особенности. Языковым материалом служат ФЕ с числовым компонентом *один / первый* в русском языке и *one / first* в английском языке.

Общее количество рассматриваемых ФЕ в русском языке составляет 58, в английском языке – 59, среди которых встречаются как фразеологические эквиваленты, так и аналоги. Самую многочисленную группу межъязыковых соответствий составляют фразеологические аналоги (всего 64 в обоих языках), то есть такие ФЕ, которые выражают сходное значение, но имеют полное различие внутренней формы. Кроме того, нами были выявлены несколько ФЕ, которые являются безэквивалентными (рус. яз – 12; англ. яз – 8). Данный факт свидетельствует о том, что ФЕ содержат в себе как общечелове-

ческие знания о мире, так и ценностные установки, стереотипы, свойственные ментальности конкретной нации.

Новизна данного исследования заключается в том, что мы обратились к рассмотрению проблемы в конкретно-речевом (дискурсивном) аспекте. В нашей работе мы используем материалы национальных корпусов русского и английского языков, которые дают возможность исследовать действительно существующие явления в сопоставляемых языках. Для выявления речевой семантики и определения типа оценки ФЕ с числовым компонентом *один / первый, one / first* нами проанализировано около 15 000 контекстов (высказываний) в каждом языке.

В отечественной лингвистике принята следующая структура оценки (Арутюнова 1988; Вольф 1985): субъект оценки (тот, кто оценивает), объект оценки (то, что оценивается) и оценочное отношение, которое включает знак оценки («хорошо / плохо») или норму оценки. Соответственно, мы исходим из дифференциации оценок на положительные, нейтральные и отрицательные. Основным принципом отнесения ФЕ к тому или иному типу оценки является дискурсивный анализ с опорой на контекст.

Объектом оценки могут выступать лица, предметы, события и явления окружающей действительности. Исходя из того, что является объектом оценки, мы объединили исследуемые ФЕ в семантические группы. Основанием классификации служит «денотативный аспект значения, а точнее (с т/з когнитивной парадигмы) – его категоризирующий макрокомпонент, соотносимый с типовым представлением и обеспечивающий модельную изоморфность значения тому, на что это значение способно указывать» [5, с. 157].

В обоих языках наибольшее количество ФЕ с компонентом *один / первый* и *one / first* входят в группу ФЕ с оценкой действия, поведения (рус. язык – 26, англ. язык – 29) и ФЕ с оценкой качества (рус. язык – 20, англ. язык – 16).

Рассмотрим ФЕ с оценкой действия (поведения), среди которых значительное количество ФЕ составляют группу ФЕ с оценкой характера действия, например: *одним махом* ('очень быстро'), *первым делом* ('сначала') (всего 21); *at one sitting* ('at the same time'), *first and foremost* ('more than anything else') (всего 25).

Фразеологические единицы, в которых числовой компонент *один* соотносится с понятием одномоментности совершаемого действия, манифестирует все типы оценки.

Приведем пример употребления русского фразеологизма *одним ударом* ('сразу, очень быстро') с положительной оценкой: «*Всегда есть ставка, сделав которую, можно **одним ударом** все исправить*» (Дмитрий Надеждин. Как выиграть миллион // Комсомольская правда, 2007.10.24). В данном контексте положительная сема ФЕ *одним ударом* наводится семантическим окружением *все исправить*. Субъект речи выражает уверенность в том, что правильно сделанный выбор позволит быстро изменить ситуацию к лучшему.

Положительный смысл «быстро» эксплицирует нейтральный по своему значению английский фразеологизм *at one sitting* ('at the same time'): «... *the first video materials that came with video into classroom were materials which had been made originally as films or broadcast television programmes. That means that they were designed to be viewed right through **at one sitting***» (Teaching English with video. Allan, Margaret. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1985). В этом высказывании субъект речи, который выражен имплицитно, указывает на то, что первые видеоматериалы давали возможность просматривать их, не вставая с места.

В следующих высказываниях русский фразеологизм *одним росчерком пера* ('мгновенно') и английский фразеологизм *at one blow* ('by or with only one action') эксплицируют отрицательную оценку: «*Норвежские политики решили на беспрецедентный шаг, буквально **одним росчерком пера** лишив Россию в одностороннем порядке ее законных экономических прав на исконно русских островах Грумандт, именуемых ныне Шпицбергеном*» (Ана-

толий Грешневиков. Зов Арктики (2002) // «Наш современник», 2002.08.15). «*The letter had destroyed at one blow a certainty so obvious that he had never even questioned it: his conception of the relationship between his parents*» (The raven on the water. Taylor, Andrew. London: Fontana Press, 1992).

В обоих предложениях определяющей для возникновения негативной оценки указанных фразеологизмов оказывается семантика слов, находящихся с ними в одном контексте. В русском предложении фразеологизм *одним росчерком пера* употребляется с формой *лишив*, образованной от глагола *лишать* с отрицательной коннотацией. В английском высказывании манифестация отрицательной оценки обусловлена сочетанием фразеологизма *at one blow* с глаголом *destroy* (разрушать), который имеет отрицательное денотативное содержание. Тем самым, говорящий выражает чувство разочарования, возникшее после прочтения письма, которое в один миг разрушило уверенность относительно отношений его родителей.

Среди фразеологизмов первой группы нами выявлено несколько ФЕ, которые актуализируют положительный смысл «общность взглядов, убеждений», например: *в один голос* ('все вместе'); *with one accord* ('in agreement with other people').

Приведем примеры употребления русского фразеологизма *все как один* ('единодушно') и английского фразеологизма *be at one* ('to feel that you completely agree with sb'): «*Однако мои друзья, все как один, приняли ее безоговорочно и сердечно*» (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)). «*Yes, I come from Lochaber, and the Lochaber people, if they were here, would be at one with the people of Breadalbane*» (King Cameron. Craig, David. Manchester: Carcanet Press, 1991).

Как видно из примеров, ФЕ *все как один* и *be at one* манифестируют положительную оценку действий людей, которые проявляют единодушие и согласие в тех или иных жизненных обстоятельствах. Отметим, что положительная коннотация, свойственная русскому фразеологизму *все как один*, основана на противопоставлении *все* - *один*. Во ФЕ английского языка *be at one* первостепенную роль играет числительное *one*, которое передает идею единения, одного целого.

В отличие от английских фразеологизмов данной группы, которые эксплицируют только положительную оценку, русские фразеологизмы, например, *в один голос* ('сразу все'), *один за всех* ('все вместе') могут манифестировать отрицательную оценку характера действия.

Приведем пример: «*Зачем он должен один за всех на всю катушку отдуваться?*» (Михаил Гиголавшвили. Чертово колесо (2007)). В этом высказывании словосочетание с отрицательной эмоциональной окраской *отдуваться на все катушку* мотивирует для фразеологизма *один за всех* ассоциативные признаки «наказанный», «вынужденный».

Проанализировав ФЕ с оценкой действия (поведения) субъекта, мы пришли к заключению, что для английских фразеологизмов характерно противопоставление *one - another*, например, *with one thing and another* ('you have been busy with various problems or things you had to do'). В семантике ФЕ русского языка наблюдается противопоставление *один - все, все*, например, *стричь всех под одну гребенку* ('необоснованно уравнивать, не считаясь с различиями'). Негативная коннотация, свойственная этим фразеологизмам, основана на данном противопоставлении.

На наш взгляд, существующие оппозиции во фразеологии русского (*один - все*) и английского (*one - another*) можно объяснить тем фактом, что представителям славянской культуры свойственно коллективное сознание, а человек в англоязычной культуре склонен к индивидуализации.

Следует также отметить, что в отличие от английского языка фразеологизмы данной группы характеризуются образностью. Так, образ фразеологизма *стричь всех под одну гребенку* создается метафорой, уподобляющей воздействие на человека - воздействию на покорное домашнее животное.

В памяти носителя языка актуализируются установки культуры о ценности человеческой личности, об унижительном для человека приравнивании его к животному [4, с. 158].

В следующем высказывании субъект речи выражает ценностно-эмоциональное отношение к происходящему, раскрывая свою культурную позицию: не следует отождествлять всех, не учитывая индивидуальных особенностей: «Личности человека никакого значения там не придавалось, мы росли как бы стриженные **под одну гребенку**, мы не должны были отличаться друг от друга, а только послушно слушать директивы сверху во всем: как одеваться, как себя вести, как думать (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001))».

Что касается ФЕ с компонентом *первый / first*, то они, как правило, эксплицируют нейтральную или положительную оценку характера действий.

Приведем примеры употребления ФЕ *первым делом* ('сначала, прежде всего') в русском языке и ФЕ *from first to last* ('from beginning to end') в английском языке: «Как и всякий человек, получивший над чем-нибудь власть, я **первым делом** стал проверять степень ее полноты и наслаждался, убеждаясь в ее истинности» (Фазиль Искандер. Путь из варяг в греки (1990)). «*But overall Dutton's achievement is very remarkable. Elgar's recordings **from first to last** have notable consistency of style*» (Gramophone. Harrow: General Gramophone Pubcs Ltd, 1992).

На положительный характер оценки в данных высказываниях влияет контекстуальное окружение фразеологизмов. В первом предложении положительный смысл актуализируется благодаря использованию фразеологизма *первым делом* в сочетании с фразой *стал проверять и наслаждался*, что передает радостное настроение и желание субъекта речи. Во втором предложении словосочетание *have notable consistency of style* (иметь отличительную последовательность стиля) позволяет фразеологизму *from first to last* положительно характеризовать звукозаписи Элгара.

Перейдем к рассмотрению группы ФЕ с оценкой качества субъекта, среди которых мы выделяем ФЕ с оценкой внешности, характера и интеллектуальных способностей субъекта.

Анализ контекстуального употребления русских ФЕ с компонентом *один* свидетельствует об отрицательном отношении говорящего к внутренним или внешним свойствам человека.

Так, в следующем высказывании идиома *одного поля ягода* ('совершенно похожи друг на друга') в сочетании со словами *невежды, мучители* и др., имеющими негативную коннотацию, манифестирует отрицательную оценку характера людей: «...потому что все они – **одного поля ягода**, потому что все вы – злые невежды, радостные мучители, истязатели свободного разума и тюремщики человеческой воли...» (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)).

Что касается английских фразеологизмов с числовым компонентом *one*, то нами замечено преобладание положительной оценки характера субъекта.

Приведем пример: «*Maggie's a fine girl, Joe; she's **one in a thousand**.*» *I know that, Mrs Robson, but we understand each other*» (My beloved son. Cookson, Catherine. London: Corgi Books, 1992). Семантика фразеологизма *one in a thousand* ('nearly unique; one of a very few') основана на противопоставлении *one – thousand*, что создает положительную оценку качественной характеристики человека.

В сопоставляемых языках встречаются ФЕ с отрицательной оценкой интеллектуальных способностей субъекта: *одна извилина* и *та с пунктиром* ('глупый, ограниченный человек'); *one track mind* ('marked by often narrowly restricted attention to or absorption in just one thing').

Приведем примеры употребления данных фразеологизмов: «*У него, знаете ли, **одна извилина в голове, и та пунктиром**...*» (Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)). (пунктуация автора). «*You have a **one track***

mind, Hinkle. *If you really want to know I'm going to look through a corpse's personal effects. Want to come along? She shuddered and returned to her typewriter*» (Murder forestalled. Chester, Peter. UK: Chivers Press, 1990).

Тропеическим основанием внутренней формы фразеологизмов является метонимия: *извилина / track mind* уподоблена мозгу (голове) человека. Как известно, голова в соматическом коде культуры связана с представлением о пространстве, в котором совершается интеллектуальная деятельность. Слово-компонент фразеологизмов *извилина / track mind* и числительное *один / one* со значением единичности создают образ человека, не способного осмыслить простейшую ситуацию или рассмотреть ее с нескольких сторон. Отсюда следует, что в речи данные фразеологизмы употребляются с неодобрением.

Дискурсивное исследование ФЕ с компонентом *первый / first* показало, что данные ФЕ, как правило, эксплицируют положительную оценку качеств субъекта. В составе фразеологизмов порядковое числительное *первый / first* реализует семантику качества.

Приведем примеры актуализации семы «превосходный», «лучший»:

«Он не любит суррогатов, не любит второго сорта. У него все **первый сорт**. Квартира **первый сорт**» (Елена Белкина. От любви до ненависти (2000)). «*Eric has proved himself a first class performer. But Ray Fell, chairman of the Leeds United Supporters's Club admitted: "It's a kick in the stomach, I'm shocked and amazed"*» (Today. 1985–1994).

В данных примерах положительная оценка фразеологизмов *первый сорт* ('очень хороший') и *first class* ('of the highest standard') обусловлена семантикой порядкового числительного *первый / first* 'предшествующий всем другим'. В русском предложении субъект речи, противопоставляя вещи второго и первого сорта, тем самым подчеркивает важность для человека обладать предметами первого сорта, поскольку они отличаются лучшим качеством и определяют его социальный статус. В английском предложении фразеологизм *first class* в сочетании со словом *performer* эксплицирует положительную оценку профессиональных качеств субъекта, характеризуя его как первоклассного исполнителя.

Следует отметить, что русский фразеологизм *первый сорт* может манифестировать и отрицательную оценку качества субъекта: «-Ну, брат, тебе гитары не купить, потому что ты пьяница, что называется, **первый сорт**» (Ф.М. Решетников. Между людьми (1864)). В данном примере речевую семантику фразеологизма и его негативную оценку определяет контекст, в частности, использование слова с отрицательной коннотацией *пьяница*.

Проиллюстрируем манифестацию отрицательной оценки качества субъекта, характерную для английского фразеологизма *of the first order* ('of a high quality or degree'): «*Breeze had heard her history from a certain Mrs Easton, wife of a poultry farmer in Clyst St George, and a gossip of the first order*» (The distance enchanted. Gervaise, Mary. Wendover, Bucks: John Goodchild Pubs, 1983). В данном высказывании определяющей для отрицательной оценки фразеологизма оказывается семантика слова *gossip* (сплетница).

Подводя итог, следует сказать, что общей чертой ФЕ с числовым компонентом *первый / first* является их способность манифестировать в основном положительную оценку качества и действия (поведения) субъекта, что объясняется семантикой порядкового числительного *первый / first* «превосходящий других», «главный». Это значит, что в языке нашла отражение идея *первого* как важнейшего элемента числового ряда. Для славянской и германской культур характерно внимание к первым явлениям и событиям. Значительное количество ФЕ с числовым компонентом *один/one*, *первый/first* соотносится с понятием времени, что еще раз подтверждает важность этой онтологической категории для жизни человека. ФЕ русского языка с числовым компонентом *один*, в большей степени, чем ФЕ английского языка, характеризуются широкой семантикой и оценочной амбивалентностью.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: События. Оценка. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. - М. : Наука, 1998. - 341 с.
2. Большой Фразеологический Словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. - М. : АСТ-ПРЕСС Книга, 2006. - 784 с.
3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. - М. : Наука, 1985. - 224 с.
4. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры [Текст] / М.Л. Ковшова. - М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 456 с.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. - М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с.
6. Oxford Concise Dictionary of the English Language. - Oxford ; New York : Oxford University Press, 1997. - 410 p.
7. Национальный корпус русского языка - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.ruscorgo.ru.
8. Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk.

УДК 417.3(076)
ББК К34

Н.А. ИВАНОВА

**КЛАССИФИКАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ИДИОМ
ПО МЕТОДУ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

N.A. IVANOVA

**THE CLASSIFICATION OF BIBLICAL IDIOMS USING
THE METHOD OF SEMANTIC FIELDS
IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Целью статьи является создание классификации библейских идиом, применимой как к английскому, так и к русскому языку. В статье рассматриваются идиоматические выражения, полученные методом сплошной выборки с учетом кросскультурной значимости.

The article aims at creating the classification of biblical idioms universal for both English and Russian languages. The research is based on the material of biblical texts in English and Russian translation in regard to their cross-cultural value.

Ключевые слова: библейская идиома, библеизм, классификация, критерий классификации, семантическое поле.

Key words: biblical idiom, bibleism, classification, criterion of classification, semantic field.

В лингвистике неоднократно осуществлялись попытки классифицировать библейские идиомы по различным критериям. А.К. Бирих и В.М. Мокиенко выделяют 3 группы библейских идиом с точки зрения их этимологии:

1. Выражения, обладающие в тексте Библии целостностью значения (alpha and omega – альфа и омега, to keep as an apple of smb's eye – хранить как зеницу ока).

2. Фразеологизмы, образованные на базе свободных словосочетаний из Библии, получившие фразеологическое значение (to hide one's light under a bushel – зарывать талант в землю).

3. Фразеологические единицы, не представленные данным лексическим составом в Библии, но семантически связанные с ее текстами (forbidden fruit – запретный плод).

Ю.А. Гвоздарев дополняет данную классификацию:

4. Фразеологизмы, обусловленные общим содержанием Библии (the end of the World – конец света) [1, с. 12-14].

В основе классификации библеизмов Н.П. Матвеевой также лежит как семантический, так и этимологический критерий: «добиблейские» (the root of evil, the salt of the earth) – фразеологизмы, которые уже в Библии употреблялись как метафорические обобщенно-образные обороты. К данной группе примыкают собственно библейские метафорические обороты, которые встречаются в проповедях Иисуса Христа, пророков, и евангелистов (a mote in smb's eye); «постбиблейские»: а) библейские фразеологические единицы, которые образованы в результате метафоризации библейских свободных словосочетаний (to hide one's light under a bushel – зарывать талант в землю), среди представленной подгруппы много интернациональных фразеологизмов; б) библейские фразеологизмы, которые вообще не встречаются в Библии ни в прямом, ни в переносном значении, а образуются в языке на основе тех или иных сюжетов. (to cast one's bread upon the waters). Данные фразеологические единицы тяготеют к одному языку, не встречаются в других языках и могут называться национально заимствованными [5, с. 17].

Гак В.Г. строит свою классификацию на основе двух критериев: по степени связи с Библией: а) первичные библеизмы (отражают библейский текст или ситуацию) – большинство библеизмов; б) вторичные библеизмы (отдаленно связанные с текстом Библии); в) непосредственные (восходят непосредственно к тексту Библии); г) опосредованные (заимствованы из других языков, могут заменяться, видоизменяться авторами); с точки зрения семантики: а) имеющие прямое значение; б) имеющие переносное значение [4, с. 22-24].

Каждая из этих классификаций применима к какому-либо одному языку в силу того, что семантика (значение слова) разных языков развивалась и развивается по-разному. Этимологический критерий не может быть универсальным для всех языков, что обусловлено различными механизмами образования значений и их переноса в разных языках, обусловленных культурологической значимостью, сочетаемостью и употребительностью свободных словосочетаний на основе библеизмов и их авторского видения в разных языках. Следовательно, одной из важных и актуальных проблем сегодняшней лингвистики является создание универсальной для всех языков классификации фразеологизмов.

Идиома определяется С. Ильинским как «нерасторжимое словосочетание или предложение» и приравнивается по значению к фразеологизму, В.А. Жмуров определяет идиому как «выражение с условным значением, которое, в отличие от пословицы, невозможно вывести из значений составляющих его слов» [6, с. 36]. Отличительным признаком идиомы является целостность ее значения, которое нельзя свести к значению ее элементов. Исходя из целостности значения идиомы, ее значение можно приравнять к значению слова (лексемы), следовательно, для их классификации представляется возможным использовать метод семантических полей.

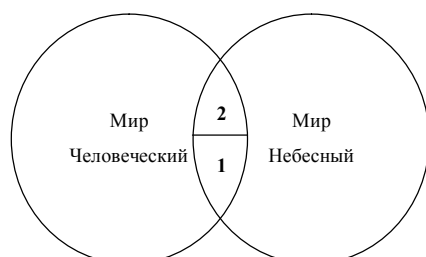
Л.В. Щерба определяет семантическое поле как «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [8, с. 5]. С точки зрения идеографического (ономасиологического) описания языка), т. е. в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения лексику можно представить в виде системы взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира». Количество единиц семантического поля может быть как сравнительно ограниченным, так и очень большим. Семантическое поле характеризуется понятийной однородностью элементов. [8, с. 7].

Поскольку Библия, независимо от языка ее воплощения, в Христианском мире является особым типом текста, который повествует о Боге, людях и взаимоотношениях Божественного и Человеческого, то естественно предположить, что библейская лексика, в том числе идиоматика, должна отражать эти сущности. Следовательно, классификация, проведенная методом семантических полей будет универсальна, по крайней мере, для английского и русского языков.

С данной точки зрения, исследуемые библейские идиомы распадаются на 4 семантические области, которые взаимосвязаны и находятся в тесном взаимодействии:

1. Мир Человеческий.
2. Мир Небесный.
3. Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного.
4. Мудрость.

Взаимосвязь между данными семантическими областями можно показать при помощи двух пересекающихся множеств (Мира Человеческого и Мира Небесного), где область пересечения образует семантическое поле «Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного» а высшим этапом взаимодействия является семантическое поле «Мудрость», (рис. 1).

1. Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного.
2. Мудрость.

Рис. 1. Взаимосвязь между семантическими областями

Анализируя рисунок, можем вывести следующие формулы:

$$\begin{array}{ccc} & \text{взаимодействие} & \\ \text{МЧ} & \longleftrightarrow & \text{МН} \\ & (\text{МЧ}+\text{МН}) \rightarrow \text{мудрость} & \end{array}$$

Мир Человеческий и Мир Небесный постоянно взаимодействуют, и на высшем этапе этого взаимодействия рождается Мудрость.

Исходя из вышесказанного, семантические поля «Мир Человеческий» и «Мир Небесный» представляют собой пересекающиеся множества, зона их пересечения является семантическим полем «Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного», в рамках которого лежит семантическое поле «Мудрость».

Следовательно, классификация библейских идиом по методу семантических полей будет иметь следующий вид:

1. Мир Человеческий. Данное семантическое поле включает в себя идиомы, которые содержат информацию о сотворении человека (be fruitful and multiply (Gen 1:22) – плодитесь и размножайтесь, the dust of the ground (Gen 2:7) – прах земной), искушении человека (the tree of knowledge of good and evil (Gen2:9) – древо познания добра и зла), семейных отношениях (bone of my bones and flesh of my flesh (Gen 2:23) – кость от костей моих и плоть от плоти моей), отношении к труду (in the sweat of one's face (Gen 3:19) – в поте лица), законах (eye for eye (Ex 21:24) – око за око), пороках (calf of gold (Ex 32) – золотой телец, to turn aside out of the way (Deut 11:28) – уклониться от пути/сбиться с пути, to bring up an evil name upon smb (Deut 22:14) – пустить худую молву о ком-то, Sodom and Gomorrah (Deut 29:23) – Содом и Гоморра), ценностях (the apple of one's eye (Deut 32:10) – зеница ока, the salt of the earth (Matt 5:13) – Соль земли, to serve two masters (Matt 6:24) – служить двум господам, to serve mammon (Matt 6:24) – служить мамоне), проблеме жизни и смерти (there is but a step between smb and death (1 Sam 20:3) – быть на шаг от смерти, to give up the ghost (Job 13:19) – испустить дух, the shadow of death (Psalm 44:19) – тень смертная), воспитании младшего поколения (to spare a rod (Prov 13:24) – пожалеть розги), окружающем мире и месте человека в нем (vanity of vanities, all is vanity (Eccl 1:2) – суета сует, все – суета, no new thing under the sun (Eccl 1:9) – ничего нового под солнцем, a time to gather stones together (Eccl 3:5) – время собирать камни), обычаях и традициях (to cast up ashes upon one's heads (Lam 2:10) – посыпать голову пеплом)

2. Мир Небесный. Идиомы, которые относятся к данному семантическому полю отражают высшие силы и их деяния (in our image, after our likeness (Gen 1:26) – по образу Нашему и подобию Нашему, to drive smb from the face of the earth (Gen 3:14) – стереть с лица земли, gate of heaven (Gen

28:17) – врата небесные, the Lord’s right hand (Ex 15:6) – десница Божья, with a mighty hand (Deut 6:21) – рукою крепкою, Alpha and Omega (Rev 1:11) – Альфа и Омега).

3. Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного. Данное семантическое поле содержит идиомы, передающие отношения между Божественным миром и миром людей. Это может быть, как обращение человека к Богу: жертва (the goat for the scapegoat (Lev 16:26) – козел для отпущения/козел отпущения, to offer a sacrifice (Deut 18:3) – принести в жертву) или молитва (to make a singular vow (Lev 27:2) – дать обет, to fall flat on one’s face (Num 22:31) – пасть ниц), так и Божественная помощь человеку (to open the eyes of smb (Num 22:31) – открыть кому-то глаза, land of the covenant (Deut 1:35) – земля обетованная)

4. Мудрость. Данное семантическое поле является неотъемлемой частью вышеупомянутого поля «Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного». Мудрость – высший этап данного взаимодействия, его кульминация. Это главная ценность, которую Господь дарует людям (Man doesn’t live by bread only. (Deut 8:3) – Не хлебом единым жив человек, The Lord gave, the Lord has taken away. (Job 1:21) – Бог дал, Бог взял, The wind returns again according to his circles. (Eccl 1:6) – Ветер возвращается на круги своя, In much wisdom is much grief. (Eccl 1:18) – Во многой мудрости много печали, He that increases knowledge, increases sorrow. (Eccl 1:18) – Кто умножает познания, умножает скорбь, All are of the dust and all turn to dust again. (Eccl 3:20) – Все произошло из праха, и все вернется в прах, To every purpose there is time. (Eccl 8:6) – Все свое время., To everything there is a season. (Eccl 3:1) – Все свое время, Seek and you shall find (Math 7:7) – Ищите и обрящите)

Выявим количественные проявления идиом Ветхого Завета и Нового Завета в английском и русском вариантах. Оценка указанных количественных параметров производится в процентных долях по отношению к общему корпусу исследуемых библейских идиом, полученных методом сплошной выборки (рис. 2). Общий объем выборки составляет 151 идиому, семантическое поле «Мир человеческий» насчитывает 83 идиомы (54% полученных библейских идиом), семантическое поле «Мир небесный» состоит из 30 идиом (20% полученных библейских идиом), семантическое поле «Взаимодействие мира человеческого и мира небесного» насчитывает 19 идиом (13% полученных библейских идиом), семантическое поле «Мудрость» состоит из 19 идиом (13% полученных библейских идиом).

Рис. 2. Количественная характеристика семантических полей Ветхого Завета и Нового Завета в английском и русском языках

Если учесть, что такие семантические поля, как «Взаимодействие мира человеческого и мира небесного» и «Мудрость» являются тождественными, т. е. семантическое поле «Мудрость» является частным случаем семантического поля «Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного», то

их количественные характеристики могут быть суммированными. Тогда диаграмма, отражающая количественную характеристику семантических полей Ветхого и Нового Завета, будет иметь следующий вид (рис. 3). Количественные характеристики семантических полей «Мир человеческий» и «Мир небесный» останутся неизменными: 83 идиомы (54%) и 30 идиом (20%) соответственно, тогда как семантическое поле «Взаимодействие мира человеческого и мира небесного» будет насчитывать 38 идиом (26% полученных идиом).

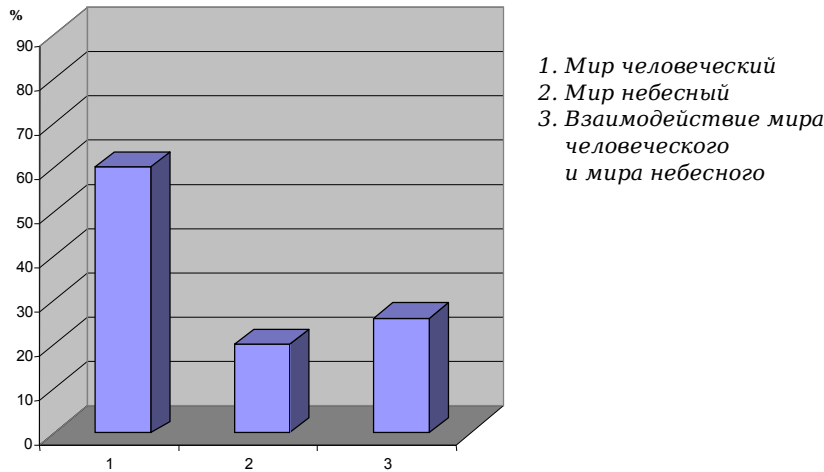

Рис. 3. Количественная характеристика семантических полей Ветхого Завета и Нового Завета в английском и русском языках

Исходя из рис. 2 и рис. 3, можно сделать следующие выводы:

1. Самым большим семантическим полем является семантическое поле «Мир Человеческий», что обусловлено тем фактом, что Библия является основным регламентом жизни людей или основным регламентом быта (Например: *be fruitful and multiply (Gen 1:22)* – плодитесь и размножайтесь, *in the sweat of one's face (Gen 3:19)* – в поте лица, *to divide by lot (Num 26:55)* – разделить по жребию).

2. Количественные характеристики таких семантических полей, как «Мир Небесный» и «Взаимодействие Мира Человеческого и Мира Небесного» (исходя из диаграммы на рис. 3) приблизительно одинаковы. Поэтому можно предположить, что именно «Мир Небесный» является «инициатором» взаимодействия, контролирует его (Например: *to drive smb from the face of the earth (Gen 3:14)* – стереть с лица земли, *in our image, after our likeness (Gen 1:26)* – по образу Нашему и подобию Нашему).

Следовательно, при создании универсальной для нескольких языков классификации библейских идиом, необходимо найти универсальный критерий для классификации (семантическое поле). Классификация библейских идиом, проведенная методом семантического поля универсальная для английского и русского языков, потому что затрагивает общечеловеческие ценности, представленные в Библии, и строится на основе лексического значения библейских идиом, не затрагивая их этимологии и структуры. Представляется возможным утверждать, что в перспективе дальнейшего развития лингвистики, теоретически обосновано создание универсальной для всех естественных языков классификации библейских идиом.

Литература

1. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. - М. : Азбуковник, 1997. - 537 с.
2. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов. - М. ; Л. : Знание, 1933. - 305 с.
3. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография [Текст] // Избранные труды / В.В. Виноградов. - М. : Наука, 1977. - 251 с.
4. Гак, В.Т. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке [Текст] / В.Т. Гак // Вопросы языкознания. - 1997. - № 5. - С. 22-25.
5. Матвеева, Н.П. Библизмы в русской словесности [Текст] / Н.П. Матвеева // Русская словесность. - 1993. - С. 15-22.
6. Меликян, А.А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знаний в семантические единицы языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Меликян. - Пятигорск, 1998. - 234 с.
7. Чигашева, М.А. Семантическое поле как метод изучения лексики [Текст] / М.А. Чигашева // Проблемы прикладной лингвистики : сборник материалов Всероссийского семинара ; под ред. канд. филол. наук А.П. Тимониной. - П., 2002. - 198 с.
8. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. - М. : Знание, 1974. - 183 с.

УДК 81'272(470+571)
ББК 81.21(2Рос)

В.П. ЗАСЫПКИН

V.P. ZASYPKIN

ЯЗЫКОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

LANGUAGE EDUCATION POLICY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

В статье актуализируется проблема возникшего в системе образования России лингвистического дисбаланса в сфере преподавания иностранных языков. Выявляются причины такого дисбаланса в исторической перспективе. Показано, что иностранный язык является одним из ключевых инструментов языковой образовательной политики любого государства.

The article deals with the problem of linguistic imbalance in the field of teaching foreign languages in Russian educational system. The reasons of this imbalance are considered in the historical prospects. It is shown that a foreign language is one of the key instruments of language educational policy.

Ключевые слова: языковая политика, образовательная политика, языковая образовательная политика, иностранные языки, глобализация.

Key words: language policy, educational policy, language educational policy, foreign languages, globalization.

Изучение проблем взаимоотношения языка и государства ведет свою историю с давних времен. Особенностью оппозиции «государство – язык» является ее односторонняя субординативная направленность [8, с. 10]. В этой связи языковую образовательную политику государства, как часть языковой и образовательной политик, можно определить как целенаправленное вмешательство государства не только в языковое развитие, но и языковое планирование. Оба процесса целиком зависят от изменений, происходящих, в первую очередь, в современном образовании России и заставляют задуматься о том, какое место оно будет занимать и какую роль будет играть в современном мире.

Не подлежит сомнению тот факт, что проблемы образования не могут решаться изолировано от глобальных проблем современного общества. Подтверждением этому тезису служит утверждение, согласно которому основными задачами образования являются воспроизводство и трансляция в обществе культурных ценностей, обеспечение прогресса науки и всей системы духовного и материального производства, а также создание условий для всестороннего развития личности. Считается, что процесс социокультурного производства в системе общего образования состоит в целенаправленной и организованной трансляции индивиду в формах культурных кодов определенного операционального и ценностно-смыслового состава основных видов деятельности и оформляющих ее социальных отношений [11, с. 11].

Происходит постепенное формирование информационного общества. Одним из критериев перехода общества к постиндустриальной и далее к информационной стадии развития исследователи называют процент населения, занятого в сфере услуг. Если в обществе более 50% населения занято в сфере услуг, то речь идет о том, что наступила постиндустриальная фаза его развития. Если в обществе более 50% населения занято в сфере информационных услуг, то общество стало информационным, т.е. вступило в фазу информационного развития [3].

Российское общество находится в стадии постиндустриального развития и необратимо стремится к информационному его состоянию. Переход

к информационному обществу означает кардинальные изменения в образовательной системе, заключающиеся в резком возрастании ее роли в современном обществе. Подобное смещение акцентов с материального производства на интеллект, технологии и технологические инновации становятся всепроникающими [2] и, следовательно, требуют, по нашему мнению, императивно-го повышения образовательного уровня людей.

Исследователи в области мировой экономики и мировых политических процессов считают, что центральным ресурсом текущего столетия станут знания человека, его умения пользоваться этими знаниями, а также порождать новые знания [1, с. 54]. Подтверждение этому мы находим в исследованиях по социологии культуры и духовной жизни современного общества [11]. Согласно утверждениям их авторов особенность образовательного процесса в современном обществе состоит в том, что он формирует в индивиде не только культуру использования выработанных предыдущими поколениями средств действия и форм социального взаимодействия, но и, прежде всего, культуру выработки и использования таких средств и форм [11, с. 12]. Образование как феномен человеческой культуры оказывает решающее воздействие на культурурогенез современного человека [9, с. 3]. Исследователи в этой сфере следующим образом определяют социокультурные детерминанты современного образования: мир жизнедеятельности человека является конструкцией культуры; существует необходимость в интеграции культуры, науки и образования [7, с. 273].

Оказавшись под воздействием глобальных процессов, охвативших мировое сообщество, система современного образования испытывает как положительные, так и отрицательные последствия. В качестве положительных моментов называют:

Во-первых, то, что глобализация открывает широкие возможности доступа к образованию, связанные с расширением информационных технологий [1, с. 60-61]. Расширение информационных возможностей, распространение Интернет. Внедрение информационных технологий во все сферы человеческой жизни в целом имеют положительные последствия для современного общества и его культуры. В частности, считается, что расширение возможностей информационных технологий способствует свободному развитию индивида, социализации информации, под которой подразумевается увеличение степени направленности информации на социальную сферу. Другим положительным моментом называют преодоление кризиса цивилизации, т. е. создание предпосылок для разрешения глобального экологического кризиса, а также решение проблемы устойчивого развития цивилизации в целом [3].

Во-вторых, глобализация открыла национальные границы государств, сделал доступным получение образования в другой стране [1, с. 60-61].

В-третьих, российское образование стало решать задачу интеграции в международную систему образования. Сложность здесь состоит в том, чтобы в ходе интеграции сохранить в национальном образовании его лучшие традиции, обеспечив при этом международное качество образования. Первым положительным результатом здесь, например, стал запущенный в Европе механизм признания дипломов и квалификаций.

Отрицательными последствиями глобальных процессов в мире для общества в целом, его культуры и национальной системы образования являются проблемы, от своевременного решения которых будет зависеть будущее нашего общества. Перечислим некоторые из них.

Первая проблема связана со снижением культурного уровня людей в обществе, вызванного, как это не выглядит парадоксально, развитием информационной среды. Огромный поток информации, ворвавшийся в социокультурную среду общества благодаря информационным и другим технологиям, превращает человека в его механического потребителя, не умеющего и не способного сознательно проводить ее качественный отбор. Последствиями этой лавины уже стали резкая смена ценностей, крайний прагматизм, дегуманизация жизни.

Вторым отрицательным последствием глобализации называют поляризацию знания и изоляцию индивида. Опасность огромной поляризации знаний в обществе исследователи видят в возможном их накоплении в узком, «верхнем» общественном слое – элите (политической, экономической и т. д.). Изоляция индивида может стать результатом того, что люди начнут общаться, как правило, опосредованно, т. е. через Интернет. Незнание и, что еще хуже, отсутствие потребности знать своих коллег, соседей и родственников – весьма опасное социальное явление [2, 3, 4].

Третьим отрицательным последствием глобализации становится языковая проблема [1, с. 62; 5, с. 5–48]. По нашему мнению, она является одной из самых основных, так как любая языковая проблема неизбежно связана с культурной идентичностью нации, а в условиях глобализации еще и с межкультурным взаимодействием между народами.

Перечисленные выше положительные и отрицательные последствия глобализации не являются исчерпывающими, однако их соответствующее влияние на систему российского образования сложно переоценить. В этой связи, главным на этапе формирования образовательной политики, по нашему мнению, должны стать осмысленный учет возможных последствий глобальных процессов и, в случае необходимости, устранение их отрицательных проявлений. Другими словами, необходима гармоничная образовательная политика на государственном уровне, когда образование рассматривается как одно из важнейших направлений социальной политики государства [1, с. 66].

Тем не менее, несмотря на осознание обществом возможных опасных последствий глобализации, собственный опыт работы в сфере языкового образования показывает, что последствия процессов глобализации в этой сфере становятся уже почти необратимыми. Проиллюстрируем заявленный нами тезис.

Наиболее яркое проявление глобализационных процессов ощущается в языковом образовании [5]. Известно, что одной из составляющих языкового образования является обучение иностранным языкам. Иностранные языки, как учебный предмет в системе среднего и высшего образования, занимают одно из ведущих положений, так как к этому обязывает его открытость и обращенность к европейской школе. Увеличение количества часов на изучение иностранного языка, появление значительного количества учебников, пособий и методических разработок, школ изучения иностранных языков, сформированное общественное мнение о том, что без знания иностранного языка нельзя успешно устроиться в жизни, привлекло к этой дисциплине значительное количество учащихся и студентов. Иностранный язык из обычного учебного предмета, каких изучают множество, превратился в насущную потребность у людей, получающих образование. Он превратился в товар, спрос на который растет ежедневно.

Однако в отношении не каждого иностранного языка можно наблюдать такой потребительский бум. Известно, что наибольшей популярностью сегодня пользуется английский язык, другие же языки, например, французский или немецкий, не могут похвастаться увеличивающимся спросом на них. Что же произошло? Что является причиной того, что французский язык, да и не только французский, но и другие языки теряют свои позиции в Российском образовании в эпоху, которую можно охарактеризовать как «эпоху бума» в отношении иностранных языков. Если объяснять сложившуюся ситуацию тем, что английский язык захватывает образовательные территории и вытесняет тем самым другие языки, то мы будем констатировать в таком случае следствие, а не причину явления.

Причина же сложившейся ситуации заключается в отсутствии в российском образовании ясной, прозрачной языковой политики в отношении иностранных языков. Обратимся за разъяснениями и примерами к некоторым фактам из истории французского языка как иностранного.

История французского языка как иностранного в российском образовании берет свое начало в середине XVIII века. Французский язык к этому време-

ни был третьим языком, после голландского и немецкого, которые изучались как иностранные в общественных и частных образовательных учреждениях. К концу XVIII века были открыты такие престижные заведения как Пажеский корпус, Морской корпус, Институт благородных девиц, в которых преподавание французского языка стало обязательным и постепенно заняло основное место среди других иностранных языков, несмотря на то, что основу классического образования в то время составляли древние языки (латинский и греческий) [14, с. 55, 98]. Однако в системе среднего образования современные иностранные языки не были приоритетными дисциплинами. Их осваивали в семьях до начала обучения в гимназиях, т. е. до возраста 12–15 лет и это было, в основном, прерогативой аристократических семей.

В XVIII–XIX веках французский язык распространяется в аристократической среде настолько, что фактически не владеть им означало не быть человеком определенного круга. Как отмечает Юрий Михайлович Лотман в своей статье «Русская литература на французском языке», французский язык выступает как «социальный знак, свидетельство причастности к некоторой закрытой для профанов корпорации» [6, с. 15]. В подтверждение этому тезису приведем слова другого замечательного исследователя Виктора Юльевича Розенцвейга «...в XVIII веке французский язык становится атрибутом европейской цивилизованности, и признаком принадлежности к дворянскому сословию» [10, с. 55]. Другими словами, французский язык, по терминологии Ю.М. Лотмана, выполнял в российском обществе функцию социальной знаковости [6].

Таким образом, французский язык, как язык европейской цивилизации, получил широкое распространение в русском европеизированном дворянском обществе, выполняя функцию интеллектуального общения, являясь при этом маркером корпоративной замкнутости [6, с. 17; 10, с. 55].

Французский язык был распространен настолько в дворянском обществе, что в ряде случаев это приводило к русско-французскому двуязычию. Для многих представителей дворянства французский был родным языком. Дети из аристократических семей говорили на французском языке лучше, чем на русском (примером может стать случаи с допросом декабристов, от которых на суде требовали показаний на русском языке, они же испытывали при этом мучительную трудность).

Перед нами не просто билингвальность, а двуязычие культуры, так как определенные сферы русской культуры интересующей нас эпохи могут обслуживаться только французским языком и моделироваться, преимущественно, средствами французской литературы.

В последней трети XVIII века получает распространение франкоязычная литература русских писателей. За ней закрепляется еще две взаимно противоположенные сферы. Одна может быть охарактеризована как предельно интимная: это тексты мемуаров, дневников и писем. В письмах к невесте, например, используют французский язык, т.к. русское письмо показалось бы или слишком холодно-официальным, или недозволенно интимным. После свадьбы в письмах переходили на русский язык, т.к. писать жене по-французски означало бы вносить в семейную жизнь холод светскости. При Александре I обращаться к императору по-французски было естественно, т. к. тон равенства светских людей «хорошего общества» был принят при дворе. А.С. Пушкин писал Бенкендорфу по-французски. Это была дерзость с его стороны, т. к. письмо по-русски было бы обращением поднадзорного поэта к всевластному шефу корпуса жандармов, а письмо по-французски выглядело как обращение дворянина и светского человека к другому дворянину и генералу, т. е. равному [10, с. 71].

Несмотря на известные события начала XIX века французский язык оставался мостом, по которому совершалось движение идей и культурных ценностей из Европы в Россию. После этого рубежа движение шло в обратном направлении. По этому мосту, как замечает Ю.М. Лотман, в Европу последовали Гоголь, Толстой, Тургенев и Достоевский [6, с. 53].

Можно ли отнести перечисленные здесь факты к показателям языковой политики государства в области иностранных языков, в частности французского? Наверное, отчасти, да, учитывая, что де-факто французский язык был принят в кругах, отвечающих за судьбу России, можно констатировать, что это была официально признанная позиция, причиной которой была политическая и культурная гегемония Франции в ту эпоху.

К концу XIX века и в XX веке политическая и экономическая ситуация в Европе и мире в целом меняется кардинально. На мировую арену выходят другие государства, вытесняя старые авторитеты. Несмотря на это политические и культурные связи между Россией и Францией в конце XIX века, в начале XX не ослабевают.

В перечисленных фактах есть очень много схожего с сегодняшним днем: политическая и культурная гегемония Франции тогда привела к распространению французского языка, политическая и экономическая гегемония США сегодня является причиной распространения английского. Реакция и позиция на это официальных властей сегодня почти такая же: мы можем видеть наших политиков дающих интервью и делающих доклады на английском языке. Несмотря на схожесть ситуаций между ними, по нашему мнению, имеется весьма существенное различие, заключающееся в том, что тогда в основе распространения французского языка лежала политико-культурная составляющая, а сегодня в основе распространения английского языка – политико-экономическая. В то время иностранный язык – это признак образованности, культуры и принадлежности к определенному социальному кругу, им пользовались в определенных сферах, он был определенным кодом, частью жизни. В отличие от сегодняшнего дня, знание иностранного языка тогда не давало права стать частью этого социального круга, наоборот, *causa sine qua non* (т. е. это необходимое условие) для того, чтобы быть признанным в этом обществе. Сегодня английский язык – это товар, его знание, в принципе, может гарантировать успех в будущем, а может и не гарантировать. Налицо смещение ценностных установок в отношении иностранных языков. Если раньше необходимость в изучении французского языка была вызвана культурными потребностями, являвшимися частью общественных ценностей, то сегодня иностранный язык сместился из сферы духовных и культурных потребностей человека в сторону материальных потребностей. В результате иностранные языки, как мы уже отмечали выше, стали товаром. Таким образом, французский язык уступает английскому как товар, т. е. уступает экономически.

В этой связи, если говорить о языковой политике государства в отношении иностранных языков, то она, на наш взгляд, не должна основываться только на экономической составляющей. Не надо забывать, что в рамках языковой политики иностранный – это учебно-правовой статус любого языка, используемого как образовательная дисциплина. Если смотреть на французский язык как на образовательную дисциплину, то здесь далеко не все так однозначно.

Вернемся к истории, но уже менее отдаленной.

Первые образовательные программы по французскому языку, ориентированные на всех школьников, не зависимо от их социального положения, появились только в СССР в 20–30 годах. С именами Л.В. Щербы, М.В. Сергиевского, К.А. Ганшиной связана целая эпоха в научном и научно-педагогическом изучении французского языка. В 60–70 годах расширение международных контактов привело к необходимости подготовки большего числа специалистов по иностранным языкам. Именно в 60 годах XX столетия в стране появляются первые специализированные школы и классы по иностранным языкам, именно в это время Министерство образования принимает решение о делении классов, состоявших из 25 человек, на небольшие группы для занятий по иностранному языку [14, с. 204]. В этот период в области французского языка проводятся серьезные исследования, результаты которых до сих пор ис-

пользуются в научно-педагогической практике. Это научные работы и учебные издания, таких известных лингвистов, как Р.А. Будагов, В.Г. Гак, Н.А. Катагощина и др.

Результаты лингвистических исследований таких известных в России романистов, как Н.М. Васильева, Л.Г. Веденина, Л.П. Пицкова и др., использовались и используются в наше время в подготовке уже нескольких поколений аспирантов и выпускников отделений и факультетов иностранных языков. В этот период действуют квоты на изучение иностранных языков. Это значит, что государство гарантировало 50%, 25% и 20% обучающихся английскому, немецкому и французскому языкам соответственно, оставшиеся 5% другим языкам [14, с. 224]. По нашему мнению, вторая половина XX столетия – это время расцвета образовательной политики в области иностранных языков. Затем ситуация меняется.

Дэвид Кристал, известный лингвист и лексикограф, объясняет изменение ситуации экономическими причинами, могуществом на международной арене США [5]. Это действительно так, и здесь не следует искать других причин. Но, если обратится к мировой истории XX века, о небольшом отрезке которой только что шла речь, то нельзя утверждать, что Франция в этот период была самой могущественной державой в мире, несмотря на это французский язык был распространен в российском образовании. На наш взгляд, это можно объяснить следующим обстоятельством. На распространение французского языка в системе нашего образования существенное влияние оказывали традиция, мода, глубокие культурные связи и отношения, которые связывали и связывают Россию и Францию. Ведь каким образом иначе объяснить, что при отсутствии в начале и середине XX века мировой гегемонии Франции, сравнимой сегодня с США, французский язык, тем не менее, как любой другой занимал достойное положение в школьном и вузовском образовании.

Однако думается, что существовала и другая причина, а именно политическое противостояние СССР и США. Реальный языковой плюрализм существовавший в языковом образовании СССР был вызван противостоянием политических систем, отразившимся на образовательной политике государства.

Зачем нам знать иностранные языки, надо знать английский, единственный на сегодня язык, который может или должен быть лингва франка во всем мире, ведь мы так нуждаемся в языке международного общения, пишет Д. Кристал в своей книге «Английский язык как глобальный» [5]. Рассуждая в одной из глав своей книги о необходимости универсального языка в международном общении и утвердительно отвечая на этот вопрос, вот как он ее завершает: «...несмотря на поразительное расширение сферы использования английского языка в мире, почти две трети населения земного шара пока еще им не владеют. В некоторых частях мира (например, в большинстве республик бывшего СССР) английский язык имеет очень ограниченное распространение. В других странах принимаются все возрастающие усилия для сохранения роли других языков (например, французского в некоторых странах Африки). Поэтому, учитывая общую мировую тенденцию, мы станем свидетелями многих лингвистических битв. Таким образом, правительства, желающие влиять на будущую мировую политику в области языка, должны тщательно обдумывать свои действия». Далее он продолжает свои рассуждения «...В настоящее время им [т. е. правительствам других стран. – В.З.] в большей степени, чем когда бы то ни было, необходимо дальше смотреть в будущее и заранее определить свою позицию в отношении того, заинтересованы ли они в создании благоприятных условий для поддержки английского языка или считают необходимым поощрять развитие других языков в своих странах (вместе с английским или без него). Упущенная возможность может в дальнейшем уже никогда не представиться» [5, с. 49–50]. А следующая глава его книги начинается с вопроса «Почему именно английский станет языком международного общения?» [5, с. 51].

Итак, приведенная цитата подтверждает наши размышления о том, что образовательная политика в сфере иностранных языков в школе или в вузе должна быть обдуманной и ориентированной, в первую очередь, на государственные интересы. Далее, иностранные языки – это не просто обычный учебный предмет, а мощный политический инструмент, используя который, государство может отстаивать свои национальные интересы. Другими словами, применительно к нашим рассуждениям можно констатировать, что, способствуя распространению в образовательной сфере только одного иностранного языка и отказывая в этом другим языкам, мы оказываем сами себе медвежью услугу, признавая тем самым свою политическую и культурную немощь. В этой связи вспоминаются слова известного французского лингвиста Андре Мартине, который в своей работе «*Éléments de linguistique générale*» писал о том, что необходимо понимать, что иностранный язык, изучаемый и распространяемый наиболее авторитетными социальными классами и группами, может перестать быть иностранным для общества и превратиться в общий язык, уничтожив национальный с его диалектами. Это собственно то, что произошло в Галлии в первом веке до нашей эры [13, с. 166–167].

Сегодня в языковом образовании основной акцент смещен на воспитательно-образовательную и развивающую функции иностранных языков в их единстве [12]. С нашей точки зрения, это необходимо для того, чтобы иностранный язык стал для учащихся и студентов не только новым кодом или новым способом выражения мыслей, но и источником сведений о национальной культуре народа – носителя этого языка. Сегодня изучение иностранных языков следует рассматривать как возможность приобщения молодежи к общечеловеческим ценностям и опыту, которые могут дать подрастающему поколению шанс жизни без границ.

Подводя итог, позволим себе заключить, что главным приоритетом языкового образования в школе и вузе должен стать языковой плюрализм, а сами иностранные языки – приоритетом регулирования языковой политики в системе образования и образовательной политики в целом.

Литература

1. Барабанов, О.Н. Глобализация и образование в современном мире [Текст] / О.Н. Барабанов, М.М. Лебедева // Глобализация: человеческое измерение : учеб. пособие. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) ; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – С. 54–75.
2. Глобализация: человеческое измерение [Текст] : учеб. пособие. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) ; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 112 с.
3. Дубровский, Е.Н. Основы социальной информатики : конспект лекций [Текст] / Е.Н. Дубровский, И.В. Соколова // Проблемы социальной информатики. – Вып. 1. – М., 1996.
4. Каптерев, А.И. Информатизация социокультурного пространства [Текст] / А.И. Каптерев. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 512 с.
5. Кристалл, Д. Английский язык как глобальный [Текст] / пер. с англ. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2001. – 240 с.
6. Лотман, Ю.М. Русская литература на французском языке [Текст] / Ю.М. Лотман // Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков. Wiener Slawistischer Almanach. – Wien, 1994. – С. 10–53.
7. Миронов, А.В. Социально-гуманитарное образование в России: Современное состояние, проблемы, тенденции развития [Текст] : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / А.В. Миронов. – М., 2001. – 348 с.
8. Наумов, В.В. Государство и язык: Формулы власти и безвластия [Текст] / В.В. Наумов. – М. : КомКнига, 2010. – 184 с.
9. Нечаев, В.Я. Институционализация образования: Опыт методологического анализа [Текст] : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / В.Я. Нечаев. – М., 1998. – 300 с.

10. Розенцвейг, В.Ю. Русско-французское литературное двуязычие [Текст] / В.Ю. Розенцвейг // Русская литература на французском языке XVIII-XIX веков. Wiener Slawistischer Almanach. – Wien, 1994. – С. 54-74.
11. Смирнова, Н.В. Общее (среднее) образование как процесс социокультурного воспроизводства [Текст] : дис. ... д-ра социол. наук 22.00.06 / Н.В. Смирнова. – М., 2001. – 353 с.
12. Сороковых, Г.В. Субъектно-деятельностный подход в лингвистической подготовке студентов [Текст] : монография / Г.В. Сороковых. – М. : Изд-во МПГУ, 2003. – 178 с.
13. Martinet, A. Éléments de linguistique générale [Text] / A. Martinet. – Quatrième édition. – P. : Armand Colin / Masson, 1970, 1996. – 222 p.
14. Vedenina, L.G. La France et la Russie: dialogue de deux cultures: Manuel de civilisation [Text] / L.G. Vedenina. – Moscou : InterDialect+, 2000. – 303 p.

УДК 81'33
ББК 81.1

А.Ю. МАЛАФЕЕВ

**АВТОМАТИЧЕСКОЕ СОЗДАНИЕ
ТЕСТОВ OPEN CLOZE ЗАДАННОЙ СЛОЖНОСТИ**

A.YU. MALAFEEV

**AUTOMATIC CREATION
OF THE OPEN CLOZE TESTS OF THE SET COMPLEXITY**

В статье рассматривается проблема автоматического создания тестов open cloze заданной сложности в формате кембриджских сертификационных экзаменов (FCE, CAE или CPE). Приводятся результаты количественного и качественного анализа экзаменационных заданий, написанных экспертами. Описана экспериментальная методика автоматического создания аналогичных тестов.

In the article the problem of automatic creation of the open cloze tests of the set complexity in a format of the Cambridge certified examinations (FCE, CAE or CPE) is considered. Results of quantitative and qualitative analysis of the examination tasks written by experts are given. The experimental technique of automatic creation of similar tests is described.

Ключевые слова: автоматическое создание упражнений, лексико-грамматические упражнения, тесты open cloze, кембриджские сертификационные экзамены.

Key words: automatic creation of exercises, lexical and grammatical exercises, open cloze tests, Cambridge certified examinations.

В преподавании английского языка как иностранного (TEFL) широко используются различные виды языковых упражнений. Создание упражнений вручную – трудоемкий процесс, требующий от исполнителя существенных временных затрат. Вследствие этого в последние два десятилетия появилось несколько программных решений для автоматического создания языковых упражнений. Эти решения различаются по типу создаваемых заданий, поддерживаемым языкам, степени гибкости и эффективности (подробнее см. ниже).

Одним из распространенных видов грамматических / лексико-грамматических упражнений являются задания типа *open cloze*, используемые в кембриджских сертификационных экзаменах по английскому языку (First Certificate in English, Certificate in Advanced English и Certificate of Proficiency in English). Так, в разделе Use of English экзамена CAE второе задание (Part II) имеет следующий формат: текст с 15 пропусками (плюс один пропуск в качестве примера). От кандидатов требуется задействовать свои знания о структуре языка и адекватно понять текст для того, чтобы правильно заполнить пропуски. При этом экзаменуемым не предоставляется список слов, из которого необходимо выбирать правильные ответы; они получают лишь текст с пропусками [5, с. 35].

Специфика теста типа open cloze делает его достаточно трудным для многих экзаменуемых. Отметим некоторые характерные особенности данного задания:

- Проверяются грамматические и лексико-грамматические навыки, а именно: (грамматика) употребление артиклей, вспомогательных глаголов, предлогов, местоимений, глагольных времен и форм; (лексика и грамматика) владение фразовыми глаголами, связующими словами и устойчивыми выражениями.

- Каждый пропуск заполняется отдельным словом, а не словосочетанием.

- В некоторых случаях возможно несколько правильных ответов.

- Употребление знаков препинания не учитывается.

- В ответах не должно быть орфографических ошибок, иначе они не засчитываются.

- Некоторые пропущенные слова могут быть восстановлены из непосредственного контекста, тогда как другие требуют понимания всего текста в целом [там же, с. 35–36].

Приведем краткий пример (более подробно с форматом данного задания и кембриджских сертификационных экзаменов по английскому языку можно ознакомиться на сайте <http://www.cambridgeenglish.org/>). В следующем предложении одно из слов пропущено: *According to the World Health Organisation, malaria, a disease spread _____ (?) mosquitoes, affects millions of people every year* [там же, с. 38]. Смысл предложения в целом и непосредственное окружение пропущенного слова позволяют восстановить предлог *by*. В данном случае это единственный возможный правильный ответ.

Подобные лексико-грамматические задания можно создавать автоматически на основе произвольных текстов на английском языке. Это актуально и перспективно по нескольким причинам. Во-первых, этот тип упражнений не поддерживается в большинстве уже существующих генераторов. Во-вторых, поскольку подобные тестовые задания применяются в кембриджских сертификационных экзаменах, существует спрос на упражнения, близкие по формату, которые можно было бы использовать при подготовке к сдаче экзаменов. Наконец, исследования показывают, что соответствие текстов интересам обучаемых повышает мотивацию и способствует эффективному освоению новой лексики [9]; предлагаемый нами подход как раз позволяет использовать любые тексты на английском языке в качестве исходных для создания упражнений.

Главное преимущество собственно автоматического метода создания тестов *open cloze*, да и других языковых упражнений, заключается в экономии времени преподавателя, которому необходимо лишь подобрать подходящий текст-источник. Впоследствии подобранный источник можно использовать неограниченное количество раз для создания новых упражнений. При этом текст может быть написан преподавателем самостоятельно или получен из сети Интернет и соответствовать любому из достаточно широкого спектра жанров (новостные статьи, блоги, энциклопедии, художественные произведения, находящиеся в открытом доступе, и т. п.). При этом, на наш взгляд, важно **предоставить пользователю возможность задавать требуемый уровень сложности для тестов *open cloze***, примерно соответствующий целевому сертификационному экзамену (FCE, CAE или CPE). Эта статья посвящена решению данной проблемы.

В последние годы появилось довольно много методов автоматического создания языковых упражнений различных видов:

- вопросы на понимание текста [7];
- словоизменение [1, 2, 3, 6, 13];
- исправление ошибок [1];
- нахождение семантически связанных слов [10];
- восстановление порядка слов в предложении [14];
- переводные упражнения [4];
- *open cloze* (заполнение пропусков без выбора из нескольких вариантов) [3, 13, 14];
- наиболее распространенный вид - *multiple choice cloze tests / quizzes* (задания на заполнение пропусков с выбором из нескольких возможных ответов) [1, 8, 11, 12, 13, 16].

Системы автоматического создания упражнений поддерживают различные языки: английский (безусловно, самый популярный) [4, 8, 16], французский [14], русский [6] и др. [1, 3]. В некоторых из них реализована функция автоматической проверки данных ответов [3, 13].

Характерно, что ни одна из данных систем не направлена на создание упражнений в формате, соответствующем кембриджским сертификационным

экзаменам. Существующие решения для создания упражнений open cloze, а именно [3, 13, 14] и онлайн-генератор, доступный по адресу <http://l.georges.online.fr/tools/cloze.html>, отличаются тем, что в них из текста-источника механически убираются все слова, относящиеся лишь к одной целевой части речи, указанной пользователем (предлоги, артикли и т. п.). В кембриджских же заданиях используются сразу несколько частей речи. При этом каждая целевая словоформа (например, артикль *the* или предлог *in*) может быть пропущена в отдельно взятом тексте лишь однажды.

Более того, в существующих решениях отсутствует возможность настройки уровня сложности задания и количества пропусков, что было бы важным преимуществом при использовании этих инструментов для подготовки к экзаменам. Разработанная нами методика позволит с высокой точностью имитировать кембриджские open cloze-тесты, а также варьировать их уровень сложности.

Сложность заданий open cloze зависит, на наш взгляд, от двух основных факторов: удобочитаемости (readability) текста-источника и того, какие именно слова заменяются в нем пропусками.

Сложность текста имеет ряд чисто формальных показателей, измеримых количественно, таких как средняя длина предложения, средняя длина слова, частотность слов и др. Безусловно, данные показатели не всегда в точности отражают то, насколько легко тот или иной текст воспринимается читателем. Тем не менее, они могут быть полезны для приблизительной оценки сложности текста. Наличие измеримых показателей привело к разработке нескольких методов автоматического определения уровня удобочитаемости текстов; так, широкую известность получила система Lexile [15]. Эту систему, или подобные ей, можно использовать при выборе текста-источника, соответствующего уровню задания.

В контексте рассматриваемой нами проблемы особенно важен второй фактор сложности теста open cloze: какие именно слова заменены в тексте пропусками. Хорошо известно, что некоторые слова и даже целые классы слов (например, артикли, местоимения, модальные глаголы) вызывают особые трудности у изучающих английский язык. Следовательно, если эти слова оказываются целевыми в тесте open cloze, восстановить их из контекста может быть намного сложнее, чем более «простые» слова (например, союзы *and*, *or*, *but*).

Таким образом, автоматическое создание упражнений заданной сложности может быть реализовано путем использования текстов надлежащего уровня и регулирования того, какие именно слова принимаются за целевые. Необходимо прояснить критерии отбора слов для задания требуемого уровня сложности. Мы посчитали перспективным провести количественный и качественный анализ тестов open cloze в формате FCE, CAE и CPE, составленных экспертами-носителями английского языка.

Логично предположить, что в экзаменационных заданиях заведомо разных уровней сложности – экзамены FCE, CAE и CPE соответствуют уровням B2, C1 и C2 по Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) – используются качественно различающиеся (например, по частеречной принадлежности) целевые слова. Понимание того, какие целевые слова наиболее характерны для каждого уровня, может позволить варьировать сложность автоматически создаваемых тестов open cloze.

Мы изучили 48 тестов open cloze, по 16 каждого уровня: FCE, CAE и CPE; общее количество пропусков – $192 + 240 + 240 = 672$. Пропуски были восстановлены с помощью ответов, опубликованных издателями тестов. Всего в тестах было задействовано 275 отдельных словоформ. Мы подсчитали частотность данных слов в тестах open cloze, т. е. сколько раз каждая словоформа была использована в качестве целевой (включая альтернативные правильные ответы, указанные в «ключках»). После этого мы выделили словоформы, наиболее характерные для каждого из трех экзаменов. Харак-

терность R словоформы w для того или иного экзамена e рассчитывалась по формуле:

$$R_w = \frac{k_e}{m}$$

где k_e - это количество пропусков с данной словоформой в тестах экзамена e , а m :

$$m = \max([k_1 + k_2], 0.5)$$

то есть максимальное значение из двух: суммарного употребления словоформы w в тестах двух других экзаменов ($k_1 + k_2$) и коэффициента 0.5. Последний необходим для того, чтобы избежать деления на 0 при нулевом употреблении слова w в экзаменационных заданиях двух других форматов, а также для увеличения в этих случаях значения R вдвое. Например, если слово w употреблено в экзамене e трижды, и однажды в одном из двух других экзаменов, то $R = 3 / 1 = 3$. Однако если слово w не использовано в двух других экзаменах ни разу, то $R = 3 / 0.5 = 6$. Таким образом мы повышаем показатель R у словоформ, которые использовались только в одном из трех экзаменов. Мы считаем, что такие словоформы, по-видимому, являются наиболее характерными для данного экзамена.

Разумеется, речь не идет о том, что тесты open cloze создаются специалистами механически, с использованием раз и навсегда заданного списка целевых слов. Тем не менее, на основании полученных данных нам удалось выявить определенные *качественные* различия между целевыми словоформами в экзаменационных заданиях FCE, CAE и CPE. Так, для заданий FCE типичны вспомогательные глаголы, высокочастотные фразовые глаголы и знаменательные (т. е. неслужебные) слова в устойчивых сочетаниях. CAE отличается частым использованием предлогов и артиклей в качестве целевых слов. В CPE более вероятны модальные глаголы, местоимения и предлоги, характерные для формальной речи (например, *given, due to*).

Объем этой публикации не позволяет поместить в ней полученные данные полностью, однако они могут быть свободно предоставлены по обращению к автору. Фрагмент представлен в таблице 1, а именно 15 наиболее частотных и 15 наиболее характерных словоформ для каждого из экзаменов.

Таблица 1

**Наиболее частотные и наиболее характерные слова
в тестах open cloze в формате FCE, CAE и CPE.**

n	Частотность (k)			Характерность (R)		
	FCE	CAE	CPE	FCE	CAE	CPE
1	which	in	that	be	an	should
2	as	which	to	after	either	against
3	to	though	with	takes	never	among
4	of	for	as	taking	off	anybody
5	for	that	what	too	or	back
6	with	with	it	used	through	considering
7	have	by	would	well	your	due
8	if	as	in	whereas	any	face
9	on	from	should	much	before	far
10	up	so	into	have	over	given
11	but	who	no	has	whether	itself
12	not	what	could	is	by	let
13	when	to	might	were	though	many
14	what	although	out	again	able	means
15	in	a	such	amount	during	owing

Как видно из таблицы, частотность словоформ, т. е. то, сколько раз они употреблены в тестах каждого уровня, является малоинформативным показателем. Действительно, многие из самых распространенных целевых словоформ в тестах open cloze встречаются в каждом из трех экзаменов с примерно одинаковой частотой (*as, to, with* и другие). Поэтому качественный анализ наиболее частотных словоформ дает нам довольно мало полезной информации о том, как можно варьировать сложность автоматически создаваемых open cloze тестов путем выбора этих словоформ в качестве целевых. По-видимому, это связано с тем, что сложность пропусков в данном случае в большей степени задается контекстом употребления целевых словоформ. Однако оценку «сложности» контекста достаточно непросто реализовать в автоматическом генераторе упражнений: для этого может потребоваться обширный набор правил для каждого целевого слова.

Напротив, рассчитываемая по специальной формуле *характерность* (*R*) оказывается весьма значимой в контексте поставленной задачи. Именно этот показатель позволил выявить большинство качественных различий между целевыми словоформами в экзаменационных заданиях разных уровней. Эти различия (некоторые примеры были приведены выше) довольно легко учитывать при автоматическом создании заданий open cloze и тем самым варьировать их сложность. Так, программа, создающая упражнения, может использовать несколько списков возможных целевых слов, условно «более сложных» и «более простых», для замены их на пропуски в тексте. Тогда из одного и того же текста можно получать задания разной сложности. Это может быть видно даже на уровне отдельного предложения. Приведем примеры:

(a) <i>The cat _____ washing itself.</i>	(was, характерно для FCE)
(b) <i>The cat was washing _____.</i>	(itself, характерно для CPE)
(a) <i>Their success is due to a lot _____ hard work.</i>	(of, - FCE)
(b) <i>Their success is _____ to a lot of hard work.</i>	(due, - CPE)

Нам представляется, что в обоих случаях пропуски в предложениях (b) сложнее (независимо от более широкого контекста).

Таким образом, на основании анализа реальных тестов, созданных экспертами-носителями языка, мы разработали достаточно легко реализуемый машинный способ варьирования сложности заданий. Этот способ основан на использовании предварительно заданных списков целевых словоформ, различающихся по относительной «сложности» восстановления их из контекста. Целевые словоформы автоматически заменяются в тексте пропусками в соответствии с определенными правилами, позволяющими создавать достаточно реалистичные тесты. Например, пропуски не ставятся слишком близко друг к другу, поскольку для восстановления пропущенного слова необходим минимальный контекст – хотя бы три слова с каждой стороны от пропуска. Другое правило предписывает удалять из текста каждую целевую словоформу лишь однажды, что соответствует формату кембриджских экзаменов.

Важно отметить, что разработанная автором программа свободно предоставляется всем желающим для тестирования или применения в некоммерческих целях. В результате свободного распространения программы автор получил ценные отзывы и замечания от сторонних экспертов-преподавателей английского языка, что в дальнейшем позволило добиться более высокой эффективности создания упражнений.

В перспективе представляется целесообразным обработать более обширную подборку тестов для получения более полных и актуальных данных. Кроме того, необходимо разработать некоторые новые правила для более точного выбора слов для замены на пропуски.

Упражнения, автоматически созданные с помощью предлагаемой методики, можно применять как при подготовке к соответствующим экзаменационным заданиям, так и в процессе обучения английскому или самостоятельного изучения данного языка, поскольку подобные задания могут способствовать развитию лексико-грамматических навыков, а также навыков чтения.

Литература

1. Aldabe, I. ArikIturri: An Automatic Question Generator Based on Corpora and NLP Techniques [Text] / I. Aldabe, M.L. de Lacalle, M. Maritxalar, E. Martinez, L. Uria // Intelligent Tutoring Systems: Lecture Notes in Computer Science. Springer Berlin Heidelberg, 2006. - С. 584-594.
2. Antonsen, L. Generating Modular Grammar Exercises with Finite-State Transducers [Text] / L. Antonsen, R. Johnson, T. Trondsterud, H. Uibo // Proceedings of the second workshop on NLP for computer-assisted language learning at NODALIDA 2013. Сер. NEALT Proceedings Series 17 / Linkuping Electronic Conference Proceedings 86. - 2013. - С. 27-38.
3. Bick, E. Live Use of Corpus Data and Corpus Annotation Tools in CALL: Some New Developments in VISL [Text] / E. Bick // Nordic Language Technology, \ AArbog for Nordisk Sprogteknologisk Forskningsprogram. - 2005. - С. 171-185.
4. Burstein, J. Translation Exercise Assistant: Automated Generation of Translation Exercises for native-Arabic Speakers Learning English [Text] / J. Burstein, D. Marcu // Proceedings of HLT/EMNLP on Interactive Demonstrations: HLT-Demo '05. - Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics, 2005. - С. 16-17.
5. Cambridge English: Advanced Handbook for Teachers [Text]. - 2012.
6. Dickinson, M. Developing Online ICALL Exercises for Russian [Text] / M. Dickinson, J. Herring // Proceedings of the Third Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications: EANL '08. - Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics, 2008. - С. 1-9.
7. Gates, D.M. Automatically Generating Reading Comprehension Look-Back Strategy: Questions from Expository Texts [Text] / D.M. Gates. - Pittsburgh: Carnegie Mellon University, 2008.
8. Goto, T. Automatic Generation System of Multiple-Choice Cloze Questions and its Evaluation [Text] / T. Goto, T. Kojiri, T. Watanabe, T. Iwata, T. Yamada // Knowledge Management & E-Learning: An International Journal (KM&EL). - 2010. - Т. 2. - № 3. - С. 210-224.
9. Heilman, M. Personalization of Reading Passages Improves Vocabulary Acquisition [Text] / M. Heilman, K. Collins-Thompson, J. Callan, M. Eskenazi, A. Juffs, L. Wilson // International Journal of Artificial Intelligence in Education. - 2010. - Т. 20. - № 1. - С. 73-98.
10. Heilman, M. Application of Automatic Thesaurus Extraction for Computer Generation of Vocabulary Questions [Text] / M. Heilman, M. Eskenazi // Proceedings of the SLaTE Workshop on Speech and Language Technology in Education 2007. - С. 65-68.
11. Hoshino, A. WebExperimenter for Multiple-choice Question Generation [Text] / A. Hoshino, H. Nakagawa // Proceedings of HLT/EMNLP on Interactive Demonstrations: HLT-Demo '05. - Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics, 2005. - С. 18-19.
12. Knoop, S. WordGap - Automatic Generation of Gap-Filling Vocabulary Exercises for Mobile Learning [Text] / S. Knoop, S. Wilske // Proceedings of the second workshop on NLP for computer-assisted language learning at NODALIDA 2013. Сер. NEALT Proceedings Series 17. - 2013. - С. 39-47.
13. Meurers, D. Enhancing Authentic Web Pages for Language Learners [Text] / D. Meurers, R. Ziai, L. Amaral, A. Boyd, A. Dimitrov, V. Metcalf, N. Ott // Proceedings of the NAACL HLT 2010 Fifth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications: IUNLPBEA '10. - Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics, 2010. - С. 10-18.
14. Perez-Beltrachini, L. Generating Grammar Exercises [Text] / L. Perez-Beltrachini, C. Gardent, G. Kruszewski // Proceedings of the Seventh Workshop on Building

- Educational Applications Using NLP. - Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics, 2012. - C. 147-156.
15. Stenner, A.J. Measuring Reading Comprehension with the Lexile Framework [Text] / A.J. Stenner // Fourth North American Conference on Adolescent/Adult Literacy, Washington DC. - 1996.
 16. Sumita, E. Measuring Non-native Speakers' Proficiency of English by Using a Test with Automatically-generated Fill-in-the-blank Questions [Text] / E. Sumita, F. Sugaya, S. Yamamoto // Proceedings of the Second Workshop on Building Educational Applications Using NLP: EdAppsNLP 05. - Stroudsburg, PA, USA: Association for Computational Linguistics, 2005. - C. 61-68.

УДК 376.7
ББК 74.6

А.А. НАУМОВА

**СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ
РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

A.A. NAUMOVA

**WAYS OF DEVELOPING SPEECH ETIQUETTE SKILLS
AT THE ELEMENTARY LEVEL OF TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

В статье обосновывается важность знания основных речевых средств для изучающих русский язык как иностранный. Автор представляет варианты заданий по формированию навыков речевого этикета в повседневных ситуациях общения на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному.

The article touches upon the importance of teaching basic Russian speech etiquette means to foreign learners. The author gives the examples of elementary level exercises that are used to help Russian language learners develop speech etiquette skills in everyday communication.

Ключевые слова: речевой этикет, русский язык как иностранный, начальный этап обучения, речевая ситуация, речевые средства, формулы речевого этикета, навыки речевого этикета, повседневные ситуации общения.

Key words: speech etiquette, Russian as a foreign language, elementary level of education, speech situation, speech etiquette means, speech etiquette phrases, speech etiquette skills, situations of everyday communication.

Речевой этикет – важная составляющая межличностного взаимодействия. Он оказывает влияние на характер взаимоотношений общающихся. С помощью речевых средств устанавливается нужный контакт с собеседником в определенной тональности в различных ситуациях общения, а нарушение норм речевого этикета оборачивается невежливостью, неуважением к человеку, к партнеру [5].

Нарушения в речевом поведении участников общения возникает тогда, когда в соответствующей ситуации речевые средства не используются, используются в неуместных единицах, не подходящих для данной ситуации общения, либо используются с нарушением языковой нормы.

Актуально знание норм речевого этикета не только для носителей конкретного языка, но и для людей, изучающих язык как иностранный. Являясь неотъемлемой частью культуры, язык отражает ее особенности. Знание этикетных норм, заложенных во всех сферах культуры и особенно в языке, поможет изучающим язык более комфортно чувствовать себя при общении в любой социальной среде, даст возможность глубже понять историю и постичь культуру народа [3].

В условиях современной России, для которой одной из важнейших стала проблема значительных миграционных потоков, аккультурация иноэтнических представителей общества стоит особенно остро. В настоящее время большинство мигрантов не владеют русским языком на достаточном для осуществления полноценной коммуникации уровне, что затрудняет их адаптацию в русскоговорящую среду. Языковые барьеры мешают успешному включению мигрантов в различные виды деятельности. Данный факт подтверждают результаты многочисленных социологических исследований, которые отмечают, что мигранты последнего десятилетия качественно от-

личаются от предыдущих волн миграции. Новое поколение мигрантов, как правило, уже не владеет русским языком и воспитано в иной этнокультурной среде [4].

Наряду с проблемой включения в иную культурную среду и освоения русского языка мигранты также сталкиваются с проблемой отсутствия представлений о нормах и базовых ценностях культуры, незнания особенностей повседневного быта и норм межличностного общения, в том числе особенностей русского речевого этикета. Необходимо создавать условия для усвоения мигрантами норм речевого этикета русского языка, что позволит им более уверенно чувствовать себя в российском культурном пространстве.

В обучении русскому языку как иностранному учитываются особенности усвоения языка как неродного. Овладение неродным языком осуществляется осознанно и намеренно, при его изучении учитывается опыт владения родным языком. Кроме того, овладение иностранным языком носит преимущественно практико-ориентированный характер, поскольку знание языка в данном случае предназначено для его применения в конкретных жизненных ситуациях. В связи с этим учебный материал, как правило, минимизируется, и включает наиболее актуальное на настоящий момент содержание [1].

На начальном этапе изучения русского языка как иностранного обучающихся целесообразно знакомить с теми речевыми средствами, которые в наибольшей степени способствуют решению их коммуникативных задач в повседневной жизни, поэтому обучение речевому этикету необходимо начинать с усвоения формул, применяемых в основных ситуациях повседневного общения: знакомство, приветствие, прощание, благодарность, извинение, просьба, приглашение, совет, предложение, комплимент, сочувствие, соболезнование и др.

На сегодняшний день в методике преподавания русского языка как иностранного представлено большое разнообразие способов формирования у обучающихся навыков речевого этикета. К ним относятся ознакомление с основными особенностями русского коммуникативного поведения, трансформационные, подстановочные, вопросно-ответные типы упражнений, задания с дефинициями, работа с оригинальными и адаптированными текстами, анализ особенностей употребления формул речевого этикета в конкретных ситуациях, ролевые и дидактические игры [2].

Однако несмотря на достаточно большое количество форм, методов и приемов работы по обучению иноязычных обучающихся речевому этикету, применять их можно не на всех этапах обучения языку. Большинство из существующих на сегодняшний день пособий по формированию речевых навыков рассчитаны на обучающихся, у которых уровень владения языком выше базового. Упражнения в них основаны на сложном языковом материале, а в качестве текстового материала используются фрагменты из произведений художественной литературы, лексика и грамматика которых не актуальна для иностранцев, и к тому же сложна для восприятия.

Тем не менее вопрос правильного употребления в речи основных речевых средств является для них актуальным, поскольку знание базовых формул речевого этикета позволит им грамотно осуществлять элементарные речевые действия в повседневных бытовых ситуациях общения.

В данной статье представлены варианты заданий, которые включены в комплекс упражнений по формированию навыков речевого этикета, разработанного для иностранцев, владеющих русским языком на элементарном или базовом уровнях. Комплекс включает упражнения разного уровня сложности: от упражнений репродуктивного характера до заданий коммуникативной направленности, в которых обучающимся необходимо использовать изученные формулы в учебной коммуникации в ситуациях, максимально приближенных к реальным.

В начале каждого раздела комплекса обучающимся предлагаются задания преимущественно репродуктивного характера: соотнесение картинки

с наиболее уместными формулами речевого этикета, распределение слов из списка в нужную колонку таблицы по определенному признаку, заполнение пропусков в тексте.

Вариант такого задания можно проиллюстрировать на примере упражнения на соотнесение картинки с соответствующей ей формулой речевого этикета. Обучающимся предлагается ряд картинок и список наиболее употребительных фраз в условиях конкретной ситуации общения: приветствия, знакомства, прощания и т. д. Задание заключается в том, чтобы подписать картинку соответствующими им фразами. К примеру, при изучении темы «Поздравление, пожелание, приглашение» предлагаются картинки с изображением обыденных ситуаций, наиболее значимых праздников и событий. К ним прилагается список следующих фраз: « - Ни пуха, ни пера! - К черту!», «Приглашаем к столу!», «Горько!», «Счастливого пути!», «С легким паром!», «Будь здоров!», «С днем рождения!», « - Христос воскрес! - Воистину воскрес!», «Спокойной ночи!», «С Новым годом!».

При изучении темы «Знакомство, приветствие, прощание» обучающимся предлагается выполнить задание, где им необходимо распределить приведенные ниже формулы знакомства, приветствия и прощания по соответствующим графам таблицы в зависимости от их стилистической окраски: нейтральной, официальной и разговорной: *Здравствуйте!, Рад Вас приветствовать!, Привет!, Пока!, Добрый вечер!, Разрешите с Вами познакомиться, Как тебя зовут?, Позвольте представиться, Добрый день!, Счастливого!, Всего доброго!, Добро пожаловать!, Здравия желая!, Здорово!, Доброе утро!, Приветик!, До завтра!, До скорого! Прощайте!*

При изучении темы «Обращение» можно использовать упражнение на составление цепочки вариаций одного имени. Обучающимся предлагается список полных имен, а следом список тех же имен в различных вариациях. Задание заключается в том, чтобы подобрать к каждому имени все его возможные варианты и составить цепочку слов - вариантов обращений для каждого имени, например: Анна, Анечка, Анютка, Аннушка, Анна Владимировна, Аня, Анька. Далее необходимо распределить слова из цепочки в нужную колонку таблицы в зависимости от особенностей употребления: формулы, используемые в повседневном обращении к друзьям и родственникам, формы обращения при близких, интимно-дружеских и семейных отношениях, при фамильярно-грубоватом обращении, уважительную или официальную форму обращения.

При выполнении данного типа заданий обучающиеся закрепляют имеющиеся или полученные знания об основных формулах речевого этикета в конкретной ситуации общения.

В этом же разделе представлены задания более сложного уровня, в ходе выполнения которых обучающимся необходимо извлечь из памяти нужную речевую формулу, наиболее уместную в конкретной ситуации и правильно употребить ее в предложенном контексте.

Примером задания данного типа может служить упражнение на заполнение пропусков в тексте. Например, при изучении темы «Поздравление, пожелание, приглашение» предлагается задание на заполнение пропусков в поздравительных открытках.

При изучении темы «Обращение» обучающиеся заполняют пропуски наиболее приемлемыми вариантами обращений в следующем тексте:

Меня зовут Вика. Родители назвали меня так в честь богини победы. Поэтому они часто называют меня полным именем _____. Моя бабушка до сих пор называет меня _____, хоть я давно уже не маленькая. Мои друзья чаще всего обращаются ко мне _____, что может показаться несколько фамильярным, но я на них не обижаюсь, в нашей среде это вполне нормально.

У меня есть брат Коля. Он не любит свое полное имя, поэтому никто из близких не называет его _____. Друзья чаще всего зовут его _____, а бабушка до сих пор называет его ласково - _____.

Мои родители – Наталья Петровна и Сергей Игоревич – преподаватели в университете. Студенты называют их по имени и отчеству, но коллеги чаще всего просто по именам – _____ и _____. На самом деле, мою маму, например, вообще мало кто называет по имени и отчеству или полным именем _____. Она выглядит очень молодо, и к ней до сих пор обращаются на улице: _____!

Вариантом такого задания также может быть упражнение на заполнение пропусков подходящими по смыслу словами или фразами. В качестве примера можно привести следующее задание из тематического раздела «Знакомство, приветствие, прощание»:

Заполните пропуски уместными для конкретной ситуации общения формулами знакомства, приветствия или прощания:

- _____, Маша!
- _____, Витя! Как дела?
- Все нормально. А у тебя?
- У меня тоже все хорошо. Извини, мне нужно бежать на работу.
- Хорошо. Рад был тебя увидеть. _____!
- _____.

При выполнении заданий данного типа учащиеся воспроизводят в нужном контексте наиболее уместную формулу речевого этикета, проделав ряд более сложных мыслительных операций в сравнении с более легкими заданиями этого раздела. Такой тип задания требует не просто распознавания наиболее уместной речевой формулы из ряда предложенных, но также воспроизведения нужной речевозыкетной формулы в контексте, достаточно прочного усвоения формул на рецептивном уровне.

Далее в комплексе представлены задания, направленные на формирование умения определять уместность использования формул речевого этикета в различных речевых ситуациях. Для этой цели используется упражнение, основанное на технологии активного обучения case study – методе анализа конкретных практических ситуаций. Кейсы содержат искусственно сконструированные ситуации и описывают случай, в центре которого – нарушение нормы речевого этикета в конкретной ситуации общения.

Иллюстрацией применения данной технологии при обучении иноязычных слушателей навыкам речевого этикета может служить пример упражнения, включенного в раздел «Знакомство, приветствие, прощание»:

Проанализируйте следующие ситуации и скажите, в чем проявляется нарушение норм речевого этикета. Какие фразы Вы бы употребили в этих ситуациях и почему?:

1. *Ксения и Максим пришли на фуршет. Ксения встретила своего коллегу Бориса и сказала: «Борис, привет! Ты тоже здесь?» Борис ответил: «Да, мы пришли почти всем отделом. Если хочешь – присоединяйся к нам». Они продолжили разговор, обсуждая работу. Максим чувствовал себя неловко.*

2. *У Петра была назначена деловая встреча в кафе. Представителя фирмы, с которой сотрудничала его компания, он не знал, поэтому встретившись с ним в кафе, сказал: «Добрый день! Меня зовут Петр. Я представитель компании «Проект». Однако собеседник коротко ответил: «Давайте перейдем к сути вопроса». Петр был несколько обескуражен.*

Применение технологии анализа практических ситуаций при обучении речевозыкетным средствам общения позволяет обучающимся определять уместность или неуместность употребления формул речевого этикета в определенных ситуациях общения, рассматривать в качестве решения проблемы различные варианты фраз для каждой конкретной ситуации.

В комплексе также используются задания, формирующие навыки применения формул речевого этикета в конкретных ситуациях общения. Обучающимся предлагаются задания-ситуации, где им необходимо сформулировать предложение, используя наиболее уместную для данной ситуации

общения формулу речевого этикета. В качестве примера можно привести следующее задание тематической группы «Поздравление, пожелание, приглашение»:

Сформулируйте высказывание, используя наиболее уместную формулу пожелания, поздравления или приглашения:

1. У Вашей подруги 10-летняя годовщина свадьбы. Поздравьте ее с этим событием.

2. Вы пришли на день рождения к подруге. Произнесите поздравительный тост.

3. У Вас через месяц свадьба. Пригласите на торжество свою подругу.

4. Ваша знакомая находится в больнице. Вы пришли ее проведать. Осведомитесь о состоянии ее здоровья и пожелайте скорейшего выздоровления.

5. У вас есть один лишний билет на концерт джазового оркестра. Пригласите Вашу коллегу составить Вам компанию.

6. Ваш знакомый завтра сдает сложный экзамен. Поддержите его и пожелайте удачи.

7. Поздравьте вашего коллегу с наступающим Новым годом.

8. Пригласите Вашего делового партнера пообедать в ресторане.

9. Ваш знакомый собирается в увлекательное путешествие. Поинтересуйтесь подробностями и пожелайте ему удачи.

10. У ваших знакомых родился первенец. Поздравьте их с этим событием.

Данный тип задания формирует умение применять изученные формулы речевого этикета, исходя из предложенной ситуации, выбирать из существующих речевых средств те, которые наиболее уместны в конкретной ситуации общения.

Завершают каждый раздел упражнения коммуникативной направленности, которые позволяют использовать речевые формулы в ситуациях, максимально приближенных к реальным. В качестве итогового задания по разделу предлагается ролевая игра – ситуативное упражнение, основанное на моделировании учебно-речевой ситуации. В ходе выполнения задания обучающиеся составляют диалоги по предложенному сценарию. В качестве примера можно привести часть итогового задания тематического раздела «Совет, рекомендация, предложение»:

Познакомьтесь с вашими ролевыми карточками. Разыграйте диалог согласно ситуации:

А. К Вам в гости приехала подруга. Она никогда не была в Вашем городе. Посоветуйте ей достопримечательности, которые можно посмотреть, магазины, где можно купить хорошие вещи и сувениры, другие интересные места.

Б. Вы приехали в гости к подруге, которая живет в другом городе. Вы город совсем не знаете. Послушайте советы подруги о том, какие посетить достопримечательности, где можно купить хорошие вещи и сувениры. Спросите про другие интересные Вас места.

Правильное выполнение задания предполагает усвоение формул речевого этикета, их различных вариаций в обозначенной ситуации общения. Оно направлено на формирование у обучающихся коммуникативной компетенции и реализует один из специальных принципов обучения русскому языку как иностранному – коммуникативности и функциональности. Данный принцип подразумевает организацию обучения в максимально приближенных к естественным условиям, что может быть выражено в использовании на занятиях проблемных ситуаций, коллективных форм работы.

Последовательное выполнение всех типов представленных в комплексе упражнений способствует достижению главной цели обучения навыкам речевого этикета – способности осуществлять речевую деятельность в соответствии с ситуацией общения, используя наиболее уместные речевые формулы.

Главным же условием успешного усвоения формул речевого этикета и грамотного употребления их в речи будет внимание к вопросам этикета на каждом занятии, что позволит повысить эффективность процесса формирования навыков речевого этикета у изучающих русский язык как иностранный и будет способствовать их адаптации в русскоязычной среде.

Литература

1. Балыхина, Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) [Текст] / Т.М. Балыхина. - М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. - 185 с.
2. Бердичевский, А.Л. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного [Текст] / А.Л. Бердичевский. - М. : Русский язык. Курсы, 2011. - 184 с.
3. Жохова, Л.А. Обучение русскому речевому этикету студентов полиэтнических групп неязыковых вузов в аспекте межкультурной коммуникации [Текст] / Л.А. Жохова. - М., 2005. - 25 с.
4. Засыпкин, В.П. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах [Текст] : монография / В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. - Ханты-Мансийск : Издательский дом «Новости Югры», 2012. - 212 с.
5. Формановская, Н.И. Культура общения и речевой этикет [Текст] / Н.И. Формановская. - 2-е изд. - М. : Изд-во ИКАР, 2005. - 250 с.

УДК 902.2
ББК 63.442(2)

А.А. КАЗАКОВ

A.A. KAZAKOV

**МАКРОПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ
ДАННЫЕ ПОСЕЛЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ**

**MACROPLANIGRAPHICAL
DATA OF SETTLEMENTS AS A SOURCE
FOR HISTORICAL RECONSTRUCTIONS**

Статья посвящена возможностям использования новых инструментов в интерпретации археологических источников. На примере анализа макропланиграфических данных делаются прогностические выводы о новых перспективных местах поиска археологических памятников конкретной археологической культуры, и выдвигается гипотеза о форме социальной организации представителей одиновской археологической культуры.

The article is devoted to the availability of the new tools for the interpretation of archaeological sites. Having analysed macroplanigraphical data the author makes predictive conclusions about new prospective areas for the search of archaeological sites of specific archaeological culture and suggests a supposition about the form of social organization of Odintsovo archaeological culture representatives.

Ключевые слова: планиграфия, стратиграфия, картография, социальная организация, поселение, род, племя, этнос.

Key words: planigraphy, stratigraphy, mapping, social organization, settlement, clan, tribe, ethnic group.

Археологический памятник, являясь отражением антропогенного воздействия на окружающую среду, содержит огромное количество различных блоков скрытой информации, извлечение и интерпретация которой является основной задачей исследователя-археолога. В самом грубом приближении можно выделить два основных блока интерпретируемого материала – остатки материальной культуры (оружие, украшения, керамика, орудия труда, строительные конструкции и т. п.) и планиграфическо-стратиграфические данные, содержащие по большей части скрытую информацию. Если методики извлечения информации из остатков материальной культуры достаточно хорошо разработаны (однако далеко несовершенны), то информация, скрытая в планиграфическо-стратиграфических данных, порой остается невостребованной исследователем. А она, как и остатки материальной культуры, является творением человека и содержит не менее ценные сведения.

Можно выделить два основных блока планиграфическо-стратиграфических данных – макропланиграфию, которую часто называют картографией и которая начинается с планов памятника в целом и распространяется до нанесения на карту региона, страны, мира, памятников археологии и микропланиграфию – наблюдения за изменяющейся планиграфической и стратиграфической картиной конкретного раскопа. Это планы могил, жилищ, хо-

зайственных построек, других объектов, выявляемых в процессе полевого исследования памятника археологии.

В настоящее время наиболее востребован блок микропланиграфических данных, полученных в результате полевого исследования памятника археологии. Это планы памятника с нанесенными на них визуально фиксируемыми объектами, планы и разрезы исследуемых раскопами объектов.

Данные макропланиграфии достаточно результативно используются при картографических наблюдениях, позволяющих определить ареалы распространения исследуемых объектов. Кроме того, многолетние наблюдения за особенностями расположения на местности археологических памятников позволяют выявить определенные закономерности, анализируя которые можно разработать достаточно действенные методики их поиска, обнаружения и фиксации. Для памятников различных культурно-исторических периодов на территории Алтайского края (и не только) подобные закономерности выделены, основы методик их поиска определены, что позволяет более эффективно вести деятельность в этом направлении [2], однако это не значит, что все возможности макропланиграфии исчерпаны [1, с. 10].

Анализ картографических материалов позволяет выйти и на интерпретационный уровень, вплоть до определения миграционно-коммуникационных коридоров древности и выделения сакральных территорий [9].

Новые технологии, ранее недоступные исследователям, значительно расширяют инструментарий по получению дополнительной макропланиграфической информации, в том числе и из традиционного источника – картографирования археологических памятников. Различные виды анализа макропланиграфических данных поселений позволяют выйти как на культурообразующие признаки, так и решать частные задачи в различных областях исторической реконструкции по данным археологии (хозяйство, культура, социальная организация, методы обороны, фортификационного строительства, особенности планировки древних поселений, строительные традиции и приемы и т. д.), т. е. позволяют решать как глобальные, так и частные проблемы интерпретации археологических источников и извлечения из них значимой информации.

Проведенное традиционным способом картографирование памятников одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья позволило выйти на ряд выводов, касающихся ареала ее распространения [3], хозяйственной деятельности [4], выкладок социального характера [4, 5]. Кроме того, данные макропланиграфии позволили разработать достаточно действенную методику поиска поселений одинцовской культуры [2].

К новым инструментам познания, о которых речь шла выше, можно отнести возможности программы Google Планета Земля, работа с которой позволяет более наглядно оперировать картографическими данными, что значительно повышает возможности извлечения информации из макропланиграфических источников. Приведу первичные результаты анализа мест расположения крупных жилищно-хозяйственных комплексов одинцовской культуры с использованием возможностей программы Google Планета Земля, которые при традиционном картографировании были не до конца прослежены.

В настоящее время в Барнаульско-Бийском Приобье известно 5 крупных жилищно-хозяйственных комплексов одинцовской культуры, включающих в себя различные обособленные поселенческие единицы на небольших по площади площадках (на рисунках красным – места расположения известных комплексов, желтым – места предполагаемого расположения неизвестных комплексов):

Рис. 1. Городище Акутиха 1

Рис. 2. Комплекс городищ около г. Бийска [6]

Рис. 3. Комплекс городищ и поселений на оз. Иткуль

Рис. 4. Комплекс археологических памятников Кокуйское 1 [7]

Рис. 5. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон 2 [8]

Для большей наглядности и репрезентативности сравнения высота снимков примерно одинакова – 7 км.

Анализ снимков наглядно подтвердил ранее выявленные закономерности:

1. Все известные крупные комплексы раннесредневековых городищ и поселений располагаются на правобережье рек Оби и Бии (крупные водотоки) на высоком, поросшем сосновым бором берегу, рядом с крупными пойменными участками, в удалении (за исключением комплекса городищ около г. Бийска) от основного водотока.

2. Жилищно-хозяйственные комплексы расположены на дуге террасы приблизительно одной высоты от уреза поймы (не ниже второй надпойменной). Расположение на дуге делает невозможным увидеть большой поселенческий комплекс с открытой воды с прямых участков реки, т. е. можно говорить об их скрытом расположении.

Подобное расположение памятников позволяет говорить, что практически все известные жилищно-хозяйственные комплексы расположены в идентичной экологической нише, сочетающей в себе различные типы ландшафтных зон, о чем уже писалось ранее [4].

Кроме того, работа с программой позволила наметить перспективы дальнейшего поиска.

1. Расстояния по прямой, согласно данным Google Планета Земля, между кустами следующее: Бийские городища - Акутиха - 53 км; Акутиха - Малый Гоньбинский Кордон - 130 км; Малый Гоньбинский кордон - Кокуйское - 30 км; Бийские городища - Иткульский комплекс - 38 км; Иткульский комплекс - Акутиха - 41 км.

Полученные данные говорят о достаточно плотном заселении территории в этот период. Среднее расстояние между крупными комплексами составляет порядка 50 км, или 25 км по радиусу от поселенческого комплекса. Наибольшее расстояние в 130 км между Акутихой и Малым Гоньбинским Кордоном и среднее расстояние между кустами позволяет наметить места поиска пока еще неизвестных крупных поселенческих комплексов, относящихся к этому хронологическому периоду, тем более что этот отрезок правого берега реки Оби в археологическом отношении исследован недостаточно полно. Работа с данными программы Google Планета Земля позволяет выявить перспективные места поиска крупных поселенческих комплексов на этом отрезке. Это участок боровой террасы между с. Солдатово и с. Чеканиха (рис. 6) и боровой восточный берег оз. Шибаетово (рис. 7).

Рис. 6.

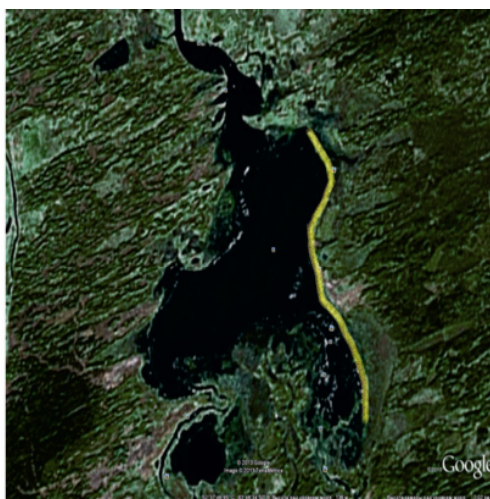

Рис. 7.

Кроме того, с учетом выявленных закономерностей между предполагаемым комплексом на оз. Шибаетово и Малым Гоньбинским Кордоном также можно предположить наличие крупного поселенческого комплекса. В районе п. Бобровка известно крупное городище, которое плохо документировано и не проходит ни по каким документам. Культурно-хронологическая принадлежность этого городища не ясна. Называется оно Утопша и расположена примерно в 40 км от Малого Гоньбинского Кордона (рис. 8). Более детальное обследование этого памятника, вероятнее всего, подтвердит его принадлежность к исследуемому хронологическому периоду. Детальное обследование, вероятно, выявит и другие поселенческие единицы на этом участке, как это зафиксировано на хорошо обследованных памятниках типа МГК - 2, Кокуйское, Бийские и Иткульские городища.

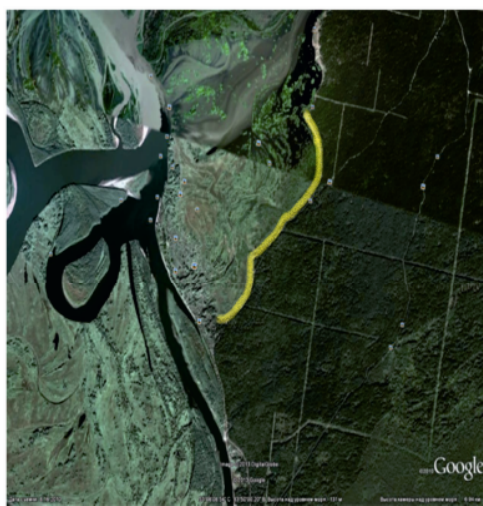

Рис. 8.

Подобное прогнозирование основано на биологических возможностях экологических ниш по обеспечению жизнедеятельности древних насельников при существующей форме хозяйственной деятельности.

Кроме того, после обследования перспективных участков можно говорить о более детальной реконструкции социальной организации. Уже сейчас, анализируя известную информацию, с большой долей уверенности можно говорить, что известные комплексы являются центрами отдельных достаточно крупных социальных образований.

Поселенческие единицы могут представлять отдельный род, жилищно-хозяйственный комплекс, состоящий из нескольких поселенческих единиц, расположенных на локальной территории - племени. Площадь угодий племени, исходя из удаленности одного жилищно-хозяйственного комплекса от другого составляет порядка 600 кв. км, которые разделены для пользования между отдельными родами. Сама одинцовская культура является достаточно крупным этнокультурным образованием, объединяющим культурно однородные племена.

Уверен, что при детальном анализе возможно проследить незначительные отличия, прежде всего в орнаментации керамики, между различными жилищно-хозяйственными комплексами. Возможно, отличия, отражающие племенную идентичность, можно будет проследить и в других элементах материальной культуры.

В целом культурно однородная (этническая) общность, идентифицирующаяся с одинцовской культурой Барнаульско-Бийского Приобья, состояла

из 8 достаточно крупных родоплеменных объединений, центрами дислокации которых являются выявленные (и прогнозируемые) крупные поселенческие комплексы. Эти родоплеменные объединения имели свои хозяйственные угодья, пользователями которых являлись их члены. Кроме того, внутри этих угодий можно выделить сезонные стоянки для занятий различными видами сезонных промыслов, которые прослеживаются по сборам и случайным находкам.

Являясь достаточно крупными социальными образованиями с большим количеством населения, эти социальные системы должны выделить институт власти, необходимый для организации и согласованности хозяйственной деятельности, семейно-брачных отношений, вопросов взаимодействия с соседними социальными общностями, сохранения своей целостности (оборона и война) и т. п. вопросов. Характер этих властных структур (вождизм, предгосударственное объединение, государственные структуры) можно будет определить при более детальной проработке этого вопроса.

Являясь, в свою очередь, составными частями более крупного социального образования (одинцовской культуры), можно говорить и о наличии института управления всем образованием в целом, в который, несомненно, должны были входить и руководители крупных родоплеменных центров.

Учитывая самодийскую принадлежность населения одинцовской культуры, можно провести этнографические параллели с представителями самодийского населения, социальная организация которых достаточно полно исследована.

Для конкретизации сделанных выводов, являющихся в настоящий момент гипотетическими, необходимо дальнейшее продолжение исследований, заключающееся в детализации имеющегося материала.

Наиболее обследованным, на сегодняшний день, являются комплекс поселений и городищ на оз. Иткуль и Малый Гоньбинский Кордон 2.

Просчитав количество западин, умножив их на среднюю численность первичной семейной ячейки (выявленную при помощи этнографических данных), можно будет говорить о средней численности населения родоплеменного объединения. Зная это – появляется возможность выявления возможностей экологической ниши, в которую эта социальная общность включена. Достаточно просто рассчитывается и общее количество населения в целом одинцовской общности. Основываясь на этих данных – уточняется социальная организация одинцовского этнокультурного образования.

Представленные выкладки, несомненно, являются дискуссионными и для их доказательства необходимо очень много сделать. Начать с детального археологического обследования выделенных мест перспективного расположения поселенческих комплексов, затем более тщательный анализ керамических комплексов, затем – просчет по количеству западин и т. п.

Но основываясь на наблюдениях, ставших доступными при использовании программы Google Планета Земля, можно с достаточной степенью уверенности говорить, что представленная гипотеза не только имеет право на существование, но и подкреплена первичным исходным материалом.

Литература

1. Дашковский, П.К. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан) [Текст] / П.К. Дашковский, З.С. Самашев, А.А. Тишкин. – Барнаул : Азбука, 2007. – 96 с.
2. Казаков, А.А. Методика поиска поселений 1 тыс. н.э. на Алтае [Текст] / А.А. Казаков // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 151-153.
3. Казаков, А.А. О южной периферии расселения самодийских племен [Текст] / А.А. Казаков // Проблемы этнической истории самодийских народов. – Омск, 1993. – Ч. 2. – С. 36-39.

4. Казаков, А.А. Планиграфические данные поселений как источник по реконструкции [Текст] / А.А. Казаков // Поселения: среда, культура, социум. - СПб., 1998. - С. 48-51.
5. Казаков, А.А. К вопросу о функциональном назначении линий вал-ров [Текст] / А.А. Казаков // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. - Барнаул, 1997. - С. 183-187.
6. Казаков, А.А. Комплекс городищ около Бийска [Текст] / А.А. Казаков, А.Л. Кунгуров // Культура народов евразийских степей в древности. - Барнаул, 1993. - С. 219-231.
7. Казаков, А.А. Комплекс археологических памятников Кокуйское 1 [Текст] / А.А. Казаков, Д.В. Папин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1998. - С. 169-172.
8. Кирюшин, Ю.Ф. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон 2 (по материалам разведки 1991 г.) [Текст] / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Казаков // Актуальные проблемы сибирской археологии. - Барнаул, 1996. - С. 68-72.
9. Ковалевский, С.А. Особенности топографического расположения ирменских могильников юга Западной Сибири [Текст] / С.А. Ковалевский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы 18 и 19 региональных научно-практических конференций. - Барнаул : АЗБУКА, 2013. - 488 с. : ил. С. 171-181.

УДК 904
ББК 63.3(2)46:63.4

А.В. ТАТАУРОВА

L.V. TATAUROVA

СПЕЦИФИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА
НОВОГО ВРЕМЕНИ

THE SPECIFICITY
OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES
OF MODERN AGE

Работа подготовлена по гранту РГНФ № 14-31-01023

Анализируются особенности археологических источников Нового времени и их использование для исторических реконструкций. Спецификой археологических источников этого времени можно считать то, что они не утратили связь с культурной средой, в которой созданы и востребованы. Предлагаются для рассмотрения способы применения и построения типологий предметов материальной культуры, использование терминологии, характерной для культуры, в которой эти вещи существовали и использовались согласно их назначению и функциям.

The author of the article considers features of archaeological sources of Modern age and an opportunity of their usage for historical reconstructions. As the main specific feature of archaeological sources of this time can be accepted that fact that they didn't lose communication with the cultural environment where they were created and demanded. The author offers to use terminology for methods consideration of application and typology creation of subjects of material culture, where all these things existed and were used according to their purpose and functions.

Ключевые слова: археология, источник, специфика, термины, функции, реконструкции, Сибирь.

Key words: Archeology, source, specificity, terms, functions, reconstruction, Siberia.

Археология Нового времени (XVI–XIX вв.), как и любое научное направление, в своем развитии проходит несколько этапов: накопление материалов и получение источников, их обобщение, построение на основе исторических моделей, выдвижение гипотез по недостающим или спорным фактам в предлагаемых моделях, поиски аргументации, новых материалов и т. д. Но, несмотря на общие закономерности получения знаний, в исследовании археологических материалов XVI–XIX вв., по сравнению с изучением истории более ранних эпох, есть своя специфика. Заключается она не только в лучшей сохранности археологических артефактов и не в том, что описание предметов и строений можно встретить в письменных источниках. Главное в том, что находки, полученные в процессе раскопок (археологическими методами) и являющиеся древними по отношению к современности (т. е. относящиеся к ведению археологии) имеют статус археологического источника, но не утратили связи с создавшей их культурой. Но в тоже время они не являются этнографическими, то есть изъятыми из живой культуры в процессе исследования. Вспомним определение, предложенное Л.С. Клейном; «Источник (англ. record) археологический – древний вещественный (т. е. культурный материальный) источник информации; вещественный объект, относительно которого информация о его функциях и связях в культуре, о близко родственных ему объектах утрачена или сильно пострадала и трудно поддается восстановлению (для восстановления требуется особая система методических средств)» [1, с. 348]. Поэтому для находок, относящихся к XVI–XIX вв., на первый взгляд, оно не совсем подходит, так как информация «о их функ-

циях и связях в культуре» не утрачена (или утрачена частично) и имеет связь с этнографической современностью. Однако если рассмотреть эту связь с точки зрения «системы методических средств» для восстановления знаний о вещественном объекте, добытом археологом в процессе раскопок, то мы можем получить репрезентативную информацию, позволяющую не только атрибутировать археологические предметы, но и выявить их место и многообразие взаимосвязей в изучаемой культуре. Что имеется в виду? Археологические находки из культурных слоев XVI–XIX вв., как и артефакты культур Средневековья, или эпохи Бронзы, станут источником лишь после комплекса исследовательских процедур: определения места среди категорий вещей (выделенных по разным критериям – материалу, функциям, технологии), внутри выделенного типа, варианта и пр.; выявления назначения и применения предмета; выяснения его функций в культуре; взаимосвязи с другими элементами культуры; изучение технологии изготовления, с которой связаны сырьевые ресурсы, уровень развития навыков необходимых для получения изделия, и т. д. В результате анализ комплекса полученных источников и знаний об их взаимосвязях позволит построить *модель культуры* [курсив мой. – Л.Т.], представляющую существенные особенности изучаемого объекта, явления или процесса эпохи Бронзы или Средних веков. Именно модель культуры, потому что для изучения артефактов древних эпох в полной мере проявится «основная специфика археологических источников (как источников информации о далеком историческом прошлом), которая заключается в том, что нить понимания их информации разорвана дважды – в традициях (разрыв между далеким прошлым и нашим временем) и в объективации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми оперирует наука)» [1, с. 348].

Для изучения коллекций из раскопок памятников Нового времени положительным является то, что нить, связывающая традиции прошлого с настоящим, не исчезла, а лишь ослабла. Поэтому систематизировать археологический материал (то есть выделить категории, типы, варианты, и пр.) можно на основе изучения ассортимента предметов, известных по письменным источникам и этнографическим материалам. Суть в том, что перечень предметов одного назначения (назначение определяет функции, использование, технологию изготовления, распространение, и пр.) это и есть типология (как понимают ее ученые), только выработанная самой культурой, культурной традицией, которая в разной степени сохранности донесла их практически до современности. В качестве примера можно привести работы П.А. Корчагина [2, с. 56–63] и С.Ф. Татаурова, посвященные типологии гвоздей [3, с. 234–241]. Такие типологии являются рабочими, т.е. соответствует функциям и связям предметов в культуре и это можно проверить, в отличие от типологий предметов более ранних культур, которые создают ученые для решения определенных задач. При такой систематизации нет необходимости называть предметы терминами, которые придумал исследователь, или взял название, которое было использовано для похожих предметов более ранних эпох, как это, например, было сделано Н.Р. Карловой, Б.В. Мельниковым для гончарной керамики Урала и Сибири XVI–XVIII вв. [4, с. 45–52]. Ведь часто названия древним предметам дают по их схожести с этнографическими, для которых известны назначение и функции [5, с. 34–35].

Для периода XVI–XIX вв. предметы материальной культуры, раскопанные объекты и постройки должны иметь названия, которые сложились исторически. Выявить их возможно с помощью этнографических данных, различных словарей как общероссийских, так и региональных, архивных источников, и пр. Вероятно, названия будут отличаться на различных территориях и у разных народов, если какой-то элемент культуры имел широкое распространение. Конечно, определение названия предмета во времени и пространстве – это отдельная исследовательская процедура, лежащая вне ведения археологии, но она очень важна в плане дальнейших реконструкций. В названии предмета заложено его назначение, зная которое, мы можем

понять, как использовали предмет, где его приобретали, как изготавливали и пр. Таким образом, через название, назначение и применение найденного артефакта можно восстановить большую часть информации о его функциях и связях в культуре.

Обозначенная специфика археологического источника хорошо прослеживается в изучении памятников русского населения Сибири. Традиционная культура, принесенная сюда переселенцами, была законсервирована на какой-то период. Связано это было с процессом адаптации к новым условиям, в котором использовали все навыки и технологии, известные на Руси; кроме того это было проявлением этнической идентичности переселенцев по отношению к аборигенному населению, и только к началу XVIII века, накопленные новшества в том или ином виде проявляются в культуре русских Сибири [6]. Консервация традиций, способствовала сохранению названий многих предметов и объектов материальной культуры, хотя в разных регионах Сибири они могли отличаться, потому что были принесены из разных районов европейской России.

Наиболее показательным это можно представить на анализе самого массового археологического материала – керамики. Русские принесли в Сибирь отдельные образцы посуды и знания о многообразии керамических типов. Поэтому производство глиняной посуды в Сибири в период заселения и освоения ее русским населением прошло заново эволюцию технологических приемов – от изготовления всеми методами ручной скульптурной лепки (на шаблоне, кольцевой, ленточный налеп), до гончарного круга (который до русских Сибирь не знала). На основе анализа археологического материала сельских памятников можно выделить 4 уровня развития гончарного производства в XVII–XIX вв. Первый – это производство посуды примитивными способами (ленточный налеп, лепка на шаблоне и из куса глины), направленное на удовлетворение потребностей своей семьи и родственников. Второй уровень – изготовление керамики примитивными способами, но с использованием поворотного столика или ручного гончарного круга для окончательного оформления форм сосудов и обработки поверхностей. Посуда предназначалась для нужд семьи гончара, его родственников и односельчан, иногда реализовывалась в соседних селениях. Третий уровень гончарного ремесла – это изготовление посуды на гончарном круге (ручном, ножном) и реализация ее как среди односельчан и жителей соседних деревень, так и на рынке; четвертый уровень гончарного производства – специализированные мастерские, работавшие на рынок [6, с. 206–218]. Ассортимент керамики поселений представлен широким разнообразием типов посуды, характерных для всей территории проживания русских (и даже шире – славянских) народов восточной Европы и Сибири. Положительным в изучении глиняной посуды является факт ее использования вплоть до середины XX века. На этом основании с учетом вышеописанной специфики была сделана типология русской посуды для Западной Сибири [7]. Наиболее распространенным типом являлся горшок, он почти не имел разновидностей в названии, и был архетипом в славяно-русской культуре [8, с. 254–265].

Широкое распространение в культуре русских имел и другой тип кухонной посуды, предназначенный для приготовления полуфабрикатов и переработки продуктов, – это квашонки.

Этот тип посуды использовался еще в начале-середине XX века. В разных регионах Западной Сибири в XX веке их называли – квашонка, колыванка, латка, колотуха, топушка, топник, топленик [9, с. 231, 271, 372, 538; 10, с. 33]. Название колыванка появилось в XIX веке по месту производства гончарной продукции в селе Колывань Новосибирской области – «такая латка глиняная, как ведро, и стряпали в ей, хоть что можно было держать (Ордынский район, д. Козиха), бывали ведерны, полведерны, по дну узки, кверху широки» [9, с. 231]. У украинцев макитра [10, с. 114]. Кроме глиняных, были деревянные. В словаре Русского языка XI–XVII вв. есть упоминание о ква-

шонках, которые использовали для приготовления теста и хранения масла в губерниях европейской России в XVII в. [11, с. 106-107]. У В.И. Даля квашня – это деревянная посуда: дежа, кадка или дуплянка в которой квасят тесто; квашонка – малая квашня, небольшая дежа [12, с. 257].

В Западной Сибири, судя по источникам, глиняные квашонки использовали для замеса кислого теста – «квашни», квашню сверху накрывали «наквашенником», специальным куском материи с веревочкой, которую потом обвязывали вокруг квашонки [10, с. 166]. Применяли эту посуду и для топления и хранения сливочного масла, отстаивания молока, получения творога, засолки капусты, хранения ягод.

По археологическим материалам Западной Сибири XVII-XVIII вв., квашонки делали разными способами: как скульптурной лепкой (кольцевой ленточный налп), сосуды получались толстостенные, обжигали их в русской печи, так и на гончарном круге с горновым обжигом. Распространялась она, как и другая посуда, разными способами, в том числе на ярмарках [6, с. 206-214]. Цена на квашонки, судя по описанию кустарных промыслов Томской губернии М.Н. Соболева на 1909 год, в разных уездах отличалась. Так, в Мариинском уезде они стоили от 12 до 15 копеек за штуку; Змеиногорском уезде – от 3 до 10 копеек; Барнаульском уезде – 4 копейки [13]. Разница в цене была обусловлена, вероятно, размером изделий и их качеством. Кроме описанных выше, были и другие типы русской посуды, но рассмотреть их в рамках одной статьи не представляется возможным.

В заключении стоит подчеркнуть, что археологические материалы Нового времени, при кажущейся с первого взгляда понятности и представлении в письменных источниках требуют более многостороннего изучения не только естественнонаучными методами, позволяющими реконструировать их технологию изготовления, внутреннюю структуру и пр., но и исследованиями в сфере гуманитарных наук – культурологии, лингвистике, этнографии, истории.

Литература

1. Клейн, Л.С. Археологическая типология [Текст] / Л.С. Клейн. – Ленинград : АН СССР, 1991. – 448 с.
2. Корчагин, П.А. Возможности интерпретации археологических источников Позднего Средневековья и Нового времени: гвозди [Текст] / П.А. Корчагин // Культура русских в археологических исследованиях междисциплинарные методы и технологии. – Омск : Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ 2011. – С. 56-63.
3. Татауров, С.Ф. Гвоздь в Сибири [Текст] / С.Ф. Татауров // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Издат. дом Наука, 2004. – Т. 8. – С. 234-241.
4. Карлова, Н.Р. Керамика Черталинского поселения и некоторые вопросы изучения гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири XVI-XVIII вв. [Текст] / Н.Р. Карлова, Б.В. Мельников // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1999. – С. 45-52.
5. Клейн, Л.С. Археология и этнография: проблема сопоставлений [Текст] / Л.С. Клейн // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1998. – Т. 3. – С. 29-66.
6. Татаурова, Л.В. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI-XVIII веках (по материалам археологических исследований) [Текст] / Л.В. Татаурова [и др.]. – Омск : Издатель Полиграфист, 2014. – 374 с.
7. Татаурова, Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) [Текст] / Л.В. Татаурова // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1998. – Т. 3. – С. 88-123. Нижнетарский археологический микрорайон [Текст] / П.В. Большаник, А.В. Жук, В.И. Матющенко, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов, И.В. Толпеко. – Новосибирск : Наука, 2001. – 256 с.

8. Татаурова, Л.В. Глиняный горшок как архетип в славяно-русской культуре [Текст] / Л.В. Татаурова // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу. – Опішне : Українське Народознавство, 2013. – Кн. VIII. – Т. 1. – С. 254–265.
9. Словарь русских говоров Новосибирской области [Текст]. – Новосибирск : Наука, 1979. – 605 с.
10. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья [Текст]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. – Т. 2. – 244 с.
11. Словарь Русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1980. – Вып. 7. – 403 с.
12. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль ; под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М. : Цитадель, 1998. – Т. II. – 1024 с.
13. Соболев, М.Н. Кустарные промыслы Томской губернии [Текст] / М.Н. Соболев // Труды статистико-экономического отделения юридического кабинета при императорском Томском университете. – СПб., 1909 ; Томск, 1910. – Вып. 5. – 50 с. и др.

УДК 94(47)
ББК Т 63

О.А. МИЛЕВСКИЙ

O.A. MILEVSKY

ДЖОРДЖ КЕННАН
И МИНУСИНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ

GEORGE KENNAN
AND MINUSINSK POLITICAL EXILED

В статье рассматривается эпизод из поездки американского путешественника и журналиста Дж. Кеннана по Сибири, предпринятой с целью изучения региона и ознакомления с системой организации политической и уголовной ссылки.

The article deals with the episode of an American traveler and a journalist J. Kennan across Siberia. It is undertaken for the purpose of the region studying and acquaintance with the system of organization of the political and criminal exile.

Ключевые слова: Сибирь, политическая ссылка, народничество, Минусинск, краеведческий музей.

Key words: Siberia, political exile, populism, Minusinsk, local history museum.

Поездка Дж. Кеннана 1885–1886 гг. по Сибири, направленная на ознакомление с жизнью и бытом местного населения и организацией уголовной и политической ссылки, в свое время привлекла к себе большое внимание общественности как Нового, так и Старого света, не говоря уже о российских революционных кругах. Из статей Дж. Кеннана, опубликованных по результатам этого путешествия, западные читатели надеялись получить достоверную информацию о российских политических порядках, в том числе и о положении политических ссыльных, находящихся в Сибири.

Для организации и проведения этой миссии наиболее подходящей фигурой казался Дж. Кеннан. Для него это было уже не первое посещение отдаленных районов Азиатской России. Первый раз он оказался в Сибири и на Камчатке в 1865–1867 гг. в составе российско-американской экспедиции, изучающей возможность прокладки телеграфной линии из Америки в Европу через Берингов пролив.

Экспедиция оказалась не слишком удачной, однако Дж. Кеннан получил уникальную возможность своими глазами увидеть этот таинственный для западного человека «ледяной край». Более того, возвращаясь Дж. Кеннан и еще один американец решили сухопутным путем через Азию и Европу. По прибытии в Санкт-Петербург молодой путешественник был принят на весьма высоком уровне и на себе ощутил, что такое русское гостеприимство. Пребывание в России сформировало у него устойчивый позитивный образ этой страны и ее народа. Неудивительно, что оказавшись в Америке, он с симпатией отзывался и о тех общественных порядках, которые существовали в России. Результатом путешествия Дж. Кеннана по Сибири стало появление в 1870 г. его первой книги «Кочевая жизнь в Сибири и приключения среди коряков и других племен Камчатки и Северной Азии» [12, с. 8–11].

В дальнейшем Россия с ее огромными просторами продолжала оставаться постоянным объектом журналистского внимания Дж. Кеннана. Постепенно определился и круг его исследовательских предпочтений, среди которых была и организация сибирской ссылки. Причем первоначально Дж. Кеннан отнюдь не был настроен оппозиционно к российскому правительству, скорее наоборот. Так, в феврале 1882 г. Дж. Кеннан выступил перед членами Нью-Йорского географического общества с лекцией о Сибири, главным пунктом которой стал вопрос о положении ссыльных, она так и называ-

лась «Сибирь – место ссылки». В этой лекции он отстаивал тезис о том, что ссылными хорошо обращаются и что они не испытывают лишения ни в пути, ни на месте поселения. Личные впечатления лектор подтверждал ссылками на российские официальные источники [12, с. 14]. Лекция, как и последующие выступления Дж. Кеннана по данной тематике, имела большой успех у публики.

С подобных позиций в начале 1880-х гг. выступал не один Дж. Кеннан, можно назвать также священника Г. Лэнселла, автора книги «По Сибири», изданной в Лондоне в 1882 г. Однако у защитников российского правящего режима были и резкие критики в лице левого спектра европейского либерального общества и, естественно, представители российской революционной эмиграции. Так, бежавший из российской тюрьмы П.А. Кропоткин в своей отповеди адептам российских порядков писал: «Г-н Кеннан счел, что пребывание в качестве служащего Оверлэндской телеграфной компании на берегах Охотского моря, приблизительно в каких-нибудь нескольких тысячах верст от карательных учреждений Сибири, дает ему основание авторитетно рассказывать о сибирских тюрьмах и заключенных в них. Что удивительного, что его сведения решительно опровергаются теми русскими, которые основательно изучали жизнь заключенных в Сибири?» [10, с. 5].

Не менее жестко высказывался по поводу российских репрессивных порядков и крайне популярный в либеральных английских кругах российский революционер и писатель М.С. Степняк-Кравчинский. В частности, живописуя плачевное положение политических ссыльных в Сибири, он обращал внимание европейской читающей публики на то, что особенность сибирской ссылки заключается «в бессмысленной жесткости низших полицейских чинов, превратившихся в таких деспотов, благодаря системе каторжных лагерей, существующих в Сибири со временем присоединения ее к царской империи» [19, с. 204]. С.М. Степняк-Кравчинский, обличая российское самодержавие в преступлениях против прав личности, прямо обращался к международному общественному мнению с призывом вмешаться, подав голос протеста, ибо российское правительство боится огласки своих деяний. В своих работах он особенно подчеркивал «чувствительность царской камарильи к упрекам европейской печати» [19, с. 332].

В такой обстановке мнения на Западе разделились. В «антинигилистическом хоре» все чаще раздавались голоса, осуждающие царский режим. Такое мнение, например, высказал в 1884 г. соотечественник Дж. Кеннана, бизнесмен и дипломат У.Д. Армстронг, служивший одно время в американском посольстве в России. В сложившейся ситуации Дж. Кеннан не стал вступать в полемику и как человек привыкший доверять только фактам решил лучше изучить вопрос, остро дискутируемый в американском общественном мнении. Ситуация сложилась для него весьма удачно: интерес к проекту экспедиции в Сибирь проявил популярный журнал «Сенчури мэгэзин». Не стало чинить препятствий для организации подобной поездки и царское правительство, небезосновательно рассчитывавшее на лояльность Дж. Кеннана.

В результате после трехнедельной «предварительной» экскурсии в Россию осенью 1884 г. Дж. Кеннан вступил в официальные переговоры с компанией «Сенчури» и 1 мая 1885 г. подписал весьма выгодный контракт, по которому он должен был получить 6 тысяч долларов за 12 статей. Для иллюстрации статей и будущей книги к Дж. Кеннану присоединился художник Дж. Фрост [12, с. 18].

Дж. Кеннан тщательно готовился к предстоящему мероприятию: штудировал имевшуюся в его доступе литературу по сибирской ссылке. В частности, ему очень помогли труды известного областника и ученого Н.М. Ядринцева. Их личное знакомство произошло уже в период пребывания Дж. Кеннана в России и позднее он отмечал, что Н.М. Ядринцев оказал ему «наиболее ценные услуги во время сибирской экспедиции» [13, с. 103].

Путешествие Дж. Кеннана началось из столицы Империи через Москву в Нижний Новгород, откуда он отправился в Пермь и дальше за Урал в Сибирь. Путь был проделан немалый. Конечной его точкой стало посещение Забайкалья, включая знаменитые Карийские каторжные рудники. Используя лояльное отношение к себе царского правительства, а следовательно, получая и непосредственную поддержку местных администраций, Дж. Кеннан и Д. Фрост смогли практически без прикрас ознакомиться с условиями содержания и транспортировки заключенных и порядками, царившими в сибирской ссылке.

Причем это касалось не только уголовной, но и политической ссылки, хотя в этом вопросе ближе к концу поездки Дж. Кеннану и его товарищу уже приходилось идти на хитрости, чтобы усыпить бдительность лиц, отвечавших за непосредственное содержание политических каторжан и ссыльных поселенцев и стремившихся всеми дозволенными способами ограничить общение с ними американцев. Непосредственные контакты с ссыльными открыли перед Дж. Кеннаном совершенно иную картину разворачивающихся в России общественно-политических событий. В лице ссыльных революционеров-народников Дж. Кеннан увидел молодых людей, искренне преданных идее народной свободы, которая для США была изначально базовой ценностью. Для многих высылка в отдаленные районы Сибири являлась, по мнению Дж. Кеннана, совершенно избыточным наказанием, а зачастую и вовсе применялась по ошибке.

В своих записях он отмечал, что «в 1877, 1878 и 1879 годах правительство, очевидно, не предпринимало никаких попыток удостовериться, заслуживает ли арестованный ссылки или нет, равно как даже не пыталось выяснить, тот ли это мужчина и та ли это женщина, которых предписано выслать» [7, с. 237]. И далее, разбирая целую серию возмутительных для западного человека случаев полицейского произвола, он делал вывод, под которым подписалось бы и абсолютное большинство русских революционеров: «В свете подобных фактов терроризм не кажется неестественным и необъяснимым явлением. Если вы несправедливы к человеку, отказываете ему в праве на защиту, ссылаете снова, если он жалуется, зажимаете ему рот, если он кричит, бьете его по лицу, то в конце концов он возьмется за оружие и будет бросать бомбы. Излишне говорить, о том, что русское правительство ожесточает мужчин и женщин именно таким образом» [7, с. 237].

Увидел он в молодых людях, загнанных правительством на долгие годы в самые удаленные «медвежьи углы» Сибири, различные таланты, способности и желание отдать их на благо страны. Такова, например, была судьба А.А. Кропоткина, которая глубоко впечатлила Дж. Кеннана. Описывая обстоятельства его жизни, Дж. Кеннан не мог скрыть возмущения, отмечая, что «в Америке или даже Западной Европе его взгляды по социально-политическим вопросам сочли бы весьма умеренными... Между тем это был человек кипучего темперамента, высокого понятия о чести, очень искренний и прямой в суждениях; этого, вероятно, было достаточно, чтобы навлечь на него подозрение русской полиции» [7, с. 290].

Такие встречи, как в Томске, Иркутске, на Каре заставили Дж. Кеннана совершенно иначе посмотреть на внутривнутриполитическую ситуацию в России и начать более объективно оценивать действия царского правительства против революционной оппозиции, уже понимая их репрессивный и зачастую незаконный характер. Окончательно убедился в этом Дж. Кеннану предстояло на обратном пути, и во многом рубежной чертой стало посещение им города Минусинска, который привлекал американцев не только большой колонией политических ссыльных, но и прекрасным музеем, созданным местным энтузиастом-краеведом Н.М. Мартьяновым при помощи все тех же ссыльных.

При поездке в Минусинск для установления более доверительных отношений с ссыльными Дж. Кеннан постарался заручиться поддержкой их товарищей по несчастью, находящихся в Восточной Сибири. Они снабдили

американца рекомендательными письмами к минусинским ссыльным. Кроме того, Дж. Кеннан контактировал и с местной научной общественностью. В результате 8 января 1886 г. Н. Мартьянов получил письмо от красноярского археолога И.Т. Савенкова с уведомлением, что для осмотра коллекций музея в Минусинск едет американский исследователь Дж. Кеннан и сопровождающий его Д. Фрост [16].

Дж. Кеннан вспоминал: «23 января, еще до рассвета мы прибыли к непосредственному месту назначения, в город Минусинск, и остановились в двухэтажном деревянном доме, в котором в течение многих лет проживал известный политический ссыльный, князь Александр Кропоткин» [8, с. 262].

В то время Минусинск представлял собой «небольшой процветающий городок, с населением 5000–6000 жителей, расположенный в плодородной долине Верхнего Енисея в 3200 милях от столицы империи и в 150 милях от границы с Монголией» [8, с. 263]. Город располагался в Южной части Енисейской губернии недалеко от судоходной реки Енисей. А.А. Кропоткин так писал о нем: «Минусинск – типичный сибирский городок, – серенький, невзрачный. Здесь все серо: улицы, стены, крыши домов, заборы» [5, с. 42]. Однако при этом жизнь в городе имела и свои плюсы. В первую очередь, это достаточно здоровый климат. Минусинская котловина была вообще уникальным для Западной Сибири местом с достаточно мягким климатом, позволяющим в настоящее время выращивать бахчевые, виноград и некоторые виды фруктов.

Вторым явным достоинством было наличие определенного культурного ландшафта. «Как старинный ссыльный пункт, Минусинск давно уже приобщен к культуре» [2, с. 269], – отмечал отбывавший там ссылку И.П. Белокопский. Но особенно значимыми стали для города 70-е гг. XIX в. В этот период, благодаря подвижнической деятельности провизора Н.М. Мартьянова и при поддержке местной Думы¹, 10 января 1877 г. открылся Минусинский музей [9, с. 47]. 12 января 1878 г. вслед за музеем была открыта и библиотека.

В это же время, по данным И.П. Белокопского, с 1880 по 1886 г. в Минусинском округе находилось более 50 ссыльных [3]. Л.Н. Ермолаева в своей работе использовала такую категорию, как «наполняемость ссылки». Выборка была ей взята за несколько лет, и она позволила получить весьма достоверную картину того, что собой в этом плане представлял Минусинск. В период с 1881 по 1890 гг. в Минусинском округе проживало 108 ссыльных, в том числе в г. Минусинске – 77. Если учесть, что в Минусинске к 1890 г. проживало около 8 тыс. человек, то это означало, что на 100 жителей города фактически приходился 1 ссыльный [1, Л. 36–37]. Представляется, что примерно такая пропорция была и в 1880-х гг. Таким был социальный срез Минусинска в период посещения его американцами.

Уже в первый день американцы нанесли визит в «аптеку Малинина», где трудился Н.М. Мартьянов, к которому они имели рекомендательное письмо от Н.М. Ядринцева [17]. Дж. Кеннан так писал об этой встрече: «Он сердечно нас приветствовал, сказав, что видел несколько раз в томских и иркутских газетах сообщения о наших перемещениях, однако опасался, что мы возвратимся в Петербург, не побывав в Минусинске» [8, с. 265]. Путешественники осмотрели коллекции музея, уделив особое внимание археологическим находкам. Дж. Кеннан так оценивал это посещение: «Каталог и атлас, о которых с похвалой отзывались в археологических обществах в разных европейских столицах, представляют дополнительный интерес по той причине, что это всецело труд политических ссыльных. Описательный текст, занимающий почти 200 страниц в 1/8 листа принадлежит перу Дмитрия Клеменца, сосланного в Восточную Сибирь за «политическую неблагонадежность» в 1881 г., тогда, как иллюстрации нарисованы ссыльным художником А.В. Станкевичем. Защитники русского правительства не раз утверждали, будто так

¹ Официальное постановление минусинской городской Думы об открытии музея было принято 18 февраля 1877 г.

называемые нигилисты, ссылаемые им в Сибирь, – всего лишь мальчишки, «исключенные семинаристы», «недоучившиеся гимназисты» ...А между тем, когда директорам Минусинского музея понадобились люди, достаточно ученые, чтобы разобраться в сложнейших археологических проблемах, и художники достаточно искусные, чтобы изобразить в мельчайших подробностях предметы, найденные в могильниках им пришлось обратиться все к тем же нигилистам, к этим «ничтожным юнцам» и «недоучившимся гимназистам», как их презрительно называют в официальных столичных газетах и в речах государственных обвинителей» [8, с. 269].

Далее Дж. Кеннан и Д. Фрост побывали на приеме городского головы И.П. Лыткина, совершили поездку в улус к качинским татарам, а в это время слух о приезде американцев распространился и среди ссыльных. Встречу Дж. Кеннана с ссыльными затруднял приезд в Минусинск начальника жандармского управления и прокурора, вызванный арестом в Енисейске письма ссыльного К.А. Маслова¹, скрывшегося из Минусинска [6, с. 21].

Дж. Кеннан, для которого именно политические ссыльные представляли главный интерес, первоначально через Н.М. Мартьянова использовал для этой цели музей, который он регулярно посещал под видом изучения коллекций. Именно туда как-то вечером Н.М. Мартьянов в виде консультанта для американцев и привел Д.А. Клеменца. Дж. Кеннан хорошо знал его по описаниям и имел к нему письмо, заверенное множеством людей, которых Д.А. Клеменц знал лично. Дж. Кеннан так описывал этот момент: «Клеменц прочитал письмо с большим вниманием, затем отошел в другой конец комнаты, зажег спичку и поднес ее к письму, держа его за угол ... пока оно полностью не сгорело, после чего бросил пепел на пол, растер его ногой и, оборотившись ко мне, произнес: «С подобными письмами надежнее всего поступать так... Мы проговорили с полчаса, после чего Мартьянов предложил отправиться к нему выпить чаю. Предложение было встречено всеобщим одобрением, и остаток вечера мы провели с г-ном и г-жей Мартьяновыми» [8, с. 274]. В следующие дни американцы познакомились при содействии Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца почти со всеми политическими ссыльными Минусинска. Особенно подружились они «с Иванчиным-Писаревым, ярославским землевладельцем, Мартыновым, ставропольским хирургом, Белоконым, молодым писателем и журналистом, Леонидом Жебуневым, бывшим до ссылки студентом Киевского университета, Зинаидой Зацепиной и Дмитрием Клеменцем» [4, с. 86.].

И.П. Белоконый так изображал первую встречу с американскими путешественниками, которая произошла в гостеприимном доме Мартыновых: «У Мартыновых кроме меня, в это вечер, между прочим были: Д.А. Клеменц, А.И. Иванчин-Писарев, А.И. Венцовский, В.С. Лебедев с женой, Г.П. Андреев, А. Тырков, И. Даманский, Е. Сидоренко, З.С. Зацепина и др. В то время, когда мы сидели за чайным столом, в гостиную вошли два неизвестных весьма прилично одетых господина, по облику своему не имевших ничего общего с приглядевшимися нам сибирскими типами... В конце концов мы выпили с американцами «на брудершафт» и стали угощать их русскими и украинскими песнями. Кеннан и Фрост, в свою очередь, запели свои... С этого момента мы сделались с заморскими гостями самыми близкими приятелями» [2, с. 301–302]. Общение между ссыльными и американцами шло довольно бойко: Дж. Кеннан говорил по-русски, а некоторые из ссыльных знали английский язык.

Американцы провели в Минусинске две недели, причем, как вспоминал И.П. Белоконый: «Дж. Кеннан приступил к детальному ознакомлению с политическими ссыльными. Трудно себе представить большую добросовестность, чем та, которую он при этом проявил. Кеннан являлся скорее в роли

¹ Маслов К.А. – политический ссыльный, скрывается из Минусинска в декабре 1885 г., в январе 1886 г. его задержали в г. Каинске Томской губернии.

самого серьезного и вполне объективного судебного следователя, чем представителя печати» [2, с. 303]. С большинством ссыльных он очень подробно беседовал и знакомился с их бытом вплоть до мелочей. Так, тот же И.П. Белоконский отмечал, что в беседе с ним Дж. Кеннан неожиданно поинтересовался размером его комнаты и все данные занес в записную книжку. Естественно наиболее детально он расспрашивал о причинах ареста и высылки интервьюированных в Сибирь [2, с. 304-305].

Попутно занимался он и другими делами, детально изучив фонды музея и совершив поездки «в юрты к инородцам», также он купил у политического ссыльного Г.П. Андреева богатую коллекцию флоры Минусинского округа [2, с. 306]. Вполне возможно сделал он это не столько из научного интереса, сколько из желания помочь ссыльному материально.

Перед отъездом, 4 февраля, нанес прощальные визиты Н.М. Мартьянову, Г.П. Сафьянову и А.В. Малинину Дж. Кеннан тепло попрощался и с политическими ссыльными «взял от них письма для передачи в Россию и обещал писать из Америки» [2, с. 306]. Первоначально, как отмечал тот же И.П. Белоконский, несмотря на всю симпатию к американцу его уверения в дружбе были восприняты весьма скептически. Однако дальнейшее течение времени развеяло этот скептицизм и «Кеннан, действительно оставался мой другом в лучшем смысле этого слова» [2, с. 306]. Тоже могли сказать о Дж. Кеннана и политические ссыльные из других мест, в частности Ф.В. Волховский, Л.Э. Шишко и др.

Доброжелательная атмосфера Минусинска, дружеские связи, завязавшиеся между политическими ссыльными и американцами – все это способствовало тому, что Дж. Кеннан и его товарищ «покидали Минусинск с большей неохотой, чем какой-либо другой город, в котором останавливались на обратном пути» [8, с. 281]. Но главным результатом пребывания Дж. Кеннана в Минусинске стало его окончательное убеждение в глубокой порочности российской системы правосудия и политической ссылки, зачастую направленной на изоляцию от широкой общественной и научной деятельности таких ярких личностей, как А.А. Кропоткин или Д.А. Клеменц, который впоследствии стал блестящим ученым – исследователем Сибири и Центральной Азии [11, 14, 15, 18, 20].

Недаром в конце своих путевых заметок Дж. Кеннан отмечал, что «такие политические ссыльные, как Волховский, Чудновский, Леонтьев, Лобановский, Кропоткин, Коган-Бернштейн, Белоконовский, ...Клеменц, Шишко, Наталья Армфельдт, Елена Мачтет, Софья Бардина, Анна Павловна Корба и многие другие с какими бы нравственными мерками к ним не подходить, представляют собой цвет русской молодежи... Я гордился бы ими, будь они моими братьями и сестрами, и, пока они живы, они могут рассчитывать с моей стороны на всякую услугу, какую может оказать брат» [8, с. 305].

Именно со времени этого путешествия Дж. Кеннана по Сибири, в котором Минусинск стал своеобразной «последней каплей», повлиявшей на оценку им политического строя Российской империи, у царского правительства в Америке появился очень опасный критик, много сделавший для его дискредитации в общественном мнении Запада.

Литература

1. АМКМ (Архив Минусинского краеведческого музея). Ф. 1. Оп. 4. Д. 926.
2. Белоконский, И.П. Дань времени. Воспоминания [Текст] / И.П. Белоконский. – М. : Изд-во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 402 с.
3. Белоконский, И.П. К истории политической ссылки [Текст] / И.П. Белоконский // Каторга и ссылка. – 1927. – № 2 (31). – С. 144-156.
4. Ватин, В. Кеннан в Минусинске [Текст] / В. Ватин // Сибирские записки. – 1916. – № 3. – С. 71-93.

5. Живописная России. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении [Текст]. – СПб. ; М., 1895. – Т. 12. Ч. 1.
6. Иванчин-Писарев, А.И. Из моих воспоминаний (По дороге в Сибирь, в Красноярск и Минусинск) [Текст] / А.И. Иванчин-Писарев // Сибирские записки. – 1916. – № 1. – С. 13-23.
7. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.) [Текст] / Дж. Кеннан. – СПб. : Изд-во Русско-Балтийсктй центр БЛИЦ, 1999. – Т. 1. – 390 с.
8. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.) [Текст] / Дж. Кеннан. – СПб. : Изд-во Русско-Балтийсктй центр БЛИЦ, 1999. – Т. 2. – 396 с.
9. Кон, Ф.Я. Исторический очерк. Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 гг.) [Текст] / Ф.Я. Кон. – Казань : Изд-во Типолиитография Императорского университета, 1902. – 210 с.
10. Кропоткин, П.А. Тюрма, ссылка и каторга в России [Текст] / П.А. Кропоткин. – СПб., 1906.
11. Ливинчук, М.С. Общественный деятель, революционер или ученый – образ Д.А. Клеменца в советской и современной отечественной историографии [Текст] / М.С. Литвинчук, А.Б. Панченко // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (31). – С. 141-147.
12. Меламед, Е. «Ключ к аду...» (опыт биографии главной книги Дж. Кеннана) [Текст] / Е. Меламед // Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). – СПб. : Изд-во Русско-Балтийсктй центр БЛИЦ, 1999. – Т. 1. – С. 5-72.
13. Меламед, Е. Сибирские встречи (Н.М. Ядринцев и Дж. Кеннан) [Текст] / Е. Меламед // Алтай. – 1983. – № 4. – С. 98-107.
14. Милевский, О.А. Д.А. Клеменц как исследователь Тывы [Текст] / О.А. Милевский // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Часть 1. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – С. 323-327.
15. Милевский, О.А. «Сибирская Одиссея» Д.А. Клеменца [Текст] / О.А. Милевский // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Часть 1. История идей и история общества. Отечественная история. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманит. ун-та, 2012. – С. 270-274.
16. МКМ ОФ (Минусинский краеведческий музей Основной фонд). 10680 / 1. Письмо И.Т. Савенкова к Н.М. Мартьянову.
17. МКМ ОФ. 10683 / 20. Письмо Н. Ядринцева к Н.М. Мартьянову.
18. Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца) [Текст]. – СПб. : Изд-во «Лань», 1998. – 208 с.
19. Степняк-Кравчинский, С.М. Россия под властью царей [Текст] / С.М. Степняк-Кравчинский // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1987. – Т. 1. – С. 20-338.
20. Якушин, Н. Неутомимый исследователь Сибири [Текст] / Н. Якушин // Сибирские огни. – 1975. – № 4. – С. 169-184.

В.В. МИРОНОВ

V.V. MIRONOV

АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА
ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И АРНОЛЬД ТОЙНБИENGLISH SCHOOL
THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND ARNOLD TOYNBEE

Статья посвящена изучению места и роли английской школы теории международных отношений среди направлений английской исторической науки второй половины XX века. Личное знакомство и совместная работа Мартина Уайта и Чарльза Мэннинга с Арнольдом Тойнби сыграли разную роль в научной биографии первых представителей английской школы. Некоторые факторы личного характера, объясняющие появление концепции международного общества, в работах Герберта Баттерфильда и Хейдли Булла исследуются в данной статье.

This article is devoted to place and meaning of English school theory of international relations among directions in English historical science in the second half of the XX century. Personal acquaintance and cooperation of Martin Wight and Charles Manning with Arnold Toynbee played differently in scientific biography of the first representatives of English school. Some factors of personal nature that explain the appearance of the conception of international society in the works of Herbert Butterfield and Headley Bull are under study in the article.

Ключевые слова: Английская школа, теория международных отношений, историография, международное общество, Ч. Мэннинг, М. Уайт, Г. Баттерфильд, Х. Булл, А. Тойнби.

Key words: English school, theory of international relations, historiography, international society, Ch. Manning, M. Wight, H. Butterfield, H. Bull, A. Toynbee.

Английская теоретическая традиция изучения международных отношений как самостоятельная школа формировалась во второй половине XX века. Впечатав в арсенал науки о международных отношениях концепцию «международного общества», она, в первую очередь, ассоциируется сегодня с именами Мартина Уайта, Хейдли Булла, Адама Уотсона и Джона Винсента. Однако отнесение творчества именно данных исследователей к школе основано на том факте, что с ними был связан первый расцвет английской теории, который пришелся на 1960–1970 годы.

Вместе с тем, к числу представителей первого, еще более раннего, поколения школы можно отнести Чарльза Мэннинга и Герберта Баттерфильда. Первый был ученым, непосредственно сформулировавшим основной набор идей в рамках проблематики международного общества, хотя и не считал своей подход завершенной концепцией. Второй – внес неоценимый организационный вклад в институциональное оформление школы, как и развивал отдельные идеи, ставшие впоследствии отличительным маркером «национального» взгляда школы на международные отношения. Если Мэннинг был первым, кто в структуре мира увидел не только анархию, как на том настаивала политическая мысль его времени, но и черты социального порядка, назвал это обществом и попытался его исследовать, то Баттерфильд в известном смысле обеспечил научное звучание концепта баланс сил в английской науке в 1940–1970 годы.

В 1981 году появилась известная статья Роя Джонса, где автор впервые заговорил об окончании школы и ее распаде» [12, p. 185–206]. Крити-

ческие замечания Джонса парадоксальным образом способствовали осознанию участниками своей принадлежности к школе как к целостному образованию и вызвали ответную реакцию. Так, с конца 1990 годов и в первое десятилетие XXI века английская школа переживает своего рода Ренессанс и рост интереса к своим идеям в мире. Эндрю Линклейтер склонен считать современное внимание к школе следствием популяризации ее основных исследовательских практик такими влиятельными международниками как Бэрри Бузан и Ричард Литтл [8, р. 84], другие ученые – связывают «возрождение» с формированием третьего поколения школы, представленного именами Тима Дюна, Кена Буса, Фреда Халлидея, Роберта Джексона и другими [5, с. 91–110]. Поскольку у этих лиц давно существуют свои ученики, то уже упоминавшийся Бэрри Бузан пишет сегодня о существовании четвертого поколения английских международников, в центре исследовательских интересов которых находится проблематика не международного, а мирового общества [9, р. 109–161]. Таким образом, можно говорить о существовании трех-четырех поколений внутри школы, начиная с 1950 годов и об эволюции проблематики работ от международных к мирополитическим исследованиям.

Вопросы изучения английской школы в науке не получили пока широкого распространения, однако отдельные статьи и разделы в работах по изучению теории международных отношений стали появляться как в отечественной, так и в зарубежной науке. Это свидетельствует, в свою очередь, о признании школы как довольно крупного и значимого явления в изучении международных отношений. Например, А.Г. Дугин основной вклад этой «парадигмы» международных исследований видит в компромиссном характере выводов английских ученых между традициями современного неореализма и неолиберальным институционализмом [2, с. 55–60]. Здесь творческое наследие школы воспринимается и как удачное завершение третьего «большого спора» в международных отношениях, и как переход к конструктивистским исследованиям отдельных тем современной международной жизни. Другие аналитики склонны видеть в английской школе напротив лишь небольшое отклонение от мейнстрима теоретических рассуждений о международных отношениях и тогда школа предстает лишь британским вариантом неореализма, где акцент делается не на политическом взаимодействии государств и безопасности, а на смещении тематики в сторону социального порядка в международной сфере [8, р. 85].

Из сказанного поднимается проблема об инструментах изучения английской школы на разных этапах ее существования. Например, можно пойти по пути выявления концептуальных основ и институтов школы, можно прибегнуть к сравнению английской и американской теории международных отношений. Однако учитывая, что и та и другая традиция внутренне многомерны, представляется целесообразным поместить творчество отдельных представителей первого и второго поколений школы в историографический контекст основных направлений общественно-политической мысли, чтобы выявить специфику ключевых взглядов британских международников в 1960–1980 годы и истоки формирования общей концепции школы.

Определенный задел для такого рода исследования дает историографическая оценка, высказанная в свое время И.И. Шарифжановым, который замечал, что во второй половине XX века ключевыми фигурами в английской исторической науке были Арнольд Тойнби и Герберт Баттерфильд, олицетворявшие собой два разных научных направления – либеральное и консервативное [6, с. 73]. Творчество двух указанных историков в рамках этого подхода выглядит как альтернативные традиции историописания. А. Тойнби (1889–1975) воспринимается как один из самых ярких создателей цивилизационного подхода в XX веке, Г. Баттерфильд (1900–1979) известен в первую очередь как крупный религиозный мыслитель. И даже его обращение к политической истории, по существу к одному из самых консервативных разделов историописания в английской традиции, воспринимается в качестве от-

ступления от тем, которые интересовали ученого всю жизнь. По своим религиозным взглядам он был диссентером, и долгое время скрывал свою принадлежность к методистской церкви. В Оксфорд он, по-видимому, поступил, по настоянию отца, который хотел, чтобы образование позволило сыну стать методистским священником в будущем.

Одним из ключевых вопросов при изучении истории в тематике исследований Баттерфильда был вопрос о передаче опыта от одного поколения к другому. Разрывы между поколениями ученый полагал одной из предпосылок социальных потрясений и заблуждений в науке [7, р. 146]. Эти свои выводы он сформулировал в работе «Вигская интерпретация истории» 1931 года, которая принесла ему широкую научную известность. Сохранение традиций, преемственность между поколениями, вопросы морали – это значимые ориентиры и в науке, и в образовании. Его интерес к искусству государственного управления («wisdom of statecraft», как он сам называл это в оригинале) напоминает своего рода латинскую средневековую «desiderata» – жанр морально обоснованных советов, передаваемых будущему поколению правителей. Не случайно, что Маргарет Тэтчер, лидер британских консерваторов, назвала одну из своих книг в такой же манере «Искусство управления государством», и здесь обнаруживается явное созвучие с названием ключевой работы Баттерфильда. Все это свидетельствует о консервативном характере взглядов Герберта Баттерфильда в историографическом контексте второй половины прошлого века.

Напротив, Арнольд Тойнби в «Постижении истории» раскрывается как оригинальный мыслитель, сторонник новых подходов к ее изучению. Признавая цивилизационную неоднородность мира, он ищет закономерности совсем не в тех сферах, которые интересовали Баттерфильда. В своих работах, посвященных сюжетам политической истории, сэр Герберт сравнивает баланс сил с законами механики, а Тойнби при обосновании гипотез интересуют отдельные корреляции, объясняющие различное течение политических процессов. Так, например, перенос столицы государства может свидетельствовать об изменении фазы развития цивилизации [3, с. 509–515]. Многие рассуждения Тойнби выглядят на языке современной политической науки не более чем гипотезы внимательного наблюдателя – они не просчитываются в цифрах, не проверяются верифицируемыми процедурами, не основаны на базах данных, а доказываются отдельным иллюстративным материалом.

Однако, такое поверхностное восприятие отдельных идей и первого и второго историков, не дает достаточных оснований противопоставлять их творческое наследие как альтернативное, скорее напоминает спор о «старых» и «новых» путях исследования истории, существовавших в английской исторической науке в 1950–1970 годы.

Чарльз Энтони Вудвард Мэннинг (1894–1978) еще один видный представитель школы первого поколения. Он родился и получил среднее образование в церковной школе в Южной Африке. В Европу приехал в 1914 году для получения профессионального образования и почти сразу оказался в английской армии. По окончании войны он был принят в Оксфордский университет (Колледж Бразенос), где изучал право и философию. В 1922 году он становится адвокатом и вскоре начинает заниматься преподавательской деятельностью в новом колледже Пемброук (Оксфорд), где в общей сложности он проработал около шести лет с двумя перерывами [9, р. IX.]. В 1925–1926 году Мэннинг выиграл научный грант и при поддержке Фонда Рокфеллера проходил годичную стажировку в Гарвардском университете в США. После этого он оказывается в штате сотрудников Международной организации труда, а затем, становится личным помощником Генерального секретаря Лиги Наций. Не прекращал в эти годы он и преподавательскую деятельность. В частности, его приглашали ассистировать Альфреду Циммерну, преподававшему право в Женевской школе международных исследований. В Швейцарии в то время размещалась Штаб-квартира Лиги Наций. В конце 1920 годов он

возвращается в Великобританию, к постоянной преподавательской деятельности в Оксфорде, но в начале 1930 года Мэннинг перебирается в Лондонскую школу экономики и политических исследований на должность профессора международных отношений. Вскоре он возглавляет кафедру и сохраняет этот пост вплоть до своей отставки в 1962 году [13, р. IX]. В годы второй мировой войны он сотрудничал еще и Королевским институтом международных отношений в Четэм-Хаузе, где работал в течение 33 лет Арнольд Тойнби [15, р. VII]. Сам Тойнби всегда с большой теплотой отзывался о периоде своей работы в этом институте [4, с. 238–256].

После своего ухода с должности заведующего кафедрой в начале 1960-х гг. он продолжал еще какое-то время преподавать в Лондонской школе экономики. При этом, Хидеми Суганами, слушавший его лекции в начале 1970 годов, вспоминал, что, уже, будучи известным ученым, почтенным профессором, Мэннинг каждый раз как ребенок волновался по поводу того, какое количество студентов придет к нему на первую лекцию [14, р. 92]. Приходило не много, но те, кто приходил, попадали под его несомненное влияние. В 1970 годы он читал лишь спецкурс в магистратуре, который сам предпочитал называть «Структура международного общества». Его биография демонстрирует то, что большую часть своей жизни он был преподавателем и тем запомнился большинству будущих английских международныхников.

Как ученый он опубликовал за свою жизнь около 40 работ [14, р. 106–107]. Но, в основном, это были работы статейного характера, небольшие по объему, а некоторые из них имели еще и публицистическую направленность. Они до сих пор вызывают неоднозначные оценки. Так, например, в Великобритании Мэннинг возглавлял одно время общество выходцев из Южной Африки. А поскольку ЮАР проводила политику апартеида и колониальную политику в отношении Намибии, то страна его детства часто оказывалась в поле критики общественности. В этих условиях в 1960 годы он написал ряд статей, где оправдывал позицию режима Претории и критиковал действия Международного суда ООН, пытавшегося осудить политику Южноафриканской республики.

Собственно центральной монографией, работой всей его жизни, обобщившей интерес к международным отношениям, стала книга «Природа международного общества», впервые вышедшая в 1962 году [12]. Учитывая его многолетний опыт в качестве преподавателя, такая ситуация не может не свидетельствовать о том, что он был глубоко сомневающимся человеком. Писал он несоизмеримо меньше, чем думал и рассуждал о международных отношениях. Сам он с известной долей иронии относился к тому, что за тридцать с лишним лет работы написал только одну большую книгу. Одному из своих учеников он говорил, что его жизнь состоит из трех частей: треть посвящена изучению философии, треть – преподаванию, треть – чтению газет» [14, р. 92].

Однако без ссылок на его работу не обходилось ни одно серьезное исследование по международным отношениям в Британии в 1960–1970 годы. На два десятилетия книга Чарльза Мэннинга стала концентрированным выражением большинства идей для английских исследователей, пишущих на международные темы. Примечательно, что, не имея такого отклика, какой имела работа Эдварда Кара, книга Мэннинга была переиздана в 1975. Небезынтересно и то, что работ такого уровня было немного в то время и в США – общепризнанном центре развития международной теории. Сравнимые по значению монографии, написанные одним ученым, появились лишь в конце 1970 гг. Это «Теория международной политики» Кеннета Уолтца в США и «Анархическое общество» Хейдли Булла в Великобритании. Однако, последний также лично выражал признательность Мэннингу еще в «Дипломатических исследованиях» в 1966 году за те идеи, которые Булл развивал в своих книгах [12, р. 35]. Кроме того, обе упомянутые работы вышли в конце 1970 гг. Таким образом, совместная работа с Тойнби в Четэм-Хаузе не оставила ника-

кого следа в концепции данного ученого, в отличие от другого видного представителя школы Мартина Уайта.

В сравнении с творчеством Тойнби, наследие Мартина Уайта (1913–1972) демонстрирует иные особенности становления английской теории международных отношений. Уайт по происхождению был из профессорской семьи и на его мировоззрение большое влияние оказал христианский пацифизм межвоенного периода. Именно этим обстоятельством объясняется его ранний интерес к политической истории. По своим убеждениям Уайт в то время был христианским пацифистом. Пацифизм был своего рода реакцией людей его поколения на Первую мировую войну. Своим коллегам по Оксфорду он запомнился как страстный сторонник Лиги Наций. Но если события в Абиссинии стали для английского общественного мнения травмирующим международным устойчивым опытом, то фашизм оказался не только испытанием для страны, но и мировоззренческим кризисом для многих пацифистов.

Пацифизм Уайта основывался на убеждении, что существует противоречие между христианским учением о человеческой жизни и войной, смертной казнью, эвтаназией. Он в то время не призывал к отмене смертной казни или к запрету войны, но видел в пацифистской позиции долгосрочную моральную опору по установлению прочного мира. Нельзя не признать, что его пацифизм носил скорее доктринальный, нежели прагматический характер. Он не указывал, насколько это можно судить по его статье, «Христианский пацифизм» способы достижения конкретного результата, а просто был убежден, что христианская мораль не оставляет никакой альтернативы, чем мир между народами.

Поэтому Вторая мировая война оказалась для него проблемой и не только потому, что он упал духом, разрушились иллюзии молодости, разлетелись на осколки его умозрительные аргументы, но и потому, что нацистская тирания стала периодом краха политики умиротворения для его страны и пацифистского кредо для людей его поколения. Хотя еще в 1940 году он пытался отстаивать свой пацифизм на одном из публичных диспутов, заявляя, что «война – это конвульсия цивилизации, которая забыла свое христианское происхождение. Она появилась в силу растущего воздействия секуляризма и материализма, разрушившего христианское единство Европы на корпорации в себе» [18, р. 16], но, в целом, военные годы оказались и творческим кризисом для исследователя. Как минимум, кажется вовсе не случайным, что первые представители английской теории международных отношений имели религиозное кредо. В известном смысле разработка теории международной политики для Уайта оказалась реакцией на кризис пацифистских и идеалистических взглядов на международные отношения.

Уайт и Тойнби также были лично знакомы друг с другом. Их сближала совместная работа в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований. Здесь Мартин Уайт познакомился с Арнольдом Тойнби, сотрудничеством с которым будущий международник очень гордился и, несомненно, попал под влияние идей известного британского ученого в 1930 годы. Вместе они готовили ряд научных сборников. Однако в научном отношении сильное влияние Тойнби скорее препятствовало формированию Уайта как самостоятельного исследователя международных отношений. Только после войны в 1949 году в издательстве Королевского института по международным отношениям выходит его небольшая по объему работа «Политика держав» – оригинальный памфлет, который стал карманным словариком для нескольких поколений английских студентов и, пожалуй, самой известной его работой [16, р. 1–68]. В этой книге, Уайт целиком и полностью уделит внимание проработке терминологии в сфере международных отношений. Считая, что разговор о них должен идти в строгом научном ключе (термин «сциентизм» он тогда не употреблял), исследователю понадобилось и разобратся в ключевых категориях. Из их анализа и вырастает некоторое подобие международной теории.

Примечательно, что эта работа, будучи по существу первой теоретической стала для международного и главной работой его жизни. Видимо, к этой своей книге Уайт возвращался на протяжении всей оставшейся жизни. Незадолго до смерти он писал: «Я думаю, что нужен окончательный вариант, в котором объединилось бы огромное количество моих работ, разрозненных статей и фрагментов, которые необходимо свести в одно издание. Это то, чего я жду от «Политики государств». Никсоновские решения по Китаю, вхождение Японии в число Великих держав и другие сюжеты создают необходимость для написания еще одной главы» [17, р. 15]. К сожалению, сам Уайт эту работу закончить не успел. И в предисловии ко второму изданию этой книги Хейдли Булл, осуществлявший редакторскую правку текста, отметил, что некоторые фрагменты были вставлены из неопубликованных рукописей М. Уайта [18, р. 19]. Таким образом, его ученики в память о своем учителе выпустили после его кончины вторую редакцию, более объемную и существенно переделанную, помимо первого издания 1949 года.

Хотя эссе в первоначальной редакции насчитывало всего 68 страниц, оно оказало глубокое воздействие на изучение международных отношений в университетах Великобритании. Более того, эта работа выходит почти в то же время, что и известная книга Г. Моргентау, от которой ведет свое происхождение современная теория международных отношений. Конечно, в первоначальном виде, по проработанности отдельных положений работа Уайта уступала труду Моргентау. Но именно в этой работе впервые фиксируется переход от анализа отдельных исторических сюжетов к общей теоретической проблематике изучения международных отношений. Кроме того, Уайт здесь говорил о систематизирующем влиянии баланса сил в международных отношениях – тема, которая сблизила Уайта с его учителем по Оксфорду – Г. Баттерфильдом, а в конце 1950-х они создают семинар, посвященный изучению внешней политики.

Хейдли Булл (1932–1985), будучи по происхождению австралийцем, поступает в университет в Сиднее, где планирует изучать историю и философию. Там же он попадает под сильное влияние профессора Джона Андерсона (1893–1962), основателя философии австралийского реализма. В последующем философский уровень рассуждений почти всегда был присущ работам Хейдли Булла, Эта черта была характерна и для Мэннинга.

Получив диплом бакалавра, в 1953 году он переезжает в Великобританию для изучения политологии в Оксфорде 1953–1955, а еще через два года становится ассистентом в Лондонской школе экономики, где и читал лекции Мартин Уайт. С 1965 года в течение двух лет Булл работал на Форин Офис и дослужился до начальника департамента по контролю за вооружениями и разоружением, что для иностранца было вовсе не таким уж простым делом.

После отставки в 1967 Булл начинает преподавать и в университете Канберры. Там же в Австралии в Национальном университете сегодня находится и Центр исследований имени Х. Булла. С 1977 года он параллельно был профессором Оксфорда, как и продолжал работать вплоть до своей смерти от рака в 1985 году в Лондонской школе экономики.

Таким образом, если внимательно присмотреться к указанным фактам его биографии, то можно увидеть важные для понимания науки второй половины XX века черты. Например, интерес к междисциплинарному синтезу научного знания в 1950–1960 годы, становление политологии как самостоятельной науки, спрос на специалистов-прикладников, означавший выделение международных отношений в относительно автономную сферу исследований. Академическая мобильность ученого на Западе во второй половине XX века и другие.

Кроме того, в его жизни просматриваются и важные социально-политические перемены эпохи, определившие уникальный контекст идейного своеобразия школы. Начало процессов интеграции Европы и экономической глобализации Запады, своеобразно предоставивших путь Буллу в поли-

тику и дипломатию в стране, где еще в XIX эта профессия считалась делом наследственным и аристократическим. Сочетание преподавания и практической работы в жизни ученого, требующие готовности от исследователя, выступать не только интеллектуалом в своем деле, но и экспертом, прикладником, и другие. Наконец, принадлежность к англоязычному миру, связи между странами в рамках британского Содружества дали ему возможность построить карьеру и преодолеть «синдром мигранта» в другой стране так, что Великобритания стала ему вторым домом, а его имя олицетворением английской международной теории. Поэтому, одной из классических черт «английского» дискурса о международных отношениях становится восприятие их с позиций международного общества, представляющего собой относительно целое надгосударственное образование, а не сообщество стран, разделенное государственными границами.

Этот момент стал не просто первой характерной чертой, но едва ли не визитной карточкой английской школы. В этом смысле Хедли Булл был, пожалуй, одним из первых, кто проанализировал международное общество в системе категорий анархия, международная (межгосударственная) система, международный и мировой порядок.

Вслед за американскими реалистами Булл признает анархию ведущей силой развития международных отношений. «Анархия» трактуется как отсутствие мирового правительства, единой верховной власти при взаимодействии равноправных государств. При этом анархия не абсолютна и имеет ряд ограничений, а периоды мира в анархичных по своей природе отношениях между странами вовсе не случайны. Безграничная хаотическая природа взаимодействия стран сдерживается как самими государствами, так и международной системой [7, р. 8–10]. Иначе говоря, в отличие от американской традиции теории международных отношений, для английской школы наличие международного порядка не исключение из правил анархичного взаимодействия государств, а скорее характерная черта международной жизни.

Порядок как ведущий концепт центральной работы Хедли Булла поддерживается изменениями во внутренней природе государств, сообществом государств и международным обществом.

«Государство» трактуется международником в реалистической гоббсманской манере. Под ними понимаются «независимые политические сообщества, каждое из которых имеет правительство и утверждает суверенитет в отношении значительной части территории и населения, и являются юридически независимыми извне [7, р. 8]. Отметим, что универсального определения государства не существует, а необходимые для его дефиниции признаки в этом понятии присутствуют. Подход Булла, как минимум, встретил бы понимание отечественных специалистов по теории государства и политологов.

Аналогичное можно сказать и о понятии «международная система». Системность в теории международных отношений относится к числу сложных и дискуссионных понятий. Специфика «английского» подхода в концепции Хедли Булла проявляется в том, что наличие системы не только не исключает хаоса в международных отношениях, но и противопоставляется понятию международного общества.

Система в международных отношениях формируется усилиями государств и появляется тогда, когда два или более государства имеют существенные контакты между собой и значительно зависят от решения другого как части целого. Система есть результат роста и интенсивности межгосударственных взаимодействий. Система формируется на базе общих интересов, ценностей и политической культуры стран [7, р. 10].

Параллельно существует понятие «международное общество» (сообщество государств), отличное от международной системы. Международное общество образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов. Международное общество предполагает международную систему, но послед-

няя может существовать и без международного общества. Османская империя была частью международной системы с момента ее появления, но стала участником международного общества, только после Первой мировой войны [7, р. 13-14].

Таким образом, международное общество оказывается более узким по объему понятием, чем международная система, но более динамичным по внутренним характеристикам. Именно здесь разрабатываются правила и нормы, определяющие своеобразие международного порядка в ту или иную эпоху. Справедливо в этом отношении ироничное замечание А.Д. Богатурова, что «международное общество выступает авангардом международной системы» [1, с. 337].

Консервативные черты мировоззрения ученого проявились и в ряде других аспектах его творчества. Так, расширение круга источников международного права, что было зафиксировано в статье 38 Устава Международного суда, на практике подрывает исключительную роль международных договоров. Обилие многосторонних международных конвенций ведет к дифференциации договоров на «жесткое» и «мягкое» право; на законодательство, обязательное для исполнения и право, отклонение от которого не приводит к санкциям. Понимание роли международного права как механизма социальной инженерии приводит к повышению статуса субъективных правовых факторов: доктрины, толкований, разного рода судов, наконец, доходов юристов, но отнюдь не способствует стабилизации отношений между государствами. Развитие и расширение перечня и содержания прав человека во второй половине XX века, в свою очередь, способствовало наделению индивида чертами международной публичной правосубъектности, но не укрепило доверие между странами. В итоге обилие норм, дифференциация отраслей, субъектов и институтов международного права скорее подрывает порядок, чем способствует международной стабилизации [7, р. 160-162]. Международная система в этих условиях регулирует отношения с помощью традиционного способа силы, а международное право утрачивает свою уникальную ценность.

Таким образом, в концепции Х. Булла стоит видеть не олицетворение международно-правового нигилизма ученого, а парадоксальный британский консерватизм и юридическую принципиальность. Несмотря на категоричность мышления, Булл подчеркнул основную черту международного права в качестве регулятора международных отношений. Право поддерживает и регулирует лишь типичные общественные отношения между классическими субъектами международных отношений (то есть, характерные отношения между странами), а попытки использовать его в иных ситуациях способны привести к обратному эффекту – дерегулированию и замене правового механизма внеправовым, что опасно для социума не только во внутриобщественных отношениях, но и в международных. При общности правовой семьи Великобритании и США, английский подход в сравнении с американской традицией отличается признанием исключительной ценности международного права.

Английская школа теории международных отношений, в основе которой лежали вопросы международного порядка и концепция «международного общества» возникла в интеллектуальной среде, близкой к консервативному направлению в английской историографии. Не случайно, что среди основателей школы были люди с глубоким религиозным мировоззрением (Г. Баттерфильд и М. Уайт).

Еще два крупных представителя школы первых поколений были мигрантами в Великобританию: Хейдли Булл был выходцем из Австралии, а Чарльз Мэннинг из Южной Африки. Их удачный опыт адаптации в другой стране, чему в немалой степени способствовали общность языка, приобщение к традициям английской науки и классическому европейскому образованию привели к тому, что на мир они смотрели не с «национальных», а с более

широких мировоззренческих позиций. Восприятие мира сквозь призму общества выдавало собственное ощущение ученых, доказывающих принадлежность западному миру и западной цивилизации.

При этом конструкция «Запад» во второй половине XX века была в известном смысле порождением эпохи холодной войны – эпохи, в которой Европа не играла роль самостоятельного центра силы до 1960–1970 годов. В Западе видели, не только противоположность Востоку, но и более сложную дискурсивную модель, вобравшую в себя концептуально широкий круг проблем международной жизни. Особые отношение с Соединенными Штатами, противопоставление третьему миру как следствие крушения колониальной системы, переосмысление ключевых императивов внешней политики в ядерный век, ослабление роли Великобритании в делах мира, рост протестных движений – все эти факторы способствовали смещению акцентов при изучении традиционных аспектов международных отношений. Именно в это время и в этом месте появляется концепция «международного общества», где вопросы поддержания порядка в международных отношениях стали более актуальными, чем формулирование национальных интересов страны. Ученые в рамках английской школы предлагали в этой связи некую альтернативу американскому политическому реализму, хотя и не дистанцировались от американской теории целиком.

Примечательна в этом отношении позиция Хейдли Булла, который под международным обществом понимал, в первую очередь, общество не индивидов, а государств. Такая специфичная позиция нашла отражение в ключевой его работе «Анархическое общество», где подчеркивалось, что наличие хаоса не исключает взаимодействия и порядка в международной сфере. Развитие этих идей представителями первых поколений школы привело к поиску истоков международного общества, который они нашли в истории средневековой Европы. Сформировавшись как сообщество европейских стран, международное общество совершило экспансию в остальной мир, чему была посвящена одна из двух коллективных монографий школы и отдельные работы исследователей.

Творчество Арнольда Тойнби с его идеей многообразия цивилизаций, вариативностью судеб их развития выступает на этом западнцентричном фоне одной цивилизации английской школы альтернативным, а не компромиссным примером английской историографии и хорошим маркером, иллюстрирующим место английской теоретической традиции рассуждений о международных отношениях. Не случайным в этой связи представляется, что личное знакомство и совместный опыт работы с Тойнби выступали препятствием для формирования взглядов Мартина Уайта в концепцию, а Рой Джонс критиковал английскую школу за консервативный и догматичный стиль.

Литература

1. Богатуров, А.Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений [Текст] / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталеv. – М. : НОФМО, 2002. – 384 с.
2. Дугин, А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теория, социология [Текст] / А.Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2013. – 348 с.
3. Тойнби, А.Дж. Постижение истории : сборник [Текст] / А.Дж. Тойнби. – М. : Изд-во Прогресс, 1991. – 736 с.
4. Тойнби, А.Дж. Тридцать три года в Четем-Хаусе [Текст] / А.Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории : сборник. – М. : СПб. : Ювента, 1996. – С. 238–256.
5. Цыганков, А.П. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий [Текст] / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 238 с.
6. Шарифжанов, И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления [Текст] / И.И. Шарифжанов. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 240 с.

7. Bull, H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics* [Text] / H. Bull. - New York : Colombia University Press, 1977. - 335 p.
8. Burchill, S. *Theories of International Relations* [Text] / S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak. - Third editions. - New York : Palgrave Macmillan, 2005. - 310 p.
9. Buzan, B. *From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization* [Text] / B. Buzan. - Cambridge : Cambridge University Press, 2004. - 295 p.
10. Coll, Alberto R. *The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics* [Text] / Alberto R. Coll. - Durham : Duke University Press, 1985. - 173 p.
11. *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. Ed. by Butterfield H. and Wight M. [Text] / H. Butterfield and M. Wight. - L., 1966. - 227 p.
12. Jones, R. *The English School of International Relations: A Case for Closure* [Text] / R. Jones // *Review of International Studies*. - Vol. 7. - No. 1. - 1981. - PP. 185-206.
13. Manning, C.A.W. *The Nature of International Society* [Text] / C.A.W. Manning. - L. : London School of Economics and Political Science, 1975. - 220 p.
14. Suganami, H. *C.A.W. Manning and the Study of International Relations* [Text] / H. Suganami // *Review of International Studies*. - 2001. - № 27. - P. 91-107.
15. *The Bases of International Order. Essays in honour of C.A.W. Manning*. Ed. by A. James. - London ; New York : Oxford University Press, 1973.
16. Wight, M. *Power Politics* [Text] / M. Wight. - L. : Royal Institute of International Relations, 1949. - 68 p.
17. Wight, M. *System of State*. Ed. by H. Bull [Text] / M. Wight. - Leicester, 1977. - 232 p.
18. Wight, M. *Power Politics*. Ed. by H. Bull and C. Holbrood [Text] / M. Wight. - Leicester, 1979. - 317 p.

С.А. ТЕРЕХОВА

S.A. TEREKHOVA

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ РОССИЕЙ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л.А. ТИХОМИРОВАPROBLEMS OF WESTERN
CAUCASUS DEVELOPMENT BY RUSSIA
IN L.A. TIKHOMIROV'S JOURNALISM

В статье анализируется публицистическое наследие Льва Тихомирова, посвященное проблемам и перспективам освоения Российской империей территории Западного Кавказа.

In the article the journalism heritage of Leo Tikhomirov devoted to problems and prospects of development of the territory of Western Caucasus by the Russian Empire is analyzed.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Черноморский округ, Новороссийск, Сочи, государство, колонизация, переселенческая политика, социально-экономическое развитие, хлебная торговля.

Key words: Western Caucasus, Black Sea district, Novorossiysk, Sochi, state, colonization, resettlement policy, social and economic development, grain trade.

Лев Александрович Тихомиров как публицист, консервативный мыслитель и общественный деятель весьма подробно изучен современными российскими историками. В постперестроечный период появилось несколько исторических диссертационных работ, посвященных анализу его идейной эволюции, различным аспектам его жизни и общественно-политической деятельности [3, 11, 23, 22, 36, 9, 37], и монографий [13, 15, 16]. В 2011 г. исследования биографии Л.А. Тихомирова получили свое логическое завершение в капитальной монографии О.А. Милевского и А.В. Репникова [20].

Однако столь пристальное внимание ученых к изучению коллизий жизни и политической карьеры Л.А. Тихомирова до сих пор не закрыло всех «белых пятен», особенно это ощущается при изучении его огромного и многопланового публицистического наследия. В этом отношении наименее изучена его публицистика, посвященная проблемам укоренения России и усиления ее социально-экономического, социокультурного и религиозного влияния на национальных окраинах и территориях, недавно к ней присоединенных.

Нельзя сказать, что в этом отношении совсем ничего не делалось. Так, О.А. Милевский в своих статьях уделил серьезное внимание проблемам усиления российского экономического, социокультурного и геополитического влияния на Дальнем Востоке [7, 14], об этом же он достаточно развернуто написал в разделе своей докторской диссертации [9, с. 391–419]. А.В. Репников в монографии «Консервативные концепции переустройства России» также обращался к этому вопросу [17, с. 247–250]. Однако рассмотрение публицистического наследия Л.А. Тихомирова, посвященного анализу роли и значения, в том числе геополитического, для России Западного Кавказа не проводилось, а ведь этот регион всегда имел для России важнейшее экономическое и геостратегическое положение, что отчетливо осознавал Л.А. Тихомиров, посвятивший освещению и анализу проблем развития этого относительно недавно присоединенного к России края несколько серьезных публикаций.

Жизнь Л.А. Тихомирова на всем ее протяжении была генетически связана с Западным Кавказом. Его отец Александр Александрович Тихомиров окончил Московскую медико-хирургическую академию и был направлен во-

енным врачом на Кавказ. Там же в местечке Геленджик 19 (31) января 1852 г. родился Лев Тихомиров.

Детские и отроческие годы Л. Тихомирова прошли в суровых условиях тогда еще не окончательно усмиренного Западного Кавказа. Впоследствии он писал, что «прекрасная суровая природа Кавказа, пропитанная духом войны с непокорными горцами, рождающая постоянное чувство опасности и напряжения, волновала романтическое воображение подрастающего мальчика. Постоянные контакты с офицерами действующей Кавказской армии сформировали в нем будущем горячего русского патриота» [20, с. 28].

Освоение только что покоренного края формировало совсем другой тип личности, личности проникнутой осознанием причастности к совершению великого исторического дела. Вот как сам Л.А. Тихомиров вспоминал об этом: «Жизнь на Кавказе была проникнута глубоким смыслом, гораздо более чем в любой другой области России... Тут человек сознавал, что он недаром живет на свете, а совершает некоторую хотя бы и малую долю великого дела. Если бы спросить жителей любой губернии, для чего они существуют на свете, они бы очень затруднились объяснить это. Но старый кавказец знал, для чего он живет, знал, что исполняет великую национальную и культурную роль в трудном, непрерывном подвиге, в сложной непрестанной борьбе с природой и людьми. Оттого-то старые кавказцы и были такими патриотами своего края. Он был их детищем; своими трудами и нервами они достраивали здесь Россию, создавали новую могучую ее окраину, где разнообразные туземные племена приобщались к культурной жизни под гегемонией России...» [29, с. 69]. Свою любовь к Кавказу и преклонение перед цивилизаторской миссией, которую на себя взяла Россия в этом регионе, он сохранил до конца своих дней.

После нелегких жизненных передрыг, возвращаясь в Новороссийск, куда его родители окончательно перебрались в 1862 г.¹, он как бы набирался в этом крае «моря и солнца» жизненной энергии. Так было после его выхода из тюрьмы по окончании «процесса 193-х», когда он, залечивая физические и душевные раны, провел в Новороссийске лето 1878 г. и даже для укрепления физических кондиций проделал пешее путешествие по Военно-грузинской дороге [20, с. 84].

В следующий раз судьба привела Л.А. Тихомирова в родной город уже после «революционного отречения» в нашумевшей работе «Почему я престал быть революционером» и подачи на имя императора Александра III прошения о возвращении в Россию в 1888 г.² Л.А. Тихомиров вернулся в Россию 20 января 1889 г. После краткосрочного пребывания в столице, где он встречался с главой Департамента полиции П.Н. Дурново и вел переговоры с главами ведущих литературных изданий, среди которых были В.А. Грингмут, А.В. Суворин и др. на предмет дальнейшего сотрудничества, он 9 февраля 1889 г. вместе с семьей отбыл в г. Новороссийск.

Л.А. Тихомиров прибыл в город своей юности 25 февраля 1889 г. В Новороссийске он поселился в доме своей матери Христины Николаевны, встреча с которой несомненно скрашивала его ссылку. Он застал в городсущественные перемены, однако сразу бросалась в глаза некоторая неустроенность. «Новороссийск – город некрасивый, будто не dokonченный и растрепанный. Вообще город «не славный и не древний», хотя довольно живой... Город производит впечатление бестолковости и неопрятности... Одним сло-

¹ А.А. Тихомиров 3 августа 1862 г. получил должность главного врача в военном госпитале на Константиновском укреплении, которое и дало впоследствии «второе рождение» г. Новороссийску» [16, с. 112].

² 10 ноября 1888 г. император Александр III утвердил доклад МВД Д.А. Толстого, посчитав возможным «полное помилование, с тем чтобы по возвращении в Отечество он был водворен в определенную местность под надзор полиции сроком на 5 лет» [11, с. 216].

вом, такой город, что бежать, скорей расстаться с Новороссийском желание всякого, даже нетребовательного человека, и желание весьма понятное», – писал в начале 1900-х гг. журналист С.И. Васюков [1, с. 15].

Хотя город развивался, что сразу бросалось в глаза. Тем более Л.А. Тихомирову было с чем сравнивать. Если в 1866 г., когда Новороссийск вновь получил статус города¹, он являл собой весьма жалкое зрелище – домов в нем насчитывалось 90, жителей же числилось 434 человека. Ни учебных заведений, ни даже почтового учреждения в городе не было. То к началу 1890-х гг. жизнь в городе, несмотря на определенные трудности заселения Черноморского побережья была более оживленной. Особенно этому способствовала постройка и открытие в 1888 г. ветви Владикавказской железной дороги от станции Тихорецкой до самого Новороссийска [19, с. 143–144].

С момента открытия железнодорожного сообщения Новороссийск начал быстро расти экономически и в несколько лет приобрел значение крупного торгового порта. Все эти перемены в изменении социально-экономического, да и геостратегического значения города для Российской империи воочию наблюдал и анализировал в своих статьях Л.А. Тихомиров.

Перед отъездом из столицы он договорился о сотрудничестве с рядом консервативных изданий, в первую очередь с газетой «Московские ведомости». Сотрудничество Л.А. Тихомирова в этом издании давало ему возможность, с одной стороны, поддержать семью финансово за счет гонораров, а с другой стороны, опубликовать ряд программных статей, среди которых, например, были работы, сделавшие его имя известным в консервативных кругах. Среди публикаций подобного рода следует назвать статьи «Несколько замечаний на полемику с эмигрантами» и особенно «Очередной вопрос» и «Начала и концы. Либералы и террористы» [20, с. 226–231].

Кроме печатных выступлений по актуальным общественно-политическим темам, Л.А. Тихомиров много внимания уделял и освещению проблем развития территорий Западного Кавказа. В Новороссийске он начал активно заниматься историей колонизации края и его освоения. Сам Л.А. Тихомиров вспоминал, что «собирался писать историю русского завоевания моей родины и по этому поводу входил в сношения с известным екатеринодарским исследователем Фелицыным, имел архивные документы Новороссийского округа благодаря любезности его тогдашнего начальника старшины войскового старшины Соколова» [29, с. 128].

Фигура Е.Д. Фелицына вообще является знаковой для становления кубанской журналистики и краеведения, связанного в том числе и с изучением черноморского побережья Кавказа. С 1875 по 1881 г. он выпускал «Памятные книжки Кубанской области», в которых наряду со справочно-статистическими данными публиковались материалы по истории, географии, природным ресурсам Кубани и Черноморского побережья Кавказа [5, с. 9]. С мая 1879 г. по 1893 гг. Е.Д. Фелицын редактировал неофициальную часть «Кубанских ведомостей» [5, с. 10, 16].

Естественно контакты с этим человеком помогли Л.А. Тихомирову быстрее войти в курс дела. Тем более, что современные проблемы социально-экономического развития Кубани и Западного Кавказа его очень интересовали. Лучше познакомившись с местной спецификой, Л.А. Тихомиров начал освещать проблемные вопросы развития этого региона в «Московских ведомостях».

При этом следует отметить, что подходил он к вопросам развития российского черноморского побережья, исходя из осознания общенациональных государственных задач России в этом регионе. В своих статьях новороссийского периода он концентрировался на ряде проблем.

Во-первых, это выяснение значения России и русских как государственного образующего элемента на территориях Кубани и Западного Кавказа.

¹ Положением от 10 марта 1866 г. был учрежден особый Черноморский округ, центром которого был определен Новороссийск [18, с. 258–259].

Во-вторых, это проблемы, связанные с ролью России как государства в социокультурном и хозяйственном освоении новых черноморских территорий.

В-третьих, это оценка геополитического и геостратегического потенциала этих территорий.

В статьях, которые можно отнести к первой группе он обращал внимание на особую цивилизационную роль России и русских, несущих в своей ментальности мощные «государственнические инстинкты», на вновь приобретенных землях. Так, в статье «К вопросу о писарях», посвященной попытке введения земских учреждений на казацких землях Кубани, он отмечал, что «наши казацьи земли не только для России, но и вообще для других стран представляют явление чрезвычайно «передовое» в истинном смысле слова в том отношении, что наиболее освободились от понятия о какой-то раздельности государственной и общественной «земли». Много зла делает это понятие, естественное в смысле «историческом», но совершенно устарелое, упр[аздненное] логикой государственного развития» [24].

Еще более явно он выразил эту идею в статье, прямо к Кавказу не относящейся, но показательной в плане общей оценки Л.А. Тихомировым принципов управления покоренными территориями. Статья была опубликована в 1890 г. в журнале «Русское обозрение». В ней, рассматривая некоторые аспекты английской колониальной политики и противопоставляя ей российское укрепление в Средней Азии, он отмечал, что «завоевание держится прочно только при наличности нравственных мотивов, при умении победителя произвести на побежденного достаточно сильное обаяние» [23, с. 930].

Отмечая особенности российской цивилизационной миссии, он подчеркивал, что «в истории России, как и в массе народа до сих пор, эта личная мягкость, уступчивость уравнивается великим представлением о своем государстве и о своем православном общественном типе. Это и теперь можно наблюдать на любой массе, особенно у казаков, наиболее типичных представителей нашей завоевательной идеи» [23, с. 933].

Однако особое внимание он все же уделял непосредственным вопросам, связанным с особым геополитическим значением этого региона для России и вытекающей отсюда насущной необходимостью быстрого развития его экономического и инфраструктурного потенциала. Тем более, что разительные перемены в развитии края и города происходили буквально на глазах Л.А. Тихомирова. В период с 1886 по 1892 гг. в Новороссийске в Цемесской бухте был возведен правительством и Владикавказской железной дорогой ряд портовых сооружений, несколько пристаней, громадный элеватор, зернохранилище, склады, резервуары для нефти и т.п. Все это позволило довести грузооборот порта до громадных размеров. Если в 1888 г. отпуск хлебных товаров достигал только 7500 пудов, то уже в 1895 г. хлебных грузов было вывезено 37 000 000 пудов [35, с. 144].

Изменение экономического облика города не могло не сказаться и на росте социальных проблем. В своих статьях Л.А. Тихомиров отмечал явные экономические достижения в городе и крае, как-то: начало строительства порта и других объектов. Основываясь на наблюдениях и доступных ему статистических документах он прогнозировал, что вскоре Новороссийск потеснит Ростов-на-Дону по торговому обороту и тут же выдвигал идею постройки железной дороги Новороссийск-Царицын [33], которая бы позволила соединить хлебные регионы Поволжья с будущим морским портом.

Форсированный экономический рост Новороссийска был, что называется налицо. Развивалась, несмотря на сложную горную местность и транспортную инфраструктуру, связывающую Новороссийск с другими центрами Черноморского побережья. В 1891 г. русскими инженерами было закончено строительство берегового шоссе до Сухума [1, с. 8].

Все это требовало, по мнению Л.А. Тихомирова, изменения статуса края, а следовательно, и города, формирования в нем сильной городской ад-

министрации дабы, как писал он «золотые горы не проплыли мимо рта». Рассуждал он и о проблеме вытеснения русских инородцами (чехами греками, армянами и проч.). Об этом свидетельствовали и приводимые им цифры: «Из общего дохода недвижимости 60% приходилось на инородцев и лишь 40% на русских» [23]. Однако главным объектом его критики была организация управления округом и городом.

Дело в том, что 21 марта 1888 г. было принято законоположение, в котором Черноморский округ лишался административной самостоятельности и передавался в подчинение Начальнику Кубанской области. Тогда же был утвержден новый штат, по которому состав чинов был значительно сокращен. Должности попечителей прибрежных поселков были упразднены – их заменили три участковых начальника, коим присвоили права станových. Во вновь утвержденном штате не значилась полиция (хотя она и существовала) и суд, сохранился только один мировой судья в Новороссийске. Цифра расходов на содержание округа также была значительно уменьшена. Фактически после подобных административно-управленческих преобразований округ был низведен до степени уезда, подчиненного начальнику с правами исправника и находившегося в полной зависимости и подчинении начальника и административных учреждений Кубанской области, т. е. лишенный всяческой самостоятельности [21, с. 271].

Естественно, что в быстро меняющихся социально-экономических реалиях подобное подчиненное и зависимое от весьма удаленной Кубанской администрации управление округом не отвечало вызовам времени. Л.А. Тихомиров, наблюдавший за развитием Новороссийска и окрестностей, видел все недостатки организации местного управления весьма отчетливо и писал об этом. В своих публикациях он прямо ставил вопрос о «необходимости градоначальства» в Новороссийске» [24], а из этого вытекало и требование повышения административного статуса края и города.

Еще одна тема живо интересовала Л.А. Тихомирова – это вопросы социального характера, в частности, положение трудящегося населения. Картина, которую он воочию наблюдал на улицах Новороссийска, являлась весьма малорадостной. Вот как изображал деловую жизнь портового Новороссийска в своих очерках С.И. Васюков: «Работа идет вовсю: грузятся и разгружаются суда, рваные рабочие разных наций везут, а больше на крепких спинах несут товары... Посмотрите на их истомленные, худые лица, на жилистые, заскорузлые руки – это все бурлаки поденные грузовые рабочие, это необходимая армия пролетариата, армия, без которой не может прожить ни минуты этот богатый порт... Рабочая сила, необходимая незаменимая... А что для этой силы имеется в городе, для нее, этой бесприютной почтит раздетой массы? Жалкие ночлежные приюты, печальные харчевни и кабаки, кабаки без конца... я уж не говорю о болезнях, ибо Новороссийск – город, в котором лихорадка и тиф – явление постоянные» [1, с. 19].

Нетрудно представить, какой перед Л.А. Тихомировым предстала жизнь новороссийского пролетариата. Он писал о процессе люмпенизации трудового населения, отмечая, что «экономический тип Новороссийска складывается в формах нежелательных, невыгодных для разностороннего развития города. Его промышленная деятельность совершенно монополизирована. Бедное, слабое население «кормится» около самого ограниченного числа экономических великанов, в руках которых остаются все миллионные барыши» [32].

Эти газетные рассуждения Л.А. Тихомирова очень напоминали его очерки «С низовьев Дона», написанные им для журнала «Дело» в 1882 г. В свое время они были детально разобраны в диссертации О.А. Милевского, справедливо отметившего на примере рассмотрения экономического развития Ростова-на-Дону, что «в этом цикле статей Л.А. Тихомиров наиболее остро и ярко предупреждал о том, что следуя по такому пути, «Россия в скором времени рискует получить «язву пролетариатства» еще в более худших формах, чем на Западе» [12, с. 70].

Вообще следует отметить определенное созвучие в тональности очерков 1882 г. и статей Л.А. Тихомирова 1890 г. В этом отношении крайне интересными представляются его рассуждения о разных экономических типах развития российских городов. Так, на примере Ростова он описывал «кулацкий тип» города, развившегося самовольно на жестокой эксплуатации пролетариата [2, с. 290–291]. Такому типу город, как Ростов, Ивано-Вознесенск, Юзовка, развившихся самостоятельно, он противопоставлял Таганрог, старый порт, захиревший без государственной поддержки.

Естественно, что, отдавая дань уважения предприимчивости русско-го, да и иностранного капитала в подобного рода городских образованиях, Л.А. Тихомиров желал Новороссийску иной судьбы. В развитии Новороссийска он хотел сочетать напористую агрессивность частного капитала с непосредственным участием государства в регулировании городского развития города и края. Тем более, что Новороссийск в отличие от того же Ростова занимал важнейшее геостратегическое положение – фактически он являлся «форпостом России на Кавказа», его морскими воротами России.

Исходя из этого, в своих статьях он предлагал следующее: «Нужны систематические меры для придания городу настоящего городского характера, для облегчения выработки в нем достаточно многочисленного предпринимательского класса дабы могла существовать конкуренция» [32].

В этом контексте вопрос о скорейшем окончании постройки порта очень волновал Л.А. Тихомирова. Он писал и о проблемах, возникших на этом строительстве, надеясь на то, что его публикации «Московских ведомостей» [28] привлекут к этому вопросу внимание правительственных чиновников.

К сожалению, не удалось найти статей Л.А. Тихомирова в отложившихся коллекциях местных печатных изданий, в частности, в «Кубанских областных ведомостях». Возможно, он не сотрудничал в этом издании из-за своего статуса ссыльного, но скорее всего дело в другом. В 1883 г. редактор «Ведомостей» Е.Д. Фелицын был привлечен к суду за диффамацию. Дело закончилось приговором Тифлисской судебной палаты, по которому Е.Д. Фелицын обязан был заплатить штраф в 25 рублей. И как пишет историк кубанской журналистики И.П. Лотышев: «Это событие отрицательно сказалось на содержании последующих номеров газеты. На страницах «Ведомостей» перестали появляться самостоятельные критические материалы» [5, с. 11]. Л.А. Тихомиров писал статьи именно такого характера, тем более, что объектов для критики было достаточно. Хотя вполне возможно, что местные историки в дальнейшем смогут найти и атрибутировать публикации Л.А. Тихомирова в местной прессе.

Не оставил своего интереса к делам Черноморского округа Л.А. Тихомиров и после своего возвращения из ссылки. Содействие в решении вопроса о досрочном ее прекращении оказал лично П.Н. Дурново, который рассчитывал использовать перо Л.А. Тихомирова-публициста против революционного лагеря. В результате, в июне 1890 г. П.Н. Дурново ходатайствовал перед императором Александром III об облегчении участи Л.А. Тихомирова, с тем, чтобы он мог работать в центре страны. В своем ходатайстве он особенно отмечал брошюру «Начала и концы» и анонимные статьи, направленные против кругов революционной эмиграции [20, с. 232].

Поэтому, «принимая во внимание, что, состоя под гласным надзором полиции в Новороссийске, он не может входить в непосредственное общение с редакциями газет, что препятствует развитию его публицистической деятельности», правительство досрочно освободило Л.А. Тихомирова от гласного надзора полиции и разрешило ему «повсеместное в Империи жительство» [4, с. 36]. Полное помилование, состоявшееся по Высочайшему повелению он получил 11 июля 1890 г. [20, с. 233]. Свой выбор в плане работы и проживания Л.А. Тихомиров сделал в пользу Москвы и «Московских ведомостей». В сентябре 1890 г. семья Тихомировых окончательно переехала в Москву, где Л.А. Тихомиров начал вести в газете отдел «Дневник печати» [20, с. 234–

235]. В это же время он устанавливает тесные контакты с редакцией и литераторами журнала «Русское обозрение» [18, 19]. В этом издании на протяжении 1890-х гг. будут публиковаться его лучшие работы.

Находясь в Москве, Л.А. Тихомиров не забывал о проблемах своей «малой родины». Он продолжал следить за событиями, происходившими на Черноморском побережье Кавказа и собственно в Новороссийске. Своими оценками социально-экономической ситуации в этом регионе он делился с читателями, публикуя кавказские материалы в «Московских ведомостях».

В подобного рода статьях он в некотором роде выступал в роли лоббиста, отстаивавшего первоочередные приоритеты в развитии города и края, в частности, акцентировал внимание на необходимости скорейшего окончания строительства новороссийского порта. При этом он полагал, что порт станет «сильным конкурентом Владикавказской железной дороге», и высказывался за усиление присутствия государства в развитии экономики края. Так он активно отстаивал идею «постройки порта казной, а не частной компанией» [28]. Как всегда, актуально звучали и его критические замечания об организационных слабостях управления на Западном Кавказе.

Серьезную трудность для быстрорастущей экономики Новороссийска представляла нехватка рабочих рук. Переселенческая политика в регионе явно давала сбой. К середине 1890-х гг. в городе постоянно проживало около 3 тысяч человек [35, с. 144], чего, конечно, было явно недостаточно для его развития. Слабо шло и заселение региона, особенно трудно приходилось русским переселенцам, что приводило к оттоку населения обратно в сторону европейской России. Все это лишний раз подтверждало мысли Л.А. Тихомирова о необходимости системных изменений в управлении городом и регионов целом. В конце концов это стало очевидным и для кавказских властей.

1 января 1891 г. Главногоначальствующий гражданской частью на Кавказе С.А. Шереметьев обратился с рапортом к военному министру, указав, что все проведенные преобразования не только поставили «в лучшие условия дело заселения края, но мало подают надежды и на дальнейший успех, если не будут установлены новые, более подходящие административные порядки» [21, с. 271]. Он указал на настоятельную необходимость отделения Черноморского округа от Кубанской области и образование из него самостоятельной единицы с подчинением непосредственно Главногоначальствующему. Был разработан и детальный проект преобразования округа, который С.А. Шереметьев представил в МВД [21, с. 271].

После того, как этот документ прошел все стадии обсуждения, 15 марта 1895 г. последовало Высочайшее повеление об учреждении «Особой Комиссии», результатом работы которой явилось Высочайше утвержденное 23 мая 1896 г. мнение Государственного совета об образовании отдельной административно-территориальной единицы – Черноморской губернии, во главе с губернатором, подчинявшимся непосредственно Главногоначальствующему гражданской частью на Кавказе. Центром новой губернии стал Новороссийск [21, с. 272]. Подобные административные преобразования в управлении были несомненным прорывом в дальнейшем развитии Черноморского побережья Кавказа. В каком-то смысле это была и победа Л.А. Тихомирова.

После 1891 г. Л.А. Тихомиров реже обращался к сугубо кавказской тематике. Однако, следует отметить, что он в своих публикациях особенно в «Русском обозрении» ставил очень важные общенациональные вопросы, вытекавшие, в том числе, из его наблюдений и анализа социально-экономической, социокультурной и национальной политики проводимой государством на недавно присоединенных территориях, будь то Западный Кавказ, Восточная Сибирь или Дальний Востоке. Вот, например, как он оценивал роль Иркутска в судьбах страны. Эта оценка напрямую перекликалась с тем, что писалось им ранее о Новороссийске: «Первое и главное что может интересовать русского человека – это значение Иркутска для России, его роль, как передового форпоста русского национального дела на отдаленных восточных окраинах, которые до того времени не были русскими» [31, с. 441].

И надо сказать, многие из затронутых им тем актуальны и сегодня. Так, он, обращаясь ко всем критикам программы развития России, указывал на то, что нашим «европейцам» следует помнить – Россия страна евроазиатская. «Наши «западники» уже целым десяткам поколений русских настойчиво твердили, что Россия – страна европейская, – писал он, – Далеко не излишне вспомнить, что Россия страна также и азиатская не только географически, не только по «интересам», но также и по этнографическому составу, по историческому прошлому и даже до известной степени, по духовному типу самих русских» [25, с. 441].

Свои размышления по этому поводу он продолжил в другой программной статье «Что же такое Россия?», которую написал как ответ философу В.С. Соловьеву на его статью в газете «Русь» (№ 37, 1897 г.). В.С. Соловьев был известен своими «новационными подходами» к оценке роли православия в судьбах России. Этот обмен мнения являлся отголоском их более ранней журнальной полемики [6].

В.С. Соловьев давал такое определение России: «Россия есть семья народов, собранная вокруг православного русского народа, разделившегося в своем понимании православия и безвыходно пребывавшего в этом разделении» [34, с. 893].

С подобной трактовкой Л.А. Тихомиров согласиться не мог. Он писал: «Судьба России и весь смысл ее существования, зависит от того, во имя чего русский народ собирает все это множество племен в одну Империю... либо православие, как определяющее начало собирания племен – либо Россия есть историческое недоразумение, вопросительный знак, или в лучшем случае нация временно исполняющая историческую должность» [34, с. 894].

Исходя из своих представлений о характере и историческом предназначении Российской империи, Л.А. Тихомиров в этом споре давал принципиально иной ответ, вытекавший из его наблюдений за присутствием и цивилизаторскими мероприятиями государства в «азиатской России» и на Кавказе. Он звучал следующим образом: «Россия есть семья народов, собранная вокруг православного русского народа, в котором не мало разделений в понимании Церкви и веры, и судьбы которого зависят от того, удержится ли господствующим истинное понимание веры и церкви» [34, с. 900]. Дальнейшее течение и характер развивающихся исторических событий показали, что этот спор, начатый в конце XIX века далеко не окончен и сегодня.

К рассмотрению проблем развития собственно Черноморской губернии Л.А. Тихомиров вернулся в начале XX в. В 1897 г. в Российской империи произошла первая всеобщая перепись населения, данные по которой были опубликованы. На их основе Л.А. Тихомиров в 1902 г. поместил в «Московских ведомостях» цикл статей «Черноморское побережье Кавказа» (№ 96, 97). Он приветствовал заселение этого пока еще малоосвоенного региона. Так, по приводимым им данным в Новороссийске проживало 19 897 человек, а в Туапсе – только 1392, в Сочи и того меньше – 1352 человека [31]. Но больше волновала Л.А. Тихомирова даже не вяло проводящаяся переселенческая политика, его пугало то, что заселение приводит к наводнению этой стратегически важной для России территории нерусским и даже не православным населением. Особенно эта тенденция, по его мнению, прослеживалась в южной части губернии. Так он отмечал, что в Сочинском округе: православных – 49%, а не православных – 51%, при этом русскоязычных – 28%, а не русскоязычных – 71%. Приводя эти цифры, он резко отзывался в целом о государственной переселенческой политике в регионе, отмечая, что «изо всей нашей южной части губернии которую колонизовали на пустом месте и где могли селить кого угодно, мы умудрились создать совершенно нерусский край» [31]. В статье он призывал к «принятию срочных мер для возвращения Сочинского округа во власть русской народности».

В каком-то смысле критикуя существующую практику заселения края, Л.А. Тихомиров был прав, однако при этом он несколько идеализировано

смотрел на ситуацию, полагая, что только нерасторопность властей приводит к доминированию нерусского населения в некоторых районах Западного Кавказа. На самом деле одного желания населить край русскими было мало, в дело вмешивались и объективные причины, от властей никак не зависящие.

Колонизация региона русскими поселенцами изначально сопровождалась не только организационными трудностями, но и объективно была связана с непривычным для выходцев из европейской России климатом, сопряженным с болезнями, особенно малярией, и тем, что новые земли были намного лучше приспособлены для возделывания садовых культур и виноградарства, чем для возделывания традиционных сельскохозяйственных культур (зерновые и проч.), культивируемых русским крестьянином.

Многое в разрешении этой сложной проблемы было сделано уже после создания Черноморской губернии. Сразу после решения о ее создании, в 1897 г. «Особая комиссия» по принятию мер к скорейшему заселению побережья под председательством гофмейстера Н.С. Абазы приняла решение о переходе к новой политике в этом вопросе. Во многом его положения совпадали с мыслями, высказанными Л.А. Тихомировым. В частности, новый порядок в чисто политическом отношении отличался стремлением заселить побережье исключительно русским элементом. В экономическую же основу этого нового порядка был положен план раздачи оставшихся в руках казны земель в небольших размерах под образование культурных и дачных участков [35, с. 60].

Как видим, многое делалось в том направлении, которое и желал видеть в освоении этого края Л.А. Тихомиров, но процесс этот шел достаточно медленно, что и вызывало нарекания публициста. Он ясно осознавал и геополитическое значение этого региона для России во все более усложнявшейся системе современных международных отношений. Отсюда и его особое внимание к развитию Новороссийска – ключа к контролю за Черноморским побережьем Кавказа и далее Закавказьем. Он подчеркивал, что «Новороссийск главная опора России на Черном море и эту роль следует усиливать и во всяком случае не мешать здесь русским такую услужливую поддержкой иностранцев, какую богата наша прошлая политика на черноморском побережье» [31].

Справедливости ради, следует признать, что Новороссийск как портовый город после реорганизации управления краем развивался довольно быстро. На период 1902 г., о котором писал Л.А. Тихомиров, город уже имел современный элеватор, принадлежащий обществу Владикавказской железной дороги. По производительности элеватор занимал одно из первых мест в мире, что позволило Новороссийску превратиться в один из крупнейших центров по экспорту хлеба. В 1901 г. было вывезено за границу на пароходах 86 040 510 пудов зерна. Кроме хлеба, активно вывозилась и нефть. В рассматриваемый период город располагал 20 резервуарами для нефти по 150 000 пудов емкости в каждом и 10 резервуарами по 200 000 пудов в каждом. Ввоз в Новороссийск разных заграничных товаров в 1901 г. выразился в цифре 1 865 000 пудов [21, с. 28–33] и тенденции к наращиванию объемов только нарастали.

В результате буквально за десятилетие Новороссийск стал одним из крупнейших российских портов. По данным на 1913 г., за границу было вывезено хлеба: из Николаева – 78 000 000 пудов, Новороссийска – 69 000 000, а из Одессы – 35 000 000 пудов. Кроме того, Новороссийск являлся главным отпускным портом для бензина и вышел на лидирующие позиции по вывозу дубовой клепки в год около 1 мл. пудов, по производству цемента, работало 4 крупных завода. Новороссийск превратился в один из крупнейших винодельческих центров России [35, с. 108–113].

Что касается роста населения и его этнического и религиозного состава, то и в этом аспекте Новороссийск серьезно укрепился. По данным на 1913 г., в городе «проживало 69 130 человек, доминировали русские – 50 206 тысяч, второй по численности этнос греки – 3627 человек, далее евреи –

3428, армяне – 1445... по вероисповеданию православных было 54 000 тыс. человек, далее иудеи – 3400, католики – 1600, магометане – 1300 человек, армяно-грегориане – 1300 человек» [35, с. 146].

Таким образом, можно отметить, что все идеи и предложения Л.А. Тихомирова, призывавшие к всемерному усилению присутствия государства в этом важнейшем для России в геэкономическом и геостратегическом плане регионе и затрагивавшие такие острые вопросы, как модернизация управления краем, его русификация, регулирование государством экономических процессов несколько опережали внедряемые правительством мероприятия по освоению Западного Кавказа. Однако в целом, по принципиальным вопросам предложения Л.А. Тихомирова совпадали с основными мероприятиями центральных властей по развитию черноморских территорий, активно проводившихся в конце XIX – начале XX вв. и приведших к хорошим результатам.

Литература

1. Васюков, С.И. Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря [Текст] / С.И. Васюков. – Краснодар : Изд-во И. Платонов, 2012. – 256 с.
2. Кольцов, И. С низовьев Дона [Текст] / И. Кольцов // Дело. – 1882. – № 8. – С. 285-312.
3. Костылев, В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Костылев. – М., 1986. – 25 с.
4. Костылев, В.Н. Выбор Льва Тихомирова [Текст] / В.Н. Костылев // Вопросы истории. – 1992. – № 6-7. – С. 30-46.
5. Лотышев, И.П. Музей кубанской журналистики [Текст] / И.П. Лотышев. – Краснодар : Периодика, 2011. – 160 с.
6. Милевский, О.А. Русские мыслители о положении Русской православной церкви в конце XIX века (на материале дискуссий между В.С. Соловьевым и Л.А. Тихомировым в 1892-1894 гг.) [Текст] / О.А. Милевский // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. Раздел «Вопросы истории». – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 45-47.
7. Милевский, О.А. Из истории русско-китайских культурных связей: Л.А. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX – начала XX в. [Текст] / О.А. Милевский // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия Философия, история. – 1999. – Вып. 1. – С. 55-57.
8. Милевский, О.А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений [Текст] / О.А. Милевский // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 1. Серия История, филология. – 1997. – С. 70-74.
9. Милевский, О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков [Текст] : дис. ... д-ра ист. наук / О.А. Милевский. – Барнаул, 2006. – 601 с.
10. Милевский, О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков [Текст] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / О.А. Милевский. – Томск, 2007. – 48 с.
11. Милевский, О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.А. Милевский. – Томск, 1996. – 18 с.
12. Милевский, О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / О.А. Милевский. – Томск : Томский гос. ун-т, 1996. – 244 с.
13. Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни [Текст] / О.А. Милевский. – Барнаул, 2004. – 496 с.
14. Милевский, О.А. Российская дальневосточная политика конца XIX – начала XX в. в геополитической проекции Л.А. Тихомирова [Текст] / О.А. Милевский // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 4. – С. 147-167.
15. Начапкин, М.Н. Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение [Текст] / М.Н. Начапкин. – Екатеринбург : Изд-во Рос. госуд. проф.-педагог. ун-та, 2007. – 424 с.

16. Посадский, С.В. Лев Александрович Тихомиров: философско-культурологические искания [Текст] / С.В. Посадский, А.В. Посадский. – СПб. : Изд-во «СПБКО», 2009. – 260 с.
17. Репников, А.В. Консервативные концепции переустройства России [Текст] / А.В. Репников. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 527 с.
18. Репников, А.В. Консервативные модели российской государственности [Текст] / А.В. Репников. – М. : Academia, 2007. – 520 с.
19. Репников, А.В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров [Текст] / А.В. Репников // Эхо : сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. – Вып 3. – М., 2000. – С. 7–17.
20. Репников А.В. Две жизни Льва Тихомирова [Текст] / А.В. Репников, О.А. Милевский. – М. : Academia, 2011. – 560 с.
21. Селиверстова, Л.Н. Управление Черноморского округа [Текст] / Л.Н. Селиверстова // Исторические записки. Исследования и материалы : сб. науч. ст. / ГБУК КК «Новороссийский исторический музей заповедник». – Вып. 7. – Новороссийск : Изд-во ГБУК КК НИМЗ, 2011. – С. 258–272.
22. Смолин, М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.Б. Смолин. – М., 2004. – 23 с.
23. Тимохова, Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм на рубеже XIX–XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.А. Тимохова. – Самара, 2001. – 19 с.
24. Тихомиров, Л.А. К вопросу о писарях [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – № 37. – 1890.
25. Тихомиров, Л.А. Азиатский вопрос [Текст] / Л.А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1896. – № 3. – С. 436–446.
26. Тихомиров, Л.А. Англичанин о русских в Средней Азии [Текст] / Л.А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1890. – № 2. – С. 926–933.
27. Тихомиров, Л.А. Книжные и журнальные новинки. Сибирские издания. [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1893. – № 254.
28. Тихомиров, Л.А. Новороссийский порт [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1891. – № 65.
29. Тихомиров, Л.А. Тени прошлого [Текст] / Л.А. Тихомиров. – М., 2000. – 720 с.
30. Тихомиров, Л.А. Черноморское побережье Кавказа [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – № 96. – 1902.
31. Тихомиров, Л.А. Черноморское побережье Кавказа [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – № 97. – 1902.
32. Тихомиров, Л.А. Что есть и что должно быть (письмо из Новороссийска) [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1890. – № 242.
33. Тихомиров, Л.А. Что есть и что должно быть (письмо из Новороссийска) [Текст] / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. – 1890. – № 243.
34. Тихомиров, Л.А. Что же такое Россия? [Текст] / Л.А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1897. – № 4. – С. 891–901.
35. Черноморское побережье Кавказа / сост. В.П. Доброхотов. – Краснодар : Традиция, 2009. – 526 с.
36. Чесноков, С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомиров в русской общественной мысли и культуре конца XIX – начала XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.В. Чесноков. – Нижний Новгород, 2005. – 23 с.
37. Шерстюк, М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Шерстюк. – М., 2010. – 34 с.

УДК 929
ББК 63.3

Ю.А. МАРКОВСКАЯ

**С.А. РАЧИНСКИЙ И К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ:
РОЖДЕНИЕ ПРОГРАММЫ КОНСЕРВАТИВНО-
ПРАВОСЛАВНОЙ РЕФОРМЫ
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ)**

YU.L. MARKOVSKAYA

**S.A. RACHINSKY AND K.P. POBEDONOSTSEV:
THE ORIGINS OF THE PROGRAM OF CONSERVATIVE
AND ORTHODOX REFORM
IN ELEMENTARY SCHOOL
IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY
(BASED ON PERSONAL CORRESPONDENCE)**

Данная статья посвящена проблеме взаимоотношений знаменитого российского педагога консервативно-православного направления С.А. Рачинского и обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Рассматриваются вопросы поддержки основным направлениям деятельности С.А. Рачинского, которую обеспечил К.П. Победоносцев, продвижение взглядов педагога на уровень государственной политики Российской империи.

In this article the author investigates the problem of relationship between the famous Russian educator S.A. Rachinsky, known as conservator and Christian orthodox, and K.P. Pobedonostsev, who was taking the position of the Ober-Procurator of the Holy Synod. The author touches upon the problems of support of main activities of S.A. Rachinsky by K.P. Pobedonostsev and a promotion of S.A. Rachinsky's views on the state policy of Russian Empire.

Ключевые слова: консерватизм, общественно-политическая мысль, православие, педагогика.

Key words: conservatism, social and political thought, Orthodoxy, pedagogy.

Вторая половина XIX в. в истории политико-правовой и социально-философской мысли России стала временем дискуссий о прошлом и будущем страны. В этот период времени российский консерватизм в работах своих наиболее видных теоретиков обретает цельное прочтение и толкование, распространяется далеко за пределы политических и правовых идей государственно-охранительного характера. Политика, право, история и интерпретация исторических событий, российская и западная культура, богословие, институты образования и науки – не было той темы, той сферы общественной жизни, которая не оказалась бы затронута диспутами между консерваторами и либералами, между почвенниками и западниками, между левыми и правыми политическими силами.

Стоит отметить, что, невзирая на, как принято считать, ультраконсервативный характер российской политики конца XIX в., дискуссии носили цивилизованный характер, а сама идея консервативного отношения к социальным переменам, необходимости их экспертизы и принятия взвешенного решения о допустимых переменам, не стала *idea fix* для консерваторов. Хомяков восхищался техническими достижениями англичан, министр народного просвещения С.С. Уваров говорил о необходимости заимствования у Европы лучшего и т. д.

Одной из самых интересных фигур российского консерватизма является ученый, педагог и общественный деятель С.А. Рачинский. Наследник

польского дворянского рода, который добровольно перешел на службу российскому государству, получивший блестящее образование в Московском университете, а затем – в Германии, С.А. Рачинский по области научной деятельности был ботаником, сторонником радикальных для своего времени эволюционистских взглядов. Его перу принадлежит первый русский перевод «Происхождения видов путем частного отбора» Ч. Дарвина. По своим политико-правовым взглядам он притом являлся безусловным консерватором и сторонником государственно-охранительной политики. Третью сторону его деятельности составляла народная педагогика и здесь С.А. Рачинский занимал не просто консервативные или даже традиционалистские позиции, но прямо настаивал на теоцентризме образования, отдаче его в руке официальной церкви.

Личность С.А. Рачинского в ее биографическом аспекте привлекала внимание современников еще при его жизни – так, например, публицист В.В. Розанов, с которым С.А. Рачинский вел длительную переписку неоднократно пытался сподвигнуть того на написание хотя бы и краткой биографии, но ничего конкретнее нескольких строчек с датами рождения и разных этапов учебы так и не получил. Кроме переписки с Розановым, большое значение имеют сведения, сообщенные Н.М. Горбовым [2]. Среди исследований последних лет необходимо отметить работы О.А. Милевского, И. Ушаковой, А.Ю. Полунова и др. [6, с. 115–122].

Все большее внимание привлекает педагогическая деятельность в аспекте исследований православной педагогики и истории педагогики, можно, в частности отметить статьи Б. Галенина и Г.В. Гусева [1]. Стоит отметить, что степень религиозности и государственного консерватизма «росли» на протяжении всей жизни С.А. Рачинского, однако в области научных взглядов он остается верным объективизму науки. Так, уже на закате своей жизни в переписке с православным философом и публицистом В. Розановым С.А. Рачинский вернется к теме теории Дарвина и напишет: «Статья о Дарвине, как газетная статья, – прекрасна, хотя далеко не могла исчерпать предмета. Должен вам сказать, что я нисколько не раскаиваюсь в том, что перевел книгу Дарвина, которую, в истории естественных наук за XIX век, продолжаю считать явлением центральным и плодотворным. Координация безмерного биологического материала, накопившегося за первую половину столетия, стала необходимою, и этот подвиг совершил Дарвин, посредством гипотезы недостаточной, но заключающей в себе долю истины. При этом тотчас в самом запасе фактов оказались зияющие пробелы, над пополнением коих до сих пор работают специалисты... Дарвин был совершенно свободен от того суеверия в непогрешимость своей теории, которая обуяла его последователей» [9, с. 449].

В круге общения С.А. Рачинского было много интереснейших людей этой эпохи: святитель Николай Японский, граф Сергей Дмитриевич Шереметьев, композитор П.И. Чайковский, писатели и публицисты Л. Толстой и В. Розанов. Но особое место в жизни и деятельности Рачинского занимал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев (1827–1907), которого историк Николай Дмитриевич Тальберг называл «лучшим другом Рачинского». О степени близости их отношений можно судить по некрологу, написанному Н.М. Горбовым: «Когда силы его покидали, он уезжал на неделю, другую к своему давнишнему, еще с московского профессорства, другу, К.П. Победоносцеву, у которого в таких случаях и жил в Петербурге. Поездки эти (они начались с того времени, когда Сергей Александрович участвовал в комиссии по составлению правил о церковно-приходских школах, то есть с начала 80-х гг.) постепенно становились все необходимее ему, по мере того, как расширялись и упрочивались в Петербурге его великосветские, церковные и художественные связи, и к возможности провести несколько времени с ближайшим своим другом присоединялась возможность подышать той атмосферой, которая с юности была ему дорога и необходима» [3, с. 80].

К. Победоносцев – наставник будущих императоров Александра III и Николая II, великого князя Николая Александровича, был ученым-правоведом, историком церкви, писателем... а также действительным тайным советником, а затем – обер-прокурором Святейшего Синода (в период с 1880 по 1905 гг.) и членом Государственного совета (с 1872 г.). Некоторые историки рассматривают его как одного из «серых кардиналов» правительства Александра III, во всяком случае, влияние его на императора и государственную политику в целом действительно было велико.

Знакомство будущего сельского затворника и государственного деятеля высшего ранга произошло, по-видимому, в Московском университете. По некоторым сведениям, К. Победоносцев и С. Рачинский приятельствовали в годы, когда предшествовавшие добровольной отставке последнего по причинам махинаций на выборах ректора. Дружеская связь не прервалась и после того, как С.А. Рачинский осел в своем имении в Татевском уезде Смоленской губернии, а спустя несколько лет после начала добровольного «изгнания» задумал посвятить себя проблеме народного образования.

Сам С.А. Рачинский так коротко и ясно описывает основные обстоятельства своей биографии: «Родился 2 мая 1833 года в селе Татеве. Воспитывался дома. От 1849–1853 года учился в Московском университете. От 1853 до 1855 года служил в Московском архиве Министерства иностранных дел. От 1859 по 1868 год преподавал в Московском университете физиологию растений. С 1875 года состоял учителем при Татевской сельской школе. Умер в селе Татеве в 189...? году» [10]. Конечно, насчет смерти он ошибется, она случится уже в начале XX века, в 1902 году. Но более важно, что в 1883 году, спустя 8 лет после начала его частной педагогической деятельности он довольно неожиданно с точки зрения внешнего наблюдателя получит государственную поддержку, а его школы будут признаны примером для всей империи. Все это произойдет благодаря дружбе и покровительству Победоносцева.

В общем корпусе их переписки практически невозможно выделить основную тему: друзья обсуждают современную и классическую литературу, педагогические достижения Татевской школы, общественные проблемы, К. Победоносцев жалуется на газетчиков, нигилистов, обсуждает с С.А. Рачинским известных тому персон, использует его как конфиденанта и медиатора в переговорах деликатного свойства. Так в письме к В. Розанову от 5.08.1892 С.А. Рачинский отмечает, что обер-прокурор просил его переговорить с литератором и философом на предмет возможного переезда последнего в Санкт-Петербург и обустройства на государственной службе. Позднее С.А. Рачинский еще несколько раз выступает в качестве посредника между Розановым и Победоносцевым по этому вопросу [9, с. 425]. Уже совершенно ясным свидетельством степени доверия между двумя консерваторами является тот факт, что в переписке с Рачинским Победоносцев позволяет себе – пусть и совершенно верноподданнически, но все же! – обсуждать фигуру наследника престола, сетовать на сложности, вызванные для него необходимостью обучения цесаревича праву. Всемогущий обер-прокурор довольно коротко сошелся с цесаревичем весной 1884 г., во время подготовки того к присяге в Гатчине. К.П. Победоносцев напишет С.А. Рачинскому: «Он очень милый мальчик, с превосходными задатками, с совершенной чистотой души – но еще совсем не видел людей и совсем их не знает... Боже, что еще предстоит ему!» [7, л. 180–180 об.]. Зимой 1885 г. генерал-адъютант Г.Г. Данилович, воспитатель Николая и его брата Георгия предложил преподавать цесаревичу юридические дисциплины Победоносцеву. «Это приглашение свалилось на меня, как гром!», – так напишет К.П. Победоносцев С.А. Рачинскому, сперва оценивая эти занятия как дело «физически невозможное». Однако позднее К.П. Победоносцев напишет, что «думал всю зиму и наконец решился». Он принял предложение преподавать по следующей причине: «Я прямо отказался бы... когда бы мог положиться нравственно, хотя на одного из нынешних – ув!»

гнилых – юристов в России. Но я никого такого не знаю, знаю только, какая у всех у них путаница понятий в голове, легкомыслие и отсутствие всяких пропорций – для России» [1, с. 70–72].

Первое упоминание Победоносцева о Рачинском в контексте его государственной деятельности относится к 1880 г., когда он получает назначение Обер-Прокурора Синода. С.А. Рачинский тогда пожалуется другу: «То, что я делаю, превышает мои денежные средства. Для того чтобы продолжать (а остановиться невозможно – столько нависло на мне человеческих существований) – нужно отказаться на всю жизнь от личных издержек – одеться крестьянином, перейти на крестьянскую пищу. Через несколько лет будет поздно, – приближается старость» [1].

И уже в письме от 10 марта 1880 года К.П. Победоносцев напишет цесаревичу:

«Впечатления петербургские крайне тяжелы и безотрадны. Жить в такую пору и видеть на каждом шагу людей без прямой деятельности, без ясной мысли, и твердого решения, занятых маленькими интересами своего я, погруженных в интриги своего честолюбия, алчущих денег и наслаждения и праздно-болтающих, – просто надрывать душу...

Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит еще свежестью: оттуда, а не отсюда наше спасение. Там есть люди с русской душой, делающие доброе дело с верой и надеждою...

Не угодно ли, Ваше Высочество, я покажу Вам одного такого человека. Все-таки отрадно хоть одного такого увидеть. На досуге извольте прочесть прилагаемые письма. Если Вы сочувственно примете их, то не пожалуйте, что читали.

Это письма приятеля моего Сергея Рачинского, поистине доброго и честного человека. Он был профессором ботаники в Московском университете, но, когда ему надоели поднявшиеся там распри и интриги между профессорами, он оставил службу и поселился в своей деревне, в самой глуши Бельского уезда Смоленской губернии, вдали от всех железных дорог. Живет он там безвыездно вот уже около 10 лет и посвятил себя всего сельским школам, которыми и занимается с утра до ночи – в каком духе, извольте увидеть из писем. Он подлинно стал благодетелем целой местности, и Бог послал ему людей – из священников и помещиков, которые с ним работают. Отрадно читать его письма, – от них веет новым и здоровым, ободряющим духом. Тут не болтовня, а дело и истинное чувство.

В письмах отмечены карандашом страницы, на которые стоит обратить Ваше внимание».

Наследник престола и уже в недалеком будущем император Александр III отвечает на это послание Победоносцева в тот же день:

«Искренно благодарю Вас, любезный Константин Петрович, за присланные письма. Действительно, отрадно читать их. Как завидуешь людям, которые могут жить в глуши и приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской. Я уверен, что на Руси немало подобных людей, но о них не слышим, и работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства» [5].

Как видно из этой переписки между цесаревичем и К.П. Победоносцевым, он не только действительно высоко ценил С.А. Рачинского и его труд, но и считал необходимым использовать свои – немалые – возможности влияния на государственную власть для помощи «простому сельскому учителю». Этот оборот заковычен нами специально, поскольку, хотя сам С.А. Рачинский и принижал собственные заслуги, однако его деятельность, как мы знаем, приобрела впоследствии гигантские масштабы – начиная от количества открытых и «поставленных на ноги» им народных школ (в одном из писем к Розанову незадолго до смерти он упомянет точное число – 18), заканчивая его участием в консультациях и разработке Положения о народных школах. Воз-

можно, что пересылка Александру III писем Рачинского имела в некоторой степени подготовительный характер, поскольку спустя буквально два года, Победоносцев напрямую обратится к императору с просьбой профинансировать одно из начинаний Рачинского – строительство специальной больницы для больных сифилисом [5].

Следующее упоминание о Рачинском, обращенное к российскому государю, относится к 1882 году. Победоносцев упомянет как бы невзначай: «когда-то, в минуту уныния, я представлял вашему величеству письма Рачинского в виде утешения, чтобы показать, какие есть люди, работающие в темных углах с бодростью духа и с верою в успех, делающие великие дела в малом кругу своем» [5].

В это время С.А. Рачинский уже приобретает большую известность и даже славу как педагог *народного* просвещения, работающий на селе, выпускники его школ, люди сословия низкого, также завоевывают определенную известность своими талантами – в первую очередь, художественными.

Однако С.А. Рачинский, кроме самого дела преподавания, становится энтузиастом трезвеннического движения. Вероятно, этот поворот в его деятельности, которая выходит далеко за рамки одной только образовательной деятельности, был вызван близким знакомством с крестьянской жизнью – начиная с детских лет, проведенных в родительском имении в Татеве и заканчивая периодом добровольного «изгнания».

О проблеме борьбы с пьянством среди низшего сословия и идет речь в письме Победоносцева государю уже в 1883 году:

«Смею обратить внимание Вашего Императорского Величества на прилагаемое письмо Рачинского. Это один из бесчисленных воплей, раздающихся теперь повсюду, изо всех концов России. Во время коронации особенно слышался этот всенародный зов к правительству об исцелении этой ужасной язвы, разъедающей народ, – об освобождении от кабака, перед всеильною властью коего бессилен народ, бесплодны и отдельные усилия лиц, вступающих в борьбу с кабаком и кабатчиками.

Рачинскому, живущему безвыездно в деревне, посреди народа, виднее чем кому-либо все это зло. Он успел сделать у себя многое, привлекая и детей, и отцов крестьян, и местное духовенство к союзу трезвости: но все эти усилия разбиваются о кабачную силу» [5].

Далее К.П. Победоносцев характеризует кабак как главный источник преступлений и всякого разврата умственного и нравственного. Грозным предостережением звучат его слова: «Необъятная Россия состоит из пустынь, но нет такой пустыни, нет глухого уголка, где бы не завелись во множестве кабаки и не играли бы первенствующей роли в народной жизни. И чем дальше, тем хуже».

Однако тут же выясняется, что забота об общественной нравственности как всегда имеет прагматическую природу борьбы с реформистскими или тем более радикально-революционными идеями и Победоносцев сообщает, что, по мнению С.А. Рачинского «кабаки – главный проводник нигилистических теорий в народ, то есть постепенное разращение той единственной здоровой среды, в коей хранятся зиждущие инстинкты и зиждительные начала народной и государственной жизни». Завершает К.П. Победоносцев свое письмо пространным пассажем о необходимости распространения народного просвещения путем развития церковноприходских школ, а также и необходимости судебной (контр)реформы [4]. Александр III ответит на это письмо одобрительно: ««Прочел с интересом письмо Рачинского. Дай Бог нам развязаться наконец с этим вопросом. Действительно, кабак – это гибель России...» [5].

Как мы уже упоминали выше, кроме борьбы с пьянством К.П. Победоносцев привлечет внимание еще к одному начинанию С.А. Рачинского – строительство специальных больниц. Кстати, сам С.А. Рачинский будет считать, что главное преимущество открытых при его участии лечебных заве-

дений будет также заключаться в их религиозности, возможностях исповедания и соборования смертельно больных, о чем напишет В. Розанову. Таким образом, в переписке с императором уже к 1883 г. К.П. Победоносцев затронет тем или иным образом все проявившиеся на тот момент направлений деятельности Рачинского в Смоленской губернии: народное просвещение, борьбу с пьянством и открытие народных больниц (впоследствии к этому прибавится еще и строительство церквей). Возможно, эти постоянные напоминания будут в определенном смысле слова оправданием государственной поддержки, которую будут получать татевские инициативы, а кроме того – основанием для привлечения С.А. Рачинского к работе над Положением о церковно-приходских школах.

Действительно, впоследствии при осуществлении школьной реформы Победоносцев возьмет за основу именно педагогическую и организационную практику С.А. Рачинского. «Народная школа, – как напишет обер-прокурор, – должна быть не только школой арифметики и грамматики, но, прежде всего, школой добрых нравов и христианской жизни». К.П. Победоносцев последовательно выступал «за преобладание в русской школе церковного элемента, когда главным предметом является Закон Божий»[1], что являлось также и одним из центральных элементов в педагогической системе татевского затворника.

Говоря о действительном и, что еще более важно, потенциальном значении церкви на nive образования, С.А. Рачинский писал: «Такого образования и воспитания не получал еще ни один народ мира. Пусть получит его народ русский, который должен сказать свое жизненное слово прочим народам востока и запада, ждущим нового откровения. И, без сомнения, он скажет его, если просвещение русского народа произойдет в строго-христианском духе» [4].

В 1882 году при Святейшем Синоде, под прямым руководством К. Победоносцева была создана комиссия, на которую была возложена задача «всесторонней разработки и ближайшего обсуждения вопроса об обеспечении за духовенством участия в деле народного образования, а также об изыскании источников для оказания поддержки в этом деле». Уже к 1884 году комиссия подготовила проект «Положения о Церковно-приходских школах», который был утвержден императором Александром III 13 июня 1884 года. «Правила о церковно-приходских школах» [13], разработанные К.П. Победоносцевым, по-видимому, на основании преимущественно педагогических разработок С.А. Рачинского, стали ключевым документом, регулировавшим систему народного просвещения в духе православия. На докладе, который был приложен к «Правилам...» Государь подписал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле». Проблема эта действительно была ненадуманной: отдавая начальное образование в руки приходов, и государь, и Победоносцев и С.А. Рачинский понимали все многочисленные риски этого шага. Сельские батюшки зачастую были инертны, не способны к творческой педагогической деятельности, о чем сам С.А. Рачинский с горечью неоднократно упоминал в переписке и с К. Победоносцевым, и с В. Розановым и с Л. Толстым. Так, в письме к Розанову он напишет: «Учить окончательно более не могу, и малейшая поездка обостряет эти недуги. Батюшек, взявшихся за школьное дело усердно и разумно, еще слишком мало. До результатов, непререкаемо убедительных, не доживу, что не мешает мне весь остаток моих сил употреблять на то, чтоб их подготовить... Радуют меня также священник и диаконы *моего поставления* (т. е. из моих учеников, и посвященные по моим, подчас нескромным, настояниям). Все они теперь соперничают в устройении школ и в учительских трудах»[12, с. 445].

Но, по мнению друзей-консерваторов, иного выхода не было.

«Положение» выводило церковно-приходские школы из сферы ответственности Министерства Народного Просвещения. Педагогический и организационный опыт Татевской народной школы стал последовательно распро-

страняться на всю европейскую часть империи. Церковно-приходские школы открывались приходскими священниками или, с их согласия, другими членами причетов. Не все современники положительно оценивали эти веяния. Так А.П. Чехов в письме Леонтьеву (Шеглову) говорит: «Рачинский, идейный, гуманный и чистый, представляется весенним зефиром. Я готов за Рачинского живот свой положить, но, милый друг... разрешите мне это «но» и не сердитесь – я не отдал бы в его школу своих детей. Почему? Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет <...> Рачинского я понимаю, но детей, которые учатся у него я не знаю. Их души для меня потемки. Если в их душах радость, то они счастливее меня и братьев, у которых детство было страданием» [12].

В приходских школах преподавали чтение церковной и гражданской печати, письмо, усваивали практические навыки арифметических действий (стоит обратить особое внимание на задание, написанное на классной доске на полотне Богданова-Бельского, кстати, также выпускника Татевской школы, «Устный счет в народной школе»). Естественно, значительная часть процесса обучения приходилась на Закон Божий, Священную историю и краткий курс катехизиса, также объясняли и основы богослужения, обучали молитвам, церковному пению. В школах двухклассных, рассчитанных на четыре года обучения, преподавали сверх уже упомянутого начальные сведения из истории Русской Православной Церкви и российской истории в целом.

Из таких школ, по мыслям главных идеологов школьной реформы – К. Победоносцева и С. Рачинского должны были выйти и будущие священнослужители, устойчивые к новым веяниям в латинско-протестантского мире. По крайней мере, С.А. Рачинский процессы, происходящие в церковной политике Западной церкви, оценивал неодобрительно: «Союз Папы с демократией и социализмом, в Америке уже официальный, скоро повернет и Европу вверх дном» [9, с. 423].

При государственной поддержке и собственных огромных как финансовых, так и трудовых усилиях сеть «школ Рачинского» постепенно расширялась стараниями его учеников, о чем он упоминает, в частности в письме к В. Розанову 5 октября 1893 года [9, с. 423], а затем и 16 октября 1893 года [9, с. 426].

Создание Победоносцевым системы начального образования на основе церковно-приходских школ в России заслужило горячего одобрения со стороны С.А. Рачинского: «Смелый Ваш эксперимент с восстановлением церковной школы, при всех недостатках, все-таки обнаружил в среде сельского духовенства такой запас новых сил, на какой не могли рассчитывать и крайние оптимисты, и именно эти силы нам нужны в настоящий момент повального безумия в среде образованных мирян». [4]. Однако впоследствии С.А. Рачинский будет как будто стесняться масштабов этого мероприятия и считать значение татевского педагогического опыта крайне преувеличенным.

К сожалению, ощущение успеха было недолгим. В письме к Розанову С.А. Рачинский отмечает, что «дело начальной школы, очевидно, накануне кризиса. Разрастается оно со стихийной силою; объединение его, установление его внутренних норм становится необходимостью. Мысль может остановиться только на объединении всех начальных школ в духе церковном, объединении, мыслимом только при подчинении этих школ тому ведомству, которое есть орган церкви, представитель коего – самый просвещенный и вместе с тем самый церковный из наших государственных людей. Вот что нам думается в нашей глуши. Но что готовит нам Петербург? Берет страх от тех имен, которые до нас доносит молва» [9, с. 446].

Рачинский тревожился отчасти зря: реформы К. Победоносцева приобретали в дальнейшем все более и более консервативный характер, дело прямо шло к запрещению обсуждения многих тем в рамках даже академических дискуссий, отмене публичности и состязательности в присуждении ученых степеней, прямому запрету на публикации многих сочинений, в которых упоминались запрещаемые к чтению авторы и их взгляды. В таких условиях усиления реакции церковно-приходские школы и общества трезвости – два главных детища С.А. Рачинского не могло ждать какое-либо прямое бедствие – со стороны государства оба этих начинания могли только приветствоваться и развиваться.

С другой стороны, иногда государственная поддержка и развитие его начинаний впоследствии иногда принимала парадоксальный характер. Так, например, уже в начале XX века финансирование, а значит и само существование чайных-читален было поставлено в зависимость от монопольных сборов с продаж водки государство фактически сделало общества попечения о народной трезвости главным защитником тех самых кабаков, с которыми столь последовательно и самоотверженно боролся С.А. Рачинский. В этом смысле, опасения С.А. Рачинского, конечно, оправдались.

Переписка С.А. Рачинского и К.П. Победоносцева представляет собой богатейший материал, которые вкупе с иными эпистолярными свидетельствами педагогической и общественной деятельности великого российского педагога-консерватора могут пролить свет на многие аспекты реформаторской и контрреформаторской деятельности правительств Александра III и Николая II на nive образования, особенно начального.

Литература

1. Галенин, Б. Воссоздатель Русской народной школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/03/02/vossozdatel_russkoj_narodnoj_shkoly/. – Режим доступа: свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2015)
2. Горбов, Н.М. Школы С.А. Рачинского. (Из воспоминаний) [Текст] / Н.М. Горбов // Русское обозрение. – 1891. – Т. 2. – № 4. – С. 587–603.
3. Горбов, Н.М. С.А. Рачинский [Текст] / Н.М. Горбов : [Некролог] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1902. – № 12. – С. 80.
4. Гусев, Г.В. Школьный апостол и апостол трезвости. Социальная педагогика С.А. Рачинского. К 170-летию со дня рождения 2 (15) мая 1833 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/gusev1/H1-T.htm>, режим доступа: свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2015)
5. Константин Победоносцев. Ораниенбаум. 30 июля 1883 // К.П. Победоносцев. Письма к Александру III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: свободный. http://www.hrono.info/libris/lib_p/pobed1883.html. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2015).
6. Милевский, О.А. С.А. Рачинский – педагог и общественный деятель [Текст] / О.А. Милевский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3. – С. 115–122.
7. Письмо К.П. Победоносцева к С.А. Рачинскому № 93 от 28 апреля 1884 г // ОР РНБ. Ф. 631 (С.А. Рачинский). Письма к С.А. Рачинскому. 1884. Январь – май. – Л. 180–180 об.
8. Положение о церковно-приходских школах, закон Российской империи // Полное собрание законов Российской империи за 1884 г. – СПб., 1884. – С. 372–374.
9. Розанов, В.В. Литературные изгнанники. Кн. вторая. П.А. Флоренский. С.А. Рачинский. Ю.Н. Говоруха-Отрок. В.А. Мордвинова [Текст] / В.В. Розанов // Собр. соч. ; под общ. ред. А.Н. Николукина. – М. : Республика ; СПб. : Росток, 2010. – С. 600.
10. Тимошина, Е.В. «Записки по законоведению» К.П. Победоносцева [Текст] / Е.В. Тимошкина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 1. – С. 70–72

11. Ушакова, И., Минаков, С. Русский просветитель Рачинский [Текст] / И. Ушакова // Нева. – 2014. – № 5.
12. Чехов, А.П. Письмо Леонтьеву (Щеглову) И.Л., 9 марта 1892 г. Мелихово // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. [Текст] // АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Наука, 1974–1983.
13. Социальная педагогика С.А. Рачинского. К 170-летию со дня рождения 2 (15) мая 1833 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/gusev1/H1-T.htm>, режим доступа: свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2015)
14. Положение о церковно-приходских школах, закон Российской империи // Полное собрание законов Российской империи за 1884 г. – СПб., 1884. – С. 372–374.
15. Правила о церковно-приходских школах (1884) // Хрестоматия по истории педагогики / под ред. С.А. Каменева ; сост. Н.А. Желваков. – М., 1936.

УДК 061.213-027.556
ББК 60.941.6

П.А. АМБАРОВА,
А.А. КУЗЬМИНЧУК

P.A. AMBAROVA,
A.A. KUZMINCHUK

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ

TEMPORAL CHARACTERISTICS
OF VOLUNTEERS' SOCIAL COMMUNITY

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей»

В статье рассматриваются темпоральные характеристики авангардной социальной общности волонтеров: их диспозиции и социальные эмоции в отношении социального времени, а также реальное поведение как показатель темпоральной стратегии поведения. Исходя из результатов эмпирического исследования, определяется тип темпоральной стратегии поведения волонтеров и ее основные характеристики.

The article examines the temporal characteristics of the volunteers' avant-garde social community: dispositions and social emotions on social time, actual behavior as an indicator of the temporal behavior strategies. According to our study, we define the type and main characteristics of temporal strategies of volunteers.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социальная общность, темпоральные стратегии поведения, социальное время.

Key words: volunteering, social community, temporal behavior strategies, social time.

Фактор времени играет важную роль в функционировании любой социальной общности, особенно в современных условиях нелинейности социального времени. В рамках данной статьи мы будем рассматривать темпоральные характеристики социальной общности волонтеров, для которой время выступает индикатором специфики, определяя механизм образования общности, а также ее стиль и образ жизни.

Общность волонтеров относится в соответствии с исследованием Фонда «Общественное мнение» «Авангардные группы – опора российского добровольческого движения» к авангардным (инновационно-ориентированным, опережающим) группам, вовлеченным в социальную, гражданско-правовую активность, равнодушным к решению гражданских проблем [2]. Это свидетельствует об активности добровольцев, выделении их в качестве передовой силы, двигателя общества, о позитивном характере стратегий поведения волонтеров, в том числе темпоральных, об их социальной значимости, одобряемых образцах поведения, способствующих развитию гражданского общества в России. Именно временной фактор определяет такого рода образцы поведения.

Однако добровольцы в той или иной степени все же сталкиваются с определенными трудностями темпорального характера, среди которых авторы Отчета по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» выделяют: «недостаток времени, кон-

курения добровольчества и других сфер жизни». Решается такое противоречие одним из следующих способов: 1) предпочтение работе, рабочему времени; 2) предпочтение волонтерским проектам (временным затратам на добровольческую деятельность); 3) продуктивное сочетание работы и волонтерской деятельности [2]. Именно третий вариант можно отнести к желательным, одобряемым стратегиям поведения волонтеров, которые определяются особым отношением к времени и темпоральными характеристиками их деятельности.

Исходя из полученных в рамках эмпирического исследования 2014 г. данных (N=600), использовался стихийный отбор респондентов в связи с тем, что объем и социальные характеристики генеральной совокупности не были определены из-за отсутствия статистических сведений по данной общности.

Представим темпоральные характеристики социальной общности волонтеров. В соответствии с программой исследования эти характеристики включают: 1) диспозиции в отношении социального времени (ценность времени, ее место в системе ценностных ориентаций, понимание смысла времени, темпоральные ориентиры по модусу времени, темпоральные потребности, место и значение времени в общей жизненной стратегии); 2) социальные эмоции волонтеров в отношении времени (восприятие, чувство времени, эмоциональное переживание времени нарастающей нелинейности; спонтанность/рациональность формирования темпоральной стратегии); 3) реальное поведение как показатель темпоральной стратегии поведения (умение организации и использования временных ресурсов, темпоральные способности и возможности, устойчивые модели (реакции) на различные темпоральные ситуации, результативность темпоральной стратегии поведения, принципы и способ организации последовательности действий).

Прежде всего, необходимо описать диспозиции в отношении социального времени.

Волонтеры уделяют временным параметрам своей жизни достаточно много внимания. Каждый второй респондент всегда помнит и думает о времени, задумывается над тем, что такое время и что оно значит в жизни (табл. 1).

Таблица 1

**Волонтеры о времени и его значении в их жизни
(в % от опрошенных)**

<i>Как часто Вы задумываетесь о значении времени в Вашей жизни?</i>	%
Да, я всегда помню и думаю о времени	53
В самые критические моменты вспоминаю о времени, а в суматохе дней некогда о нем и подумать	32
Нет, есть вещи и проблемы поважнее	15
Итого	100

Волонтеры осознают дефицитность времени, 27% респондентов считают, что им лично больше в жизни не хватает времени, чем денег. Кроме того, волонтеры считают время одним из наиболее важных ресурсов успеха в жизни. 37% опрошенных указали, что наиболее важным ресурсом успеха в жизни для них является необходимое количество времени и возможность распоряжаться им (табл. 2). Таким образом, можно говорить о том, что волонтеры ценят время, оно занимает важное место в системе их ценностных ориентаций.

**Волонтеры о наиболее важных ресурсах в жизни
(в % от числа ответивших*)**

<i>Жизненные ресурсы</i>	%
Профессиональные качества	42
Личные психологические качества	40
Необходимое количество времени и возможность распоряжаться им	37
Умение быстро адаптироваться к изменениям в окружении	35
Родственные связи и поддержка	28
Умение быть в нужное время в нужном месте	22
Деньги	21
Удачливость, везение	21
Друзья	17
Интуиция, предвидение	10
Возраст	8
Итого	281

* Процент превышает 100, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Добровольцы чаще всего понимают волонтерскую деятельность как внеурочное (внеучебное) время, т. е. в том числе свободное время (55% респондентов). Однако каждый пятый респондент затруднился в понимании смысла времени, затрачиваемого на общественную деятельность. 19% респондентов считают волонтерскую деятельность временем досуга и отдыха (табл. 3).

Таблица 3

**Волонтеры о времени, затрачиваемом на добровольчество
(в % от числа ответивших)**

<i>К какому виду времени Вы относите добровольчество?</i>	%
Внеурочное (внеучебное) время	55
Это время досуга и отдыха	19
Это полноценное рабочее время	5
Затрудняюсь ответить	21
Итого	100

Кроме того, каждый второй волонтер считает, что время – это ресурс его личностного и профессионального развития (52%). Во многом это связано с карьерными мотивами волонтеров. Занимаясь добровольчеством, волонтеры тратят свое время на получение определенных навыков, опыта, на развитие способностей, на установление контактов и налаживание связей. Все это определяет карьерные перспективы и профессиональное развитие (табл. 4).

Таблица 4

**Понимание времени волонтерами
(в % от числа ответивших*)**

<i>Значения</i>	<i>%</i>
Это ресурс моего личного и профессионального развития	53
Это то, что дороже денег	40
Это вечность, неподвластная человеку	32
Это колесница, которая мчит в будущее	29
Это деньги	15
Это бремя, которое нужно чем-то заполнять и на что-то тратить	8
Это сила, которая разрушает меня и мою жизнь	4
Время дешевле денег	1
Итого	182

*Процент превышает 100, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Темпоральную картину мира волонтеров можно охарактеризовать как преимущественно нелинейную. 60% респондентов отметили, что им чаще всего приходится действовать и жить в режиме, когда события и дела «наслаиваются» друг на друга, происходят параллельно, но при этом прослеживаются определенные порядок и закономерности (табл. 5).

Таблица 5

**Волонтеры о темпоральных режимах своей жизнедеятельности
(в % от числа опрошенных*)**

<i>Темпоральные режимы жизнедеятельности</i>	<i>%</i>
События и дела «наслаиваются» друг на друга, часто происходят параллельно, но при этом прослеживаются определенные порядок и закономерности	60
Все дела и события происходят последовательно, строго друг за другом	20
Все события и дела осуществляются хаотично, беспорядочно, время их наступления, продолжительности и окончания неопределенны	16
Вся жизнь идет по кругу, и «нет ничего нового на земле»	4
Итого	100

Характеризуя интенсивность жизни в современном мире, каждый третий волонтер отметил, что все события беспорядочно смешиваются, «наслаиваются» друг на друга. Кроме того, добровольцы отмечают высокий темп и скорость движения времени в современном мире, считают, что время стремительно несется в будущее (61%) и события происходят чаще, «плотнее» (32%).

Проблема времени для волонтеров актуализируется с такими видами деятельности, как отдых, досуг. 37% респондентов отметили, что постоянно испытывают дефицит времени для хорошего отдыха. Кроме того, каждый третий респондент не совсем доволен тем, как он использует время в сфере досуга и для личного развития. При этом около 70 % респондентов не считают, что занимают волонтерской работой в ущерб основной деятельности, досугу и домашней работе.

Относительно темпоральных ориентиров волонтеров по модусу времени можно сказать, что они ориентируются, преимущественно, на настоящее и будущее. 41% респондентов считают, что все самое хорошее происходит с ними сейчас и еще произойдет в будущем.

Темпоральные потребности волонтеров можно описать следующим образом. Потребность управлять своим временем волонтеры решают, в том числе, с помощью участия в волонтерской деятельности. 44% респондентов считают, что, занимаясь волонтерской деятельностью, они лучше управляют своим временем в целом. 45% респондентов отметили, что нуждаются в умении эффективно управлять временем, что такое умение может пригодиться им в жизни.

Каждый третий волонтер не испытывает дефицита времени для волонтерской деятельности. 42% волонтеров довольны тем, как они используют время для волонтерской работы. Таким образом, потребность волонтеров в количестве времени на добровольческую деятельность, преимущественно, удовлетворена. Каждый второй волонтер готов в течение недели тратить на добровольческую деятельность до 5 часов. При этом каждый второй из опрошенных не планирует тратить больше времени на волонтерство.

Рассмотрим социальные эмоции волонтеров в отношении времени.

В условиях нарастающей нелинейности, ситуации быстрых изменений волонтеры испытывают позитивные эмоции высокой степени. 41% респондентов чувствуют себя уверенно в таких ситуациях. Каждый третий респондент в условиях темпоральной неопределенности терпеливо ждет и надеется на лучшее.

Степень деструктивности социальных эмоций волонтеров невысокая. Предложенные временные ситуации в анкете (ситуация дефицита времени, ситуация вынужденного безделья, ситуация чрезвычайной загруженности, интенсивной жизни, ситуация быстрой смены относительного спокойствия на «бег без остановки», ситуация быстрой смены режима «бег без остановки» на относительное спокойствие) волонтеры воспринимают как нормальные или испытывают небольшой дискомфорт (т.е. не испытывают деструктивные эмоции - уныние, апатию). Кроме того, в ситуации быстрой смены относительного спокойствия на «бег без остановки» и ситуации чрезвычайной загруженности, интенсивности жизни каждый четвертый волонтер испытывает «драйв», азарт. Таким образом, эмоциональные переживания волонтеров относительно времени в условиях нарастающей нелинейности можно оценить как позитивные, конструктивные эмоции.

Способ временной организации жизнедеятельности волонтеров можно охарактеризовать как спонтанно-рациональный. 68% волонтеров формируют свой режим времени сознательно-интуитивно (иногда сознательно, иногда интуитивно), исходя из собственного жизненного опыта.

Рассмотрим реальное поведение волонтеров как показатель темпоральной стратегии поведения.

Волонтеры чаще всего сами располагают временем в различных сферах жизни (на работе, в волонтерской деятельности, в сфере досуга, для общения с родными, семьей, для общения с друзьями, для личного развития, для профессионального развития, для образования, обучения, для бытовых дел, для сна, приема пищи и для удовлетворения других физиологических потребностей). Умение волонтеров планировать время проявляется в составлении примерного плана в разных сферах жизни. 76% респондентов в целом могут определить количество времени, которое требуется для того или иного дела, но все же иногда ошибаются. Кроме того, волонтеры ориентированы на целерациональную и результативную деятельность в сложных темпоральных условиях. Они отмечают, что если у них окажется мало времени для выполнения того или иного дела, то они ускорят его выполнение для того, чтобы уложиться в срок (59%).

Различия в темпоральности и разное отношение к времени могут быть причиной конфликта. 31% волонтеров отметили, что такие конфликты иногда случаются. Причинами темпоральных конфликтов, по мнению волонтеров, являются непунктуальность (36%), медлительность (33%) и неумение других ценить их время (31%) (табл. 6).

Таблица 6

**Волонтеры о причинах конфликтов из-за темпоральных различий
(в % от ответивших*)**

<i>Причины темпоральных конфликтов</i>	<i>%</i>
Я стараюсь быть пунктуальным, а другие постоянно опаздывают	36
Я все делаю быстро, а другие слишком медлительны	33
Я дорожу каждой своей минутой, а другие не умеют ценить мое время	31
Я стараюсь беречь время других людей, а они не хотят (не умеют) его экономить	24
Я не люблю загонять себя в жесткие временные рамки, а другие все расписывают по минутам, не оставляя никакой свободы	16
Я никогда не тороплюсь (и не тороплю других), а другие люди слишком торопятся сами и подгоняют меня	12
Я никогда не ругаю себя за опоздание – минуты ничего не решают, а другие излишне пунктуальны и требуют этого от меня	5
Итого	157

*Процент превышает 100, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Приведенные данные говорят об активной темпоральной стратегии волонтеров и значимости времени, о том, что они ценят время и требуют от окружающих такого же отношения к нему. Кроме того, 41% респондентов указали, что их линия жизни выстраивается разновекторно, политемпорально (табл. 7).

Таблица 7

**Оценка волонтерами темпоральных режимов их жизни
(в % от опрошенных)**

<i>Темпоральные режимы</i>	<i>%</i>
«Разновекторное время»	41
«Стрела времени»	33
«Круг»	13
«Паутина»	13
Итого	100

Таким образом, мы можем определить тип темпоральной стратегии волонтеров как активный темпоральный оптимизм, характеризующийся:

- активным использованием временных возможностей и ресурсов;
- стремлением и способностью к оптимальной организации собственного и чужого времени;
- пониманием времени как особой ценности, ограниченного, но чрезвычайно мощного ресурса для осуществления многих жизненных целей и задач (достижения жизненного и профессионального успеха, самореализации, получения прибыли, повышения статуса и пр.);
- способностью воспринимать время как нелинейное;
- способностью рационально выстраивать соответствующую темпоральную картину мира, учитывая особенности нелинейной динамики социального времени;
- действиями, одинаково эффективными в условиях как дефицита времени, так и отсутствия такового;
- способностью к регулированию скорости, ритма времени, которое находится в распоряжении;

- темпоральной активностью, направленной в будущее и настоящее и сочетающейся с позитивным переживанием времени;

- социально-психологическим самочувствием, характеризующимся надеждами на лучшее будущее при минимальных проявлениях негативных эмоций (страха, неуверенности, растерянности) [1, с. 134].

Выявление специфических темпоральных характеристик социальной общности волонтеров способствует разработке дифференцированной политики государства, направленной на поддержку и активизацию потенциала добровольчества, способствующего развитию гражданского общества в России.

Литература

1. Амбарова, П.А. Понятие и типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей [Текст] / П.А. Амбарова // Известия УрФУ. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. - 2014. - № 2. - С. 123-139.
2. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». Фонд «Общественное мнение». - 2012. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf.

УДК 316.3
ББК 60.5

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

G.E. ZBOROVSKY

**СОЦИАЛЬНАЯ ОБШНОСТЬ
КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ**

**SOCIAL COMMUNITY
AS A SUBJECT OF SOCIAL TIME**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей»

В статье анализируется специфика темпоральных характеристик социальной общности, показываются ее отличия как субъекта социального времени от других его основных субъектов – человека и общества. Доказывается научная необходимость и социальная целесообразность рассмотрения любой социальной общности сквозь призму ее временных параметров.

The article analyzes the specifics temporal characteristics of a social community, showing its differences as a subject of social time from his other main actors – the individual and society. The need to prove the scientific and social necessity of considering any social community in the light of its timing.

Ключевые слова: социальная общность, социальное время, человек, общество, темпоральные характеристики, субъект социального времени.

Key words: social community, social time, man, society, temporal characteristics, the subject of social time.

Традиционная постановка вопроса, касающаяся субъекта социального времени, была связана с тем, что в этом качестве рассматривались либо человек, либо общество в целом. Такому подходу в полной мере отвечал термин «социальное время», синонимом которого считалось время общества. Не вдаваясь в полемику относительно такого отождествления (социологическая наука еще в 1970-е гг. отдала ей дань), отметим, что в качестве субъекта социального времени может рассматриваться и социальная общность, выступающая связующим звеном между человеком и обществом. Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать особенности социального времени общности, ее темпоральные характеристики, не противопоставляя их ни социальному времени человека (индивида), ни социальному времени общества.

При этом под социальной общностью будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [2, с. 109-110].

Когда речь заходит о времени социальной (профессиональной, образовательной, этнической, семейной и иных) общности, то при его рассмотрении оно очень часто подменяется временем человека (индивидуальным вре-

менем). Последнее изучено гораздо лучше, оно достаточно известно и исследовано философами, психологами, экономистами, юристами, социологами, культурологами, антропологами. Представители иных наук (областей знания) имеют дело с временем общества. Здесь следует в первую очередь назвать историков и широко известную, многократно поднимаемую многими из них проблему исторического времени. Стоит также отметить, что в сфере исследования некоторых названных выше отраслей знания попадает время и человека, и общества. Это, касается, в частности, экономической и правовой наук.

Что касается времени социальной общности как предмета специального исследования, то оно остается «за кадром» конкретного (предметного) научного изучения. Ответ на вопрос, кто должен этим заниматься, находится в тесной связи с ответом на другой вопрос: представители какой науки исследуют социальную общность как субъекта социального действия (социальной деятельности)? По нашему мнению, это должны быть социологические и тесно связанные с ними социально-психологические исследования, посвященные теориям и практикам социальной общности.

В рамках именно этих двух наук – социологии и социальной психологии – заметны наиболее серьезные трактовки социальной общности. Не меньше, а, возможно, и больше внимания было уделено представителями данных наук проблеме социального времени в его самых различных ипостасях. Так что благоприятные возможности органического соединения, глубокой интеграции социальной общности и социального времени в социально-гуманитарных науках реально существуют.

Эти возможности обусловлены и существующими в социологии и социальной психологии интересными и имеющими длительную историю исследованиями времени человека, рассматриваемого как в социальном, так и психологическом ракурсе. В трактовке времени общности и времени человека, наряду с наличием ряда общих аспектов в характеристике времени этих разных социальных субъектов, имеют место заметные и достаточно глубокие различия. Отсюда следуют, по меньшей мере, два необходимых для начала анализа этой проблемы вопроса: 1. Что общего между временем социальной общности и временем человека? 2. Чем они отличаются друг от друга?

Начнем с первого. И тот, и другой типы времени являются необходимым способом и столь же необходимой формой бытия обоих социальных субъектов – общности и человека. Каждый из этих субъектов характеризуется в своей жизнедеятельности совпадающими (по крайней мере, по названию) этапами и фазами темпорального характера: рождение (зарождение), становление, функционирование, старение, смерть (исчезновение). Употребляются и иные понятия, которые по своей сути тоже являются темпоральными: детство, юность, зрелость, старость. Эти этапы характеризуют вертикальную структуру времени, показывают его вектор, направленность – в соответствии с темпоральным «движением», «перемещением» социального субъекта.

Вместе с тем, следует отметить различную временную протяженность и различные временные «отметки» и границы каждого из названных этапов у рассматриваемых субъектов (это суждение касается уже второго вопроса). У человека хронология его жизнедеятельности охватывает диапазон от мгновенного – почти в прямом смысле слова (не по Урри) – времени рождения и смерти до достаточно длительного, многолетнего времени «прохождения» всех остальных этапов. У общности мгновенность (краткость) времени как таковая отсутствует, она в хронологическом отношении проживает длительные, иногда очень длительные этапы (например, этническая общность или имеющая долгую историю профессиональная общность). Рождение же и исчезновение общности, в отличие от ее конкретного представителя, приобретает характер зарождения и исчезновения как растянутого во времени и постепенного процесса.

Что касается горизонтальной структуры времени человека и общности, то и здесь имеет место как общее, так и различное. Во многом это объясняется тем, что социальные общности включают в себя людей, близких по ряду параметров друг к другу. Это могут быть демографические параметры (дети – дошкольники, дети – школьники начальных, средних, старших классов), параметры профессиональной деятельности (те, кто идентифицирует себя с той или иной профессией по роду производственной деятельности), параметры национально-этнической принадлежности (относящие себя к одной и той же национально-этнической общности) и т. д. Понятно в этой связи, что если мы рассматриваем особенности времени человека – представителя конкретной социальной общности, то и темпоральные характеристики самой этой общности будут иметь немало общего с соответствующими характеристиками человека.

Подобные суждения являются уместными и в отношении структуры времени обоих социальных субъектов – человека и общности. Так, говоря о конкретном представителе социально-профессиональной общности, мы выделяем в одном из вариантов структурирования его времени (их может быть несколько) рабочее и внерабочее время, в рамках последнего – время удовлетворения физиологических потребностей, бытовых потребностей, свободное время. Аналогичному анализу может быть подвергнуто время социально-профессиональной общности в целом.

В отечественной социологии и экономической науке проводились в последней трети прошлого столетия исследования бюджетов времени некоторых социально-профессиональных общностей, жизнедеятельность которых имела достаточно проблемный характер с точки зрения отсутствия в ней разумных пропорций между отдельными структурными элементами времени. Так, подвергался ряду исследований бюджет времени учительства, одной из причин проведения которых был ненормированный рабочий день (такая же рабочая неделя), а также переизбыток рабочего и большой дефицит свободного времени.

Вместе с тем, говоря о соотношении времени человека и времени социальной общности, мы должны понимать, что полного тождества между ними нет и быть не может. Даже в приведенном выше примере с временем учительства как социально-профессиональной общности можно увидеть значительные различия между пропорциями временных расходов у ее отдельных представителей. Одни из них работали, как показали исследования, по 50–60 часов в неделю (что дало нам в тот период – 1970–1980-х гг. – основание сравнивать продолжительность их рабочей недели с величиной рабочего времени руководителей заводов и начальников крупных цехов), другие – намного меньше, укладываясь в нормативные показатели 40 часов недельного труда. Не меньшие, а иногда и большие расхождения фиксировались относительно затрат времени, связанных с удовлетворением физиологических, бытовых, досуговых потребностей. Здесь многое уже зависело от объема учебной нагрузки, состава семьи, наличия мужа (жены), маленьких детей и пожилых родителей, характера жилья, его бытового обустройства, необходимых удобств и т. д. [3, с. 241–245].

Различия между временем человека и временем социальной общности могут быть обнаружены в единицах его измерения. У человека – это секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы. Для социальной общности дробные единицы измерения (секунды, минуты, часы) вряд ли могут иметь большое значение. Слова популярной песни из сериала «17 мгновений весны» «Не думай о секундах свысока» значимы, прежде всего, для человека, причем сегодня гораздо больше, чем раньше. Те единицы измерения, которые для времени человека являются максимальными – годы, для времени многих социальных общностей оказываются начальными.

Сходства и различия между временем человека и временем социальной общности обусловлены в значительной степени видом (типом) и особен-

ностями последней, ее темпоральными характеристиками. Некоторые социальные общности оказываются вообще темпоральными по своей природе. Такими, в частности, являются возрастные группы, когорты, поколения. Приведем на этот счет суждение В.В. Семеновой: «Все возрастные характеристики по своей сути являются функцией времени. Отношения между отдельными жизненными событиями во времени требуют привлечения временных понятий скорости, последовательности событий в жизненном опыте индивидов от рождения до смерти. Поэтому при концептуальном рассмотрении поколений проблематика социального времени является исходной базовой категорией». При этом автор оговаривается, что ее интересуют, прежде всего, не общефилософские концепции времени, а «проблема времени в приложении к поколенческой проблематике – «время, переживаемое коллективно», или как коллективный опыт проживания времени становится основой поколенческого единства» [4, с. 27].

Таким образом, можно считать, что существует определенный тип социальных общностей, базирующихся на темпоральной основе их возникновения и функционирования, независимо от того, каких темпоральных стратегий поведения придерживаются люди, входящие в эти общности. Это, прежде всего, возрастные, когортные и поколенческие общности. Поскольку же абсолютно все люди являются их членами, постольку каждый человек становится субъектом, носителем и возрастного, и когортного, и поколенческого времени. Не существует вне времени (в том числе конкретизированного таким образом) ни одного человека. Это суждение, по-видимому, столь же справедливо, сколь справедливо утверждение одного из наиболее известных философов XX в. М. Хайдеггера о том, что «не существует времени вне человека» [6, р. 16].

Цитируя немецкого философа, мы не раскрываем многочисленных дискуссий с его позицией и иных точек зрения на этот счет, согласно которым время существует и вне человека (такая полемика не является нашей задачей), а говорим лишь о справедливости, по нашему мнению, утверждения Хайдеггера. Справедливость в данном случае означает наше согласие с этой позицией, признание ее соответствующей истине, реальному, действительному положению дел, правильность, верность приведенного суждения – разумеется, в соответствии с нашим представлением на этот счет.

Более того, в рамках нашей концепции времени социальной общности мы могли бы содержательно экстраполировать позицию немецкого философа и выдвинуть суждение, согласно которому не существует времени не только вне человека, но и вне социальной общности, равно как – добавим при этом – не существует социальных общностей вне времени. Вместе с тем, это утверждение не означает тождества времени человека и времени социальной общности. Более того, оно предполагает поиск различий между ними.

20 лет назад З. Бауман писал: «Время больше не река, а скопление запруд и омутов...» [1, с. 143]. Возможно, что эти запруды и омуты на пути течения реки времени создаются временем отдельных социальных общностей. Время индивида, конкретного человека – слишком незначительно для того, чтобы создавать такие запруды и омуты; время общества – слишком масштабно для такого действия, оно скорее может просто изменить ход и направление течения, резко ослабить или резко усилить его (революции, контрреволюции и прочие турбулентности). Запруды и омуты – как раз для социальных общностей, которые могут оказывать темпоральными характеристиками своей деятельности влияние на течение реки времени, «перегораживая» его, создавая барьеры на ее пути или расчищая от завалов, давая тем самым возможность быстрому, скоростному движению социальных процессов развивать все общество.

Важной особенностью социальных общностей является их стремление к локализации, в первую очередь, к социально-пространственному обособлению. Однако локализация социальных общностей возможна не только в соци-

альном пространстве, но и в социальном времени. Оно выступает как форма и способ бытия социальных общностей, являющиеся необходимыми условиями человеческой деятельности, ее структурной расчлененности и исторического развития с учетом различных темпоральных характеристик общественных процессов. В этом определении выражено стремление соединить горизонтальный и вертикальный срезы социального времени посредством связи структурного и исторического подходов к деятельности социальных общностей.

Любая социальная общность, взятая как порознь, так и во взаимосвязи с другими общностями, локализует свою историческую и актуальную деятельность в социальном времени. Не будем забывать о том, что социальные общности являются исторической реальностью, осмысление которой поэтому должно охватывать основные этапы их развития, того, что выше мы называли жизненным путем. Выразить эти этапы и показать тем самым специфику изменения социальной общности можно только с помощью фактора времени.

Социальное время общности может быть рассмотрено как единство целостности и расчлененности. Оно целостно постольку, поскольку вся жизнь социальной общности проходит в изменениях, характеризующихся временными параметрами – длительностью, продолжительностью, последовательностью, чередованием, ритмом и т. д. Вместе с тем, социальное время расчленено, дифференцировано, структурировано. В этом находит свое отражение феномен расщепления жизни социальных общностей по сферам, видам деятельности, процессам, отношениям и т. д.

Временная (в том числе метрическая) характеристика социальной общности связана, конечно же, с продолжительностью ее существования, что является, кстати сказать, одним из критериев классификации общностей (длительно существующие, создающиеся на небольшой срок и т. д.). Временные аспекты социальной общности столь же непреложны, сколь и пространственные. И те, и другие являются обязательными формами ее функционирования.

Сроки, продолжительность существования социальной общности влияют на степень ее устойчивости и восприятия этой устойчивости членами общности. Стабильность и фундаментальность социальной общности формирует у ее членов уверенность в поддержании сложившихся отношений, социального порядка, своеобразное чувство оптимизма. Вместе с тем, сохранение длительных сроков существования некоторых социальных общностей вызывает у отдельных категорий людей пессимизм и неверие в возможность позитивных преобразований существующих социальных порядков (например, многолетнее пребывание у власти политической партии, полностью подчиненной авторитарному режиму). Поэтому психологические факторы восприятия временных параметров социальной общности не могут не оказывать влияния на особенности ее функционирования.

Временные характеристики социальной общности являются показателем определенной тесноты и плотности внутриобщностных отношений. Общая тенденция состоит в том, что чем продолжительнее период функционирования социальной общности, тем более тесными и плотными являются отношения и взаимодействия внутри нее.

Вместе с тем, вполне уместна и иная позиция, в соответствии с которой может быть проведена определенная аналогия между живым организмом и социальной общностью. Эта аналогия тем более оправдана, что саму социальную общность целесообразно рассматривать в качестве живого организма. Смысл же аналогии в том, что, как и любой живой организм, социальную общность можно характеризовать сквозь призму прохождения фаз (стадий) рождения, становления, функционирования, старения, умирания.

Стало быть, при таком подходе временные параметры социальной общности приобретают циклическую форму. Однако это означает тенденцию не только усиления плотности и тесноты внутриобщностных связей и взаимодействий по мере увеличения сроков функционирования социальной общности, но и возможного ослабления названных отношений.

Благодаря социальному времени возникает возможность совершенно специфической локализации социальных общностей не в историческом, а в актуальном плане. Прежде чем говорить об особенностях этой локализации, обратим внимание на то, как связаны социальные общности со «своим» временем, что выступает в роли «посредника» между ними. На такую роль может претендовать только то, что подлжит самой многообразной структурной расчлененности. В обществе есть лишь один подобный «претендент» – деятельность различных социальных общностей. Рассмотрим ее временную структурированность.

Следует отметить, что в обществе существует ряд структур социального времени. Некоторые из них обусловлены спецификой основной деятельности социальной общности, которая выступает в качестве субъекта социального времени. Так, если речь идет об обучающихся (школьниках, студентах и т. д.), то основными элементами их социального времени являются учебное и внеучебное (в рамках последнего и свободное) время. Для социальных общностей, занятых производственной деятельностью, характерными являются другие элементы социального времени – рабочее и внерабочее (в рамках последнего и свободное) время. Очевидно, что иные временные структуры будут характеризовать жизнедеятельность таких социальных общностей, как дошкольники, пенсионеры.

Названия структурных элементов социального времени определяются и спецификой наук, изучающих его. Так, педагогика не оперирует понятиями рабочего и внерабочего времени, обращаясь лишь к учебному и внеучебному времени, а, скажем, наука трудового права выделяет в качестве своих узловых понятий время труда и время отдыха.

Далеко не все социальные общности «вписываются» в подобные временные структуры. К примеру, относительно этнических общностей, равно как и социально-территориальных, они не «работают» вообще. Там должны быть применены иные критерии. Для многих социальных общностей основанием структурирования социального времени является удовлетворение основных групп потребностей – физиологических, бытовых, социальных, интеллектуальных и т. д. Но, о каких бы структурах социального времени ни шла речь, каждая из них, рассмотренная в рамках социологического анализа, способна дать четкое «количественное» представление о специфике образа жизни данной социальной общности, особенностях ее функционирования в сравнении с другими (сопоставимыми) общностями.

Этому способствует то обстоятельство, что временные характеристики социальной общности могут быть выявлены и под совсем иным, сугубо социологическим и эмпирическим углом зрения. Здесь на помощь приходит известный количественный метод социологического исследования, связанный с изучением бюджетов времени. Благодаря применению этого метода и проведению соответствующих исследований становятся известными количественные затраты времени на те или иные виды деятельности. Соотношение временных расходов на них составляет бюджет времени, выступающий своеобразным количественным и структурным эквивалентом образа жизни той или иной социальной общности, прежде всего, такой ее разновидности как групповая общность.

Бюджет времени – это распределение времени суток, недели, месяца, года (суточный, недельный, месячный, годовой бюджет) по различным видам деятельности. Его изучение дает богатейший материал для анализа и реального знания многих проблем социальной общности, которые могут успешно решаться на базе конкретных представлений о затратах времени и поиска на их основании его резервов. Рационализация социальных процессов немаловажна по большому счету без выявления бюджета времени самых различных социальных общностей.

В целом можно сказать, что «язык» времяпрепровождения – один из наиболее четких, объективных, количественно выраженных и «репрезента-

тивных» социологических «языков», имеющий универсальный характер. Однако пока он используется крайне недостаточно. А ведь за каждой строкой бюджета времени, за каждой временной затратой стоят живые люди с их интересами, ценностными ориентациями и, главное, конкретными видами деятельности. Поэтому изучение бюджета времени различных социальных общностей дало бы богатейший материал для социологического анализа многих проблем, в том числе и управленческого характера.

Проблема упирается в понимание того, что означает управление временем, темпоральностью социальных общностей, насколько оно возможно и целесообразно, как может сочетаться в нем свобода и необходимость, какие механизмы могут и должны быть созданы для оптимального осуществления этого процесса и т. д. и т. п.

Понимание специфики социальных общностей с точки зрения временной локализации их деятельности создает возможность перехода с макро-социологического на микросоциологический уровень анализа данной проблемы. Этот переход становится еще более эффективным, когда временной фактор рассматривается не изолированно, а в единстве с пространственным.

Пример такого «совместного» их рассмотрения приводит современный английский социолог Э. Гидденс. Он говорит о том, что деятельность социальных общностей, занятых на производстве, «зонирована» как во времени, так и в пространстве. «Зона» их ежедневного рабочего времени – с 9 до 17 часов, она же включает в себя пространственные перемещения между домом и работой. Когда анализируется контекст социального взаимодействия, полезно рассматривать движение общностей во времени-пространстве. Социальные географы, говорит Гидденс, ввели интригующее понятие конвергенции (сближения, соединения) времени-пространства, чтобы видеть, как социальное развитие и технологические изменения влияют на образцы деятельности социальных общностей и индивидов [5, р. 106]. Далее английский социолог приводит интересные данные по поводу пространственной миграции в городах, которая сопровождается «миграцией» во временных зонах – вечерней и ночной. Оказывается, что в США ежедневно 30 млн человек ведут активный образ жизни ночью, и даже тогда, когда она «умирает» – от 3 до 5 часов утра – свыше 10 млн человек продолжают оставаться на ногах [5, р. 110].

Таким образом, рассматриваемое взаимодействие различных социальных общностей может быть охарактеризовано с точки зрения взаимосвязи временной и пространственной локализации их деятельности. Каждая социальная общность, обладающая собственной пространственно-временной структурой деятельности, оказывается связанной не просто с иными общностями, но и с их пространственно-временными структурами. Накладываясь друг на друга, пересекаясь, эти структуры создают сложную картину социального пространства-времени каждой социальной общности, равно как и общества в целом.

Литература

1. Бауман, З. От паломника к туристу [Текст] / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4.
2. Зборовский, Г.Е. Теория социальной общности [Текст] : монография / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009.
3. Зборовский, Г.Е. Социология образования [Текст] / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина. – М. : Гардарики, 2005.
4. Семенова, В.В. Социальная динамика поколений [Текст] / В.В. Семенова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
5. Giddens, A. Sociology [Text] / A. Giddens. – Cambridge, 1989.
6. Heidegger, M. Time and Being [Text] / M. Heidegger. – New York : Harper and Row, 1972.

С.Ю. КАМЕНСКИЙ,
Е.А. ШУКЛИНАS.YU. KAMENSKY,
E.A. SHUKLINAПАРТИСИПАТИВНЫЙ МУЗЕЙ: ПРАКТИКИ
ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯPARTISIPATIVNY MUSEUM: PRACTICIANS
OF DESIGN AND RESEARCH

В статье анализируется новое направление в развитии музейной сферы – «партиципативный музей», на материалах социологического исследования целевой аудитории показана эффективность разработки музейных проектов в этой сфере, представлен опыт создания методологии и методики партиципаторного исследования, наиболее адекватного для изучения данной проблематики.

Author makes a sociological analysis of the new museum project - participative museum, explores its target audience, depicts its success and effectiveness, its role for the cultural museum activity. Methodology and study design were especially developed for the project and author widely describes them in the article.

Ключевые слова: партиципативная культура, культура участия, партиципативный музей, партиципаторное исследование.

Key words: participative culture, participative museum, participative research.

Описанный в данной статье проект был направлен на решение проблемы «закрытого» музея, работающего преимущественно в режиме монолога. Мы искали выход из проблемы, когда тематика выставок задается не обществом, а музейными специалистами и часто не соответствует запросам посетителей, не связана с их жизнью и увлечениями, волнующими их проблемами. Мы хотели изменить ситуацию, когда взрослая аудитория не воспринимает исторический музей как место смысла, и за событием чаще ходит на спектакль, в кино или на концерт, а не в музей.

Актуализация концепции партиципативного музея и практики его конструирования – перспективное направление социокультурного развития музейной сферы как на западе, так и в России. Его основная ориентация – человекоцентризм в интерпретации культурного наследия и диалогический характер взаимодействия с аудиторией, которое базируется на феномене ее соучастия, соавторства в создании музейного продукта. В настоящее время музейная концепция партиципативности находится в стадии становления. Среди ключевых ее исследований – работы Н. Саймон [11], К. Маклин и В. Поллок [9, 10], а в России – Д. Агаповой [1].

В связи с новизной данного музейного направления необходимо остановиться на понятиях, используемых в теоретическом дискурсе. Обратимся к работам Нины Саймон – одного из основоположников направления «MuseumNext» (как называет его сам автор): Participatory museum – место, где посетители могут создавать, делиться и взаимодействовать друг с другом вокруг какого-то контента.

Создавать – означает, что посетители привносят свои собственные идеи, предметы и творчески выражают себя в организации и во взаимодействии с другими людьми.

Делиться означает, что люди обсуждают, уносят с собой, перерабатывают и делятся с другими как тем, что они увидели, так и тем, что они создали во время посещения музея.

Взаимодействовать означает, что люди общаются с другими людьми – сотрудниками музея и посетителями, имеющими какой-то свой персональный интерес.

Вокруг контента означает, что общение посетителей и их творчество фокусируются на фактах, объектах и идеях, наиболее значимых для организации [11].

Направление «MuseumNext» напрямую связано с феноменом партисипативной культуры [о понятии партисипативной культуры см. подробнее: 2, 3, 4, 8, 12]. Вслед за Д. Агаповой и опираясь на западные подходы, определим базовые понятия этого направления, инструментально применимые к российским реалиям: Participatory museum – музей, который основывает свою деятельность на *содержательно существенном* участии посетителей, местного сообщества, партнеров;

Культура участия – свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только «потребителями» или объектами воздействия, но *вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание* культурных событий (например, выставок и образовательных программ), а стало быть, *в процесс осмысления и актуализации культурного наследия* [1].

Помимо акцента на разных формах и уровнях участия, обосновывая свой подход, Н. Саймон акцентирует внимание на том, что «партисипативный музей – это учреждение, которое имеет подлинное уважение и интерес к впечатлениям, историям и способностям посетителей. Речь идет не о том, чтобы быть о «Чем-то» или для «Кого-то», партисипативный институт создается и управляется «Вместе с» посетителями» [11].

В предисловии к своей монографии Н. Саймон говорит о трех основных теориях, лежащих в основе партисипативного музея:

1. Идея обществоцентричной организации, которая является релевантной, полезной и такой же доступной как, например, торговый центр или железнодорожная станция.

2. Идея того, что посетители конструируют свой собственный смысл, значения из культурного опыта.

3. Идея о том, что голоса посетителей могут дать содержательный импульс и оживить как разработку проекта, так и программы для посетителя [11].

Таким образом, речь идет о принципиальной смене миссии, ценностей музея, признающего современные истории, артефакты, мнения посетителей не менее значимыми чем то, что хранится в фондах и имеет статус культурного наследия. Это создание поля общественных дискуссий вокруг вопросов «О чем этот музей?», «Какую историю мы рассказываем?». В крайнем выражении это проявляется в том, что сами темы выставок являются решением, принимаемым публикой.

При этом культура участия – это возможность выхода на новое качество музейного продукта. Именно оно должно позитивно влиять и на посещаемость музея, рост его доходов, другими словами, на те аспекты, которые действительно мотивируют музейные сообщества меняться. В этом отношении культура участия смыкается с «краудсорсингом» – еще одним знаковым для современности явлением.

Спектр задач, решаемых в краудсорсинговых проектах, достаточно широк и мало отличается от тех, которые составляют ядро деятельности современного музея: создание продукта (контента); поиск решения; голосования; сбор информации; сбор мнений; тестирование (например, мобильных приложений); сбор средств – краудфандинг.

Также у краудсорсинга существуют внешние по отношению к целям, но тоже значимые эффекты, среди которых особую роль играет «сарафанное радио», когда пользователи добровольно участвуют в продвижении продукта, к созданию которого они оказались причастны.

Таким образом, социокультурная, экономическая, маркетинговая целесообразность вовлечения «потребителя» сегодня все более очевидна. Краудсорсинговые проекты динамично развиваются в самых разнообразных

сферах по всему миру. А что же музеи? Почему они до сих пор стоят в стороне? У них нет привлекательного, интересного контента и задач, над которыми было бы интересно работать людям? Их сотрудники скептически смотрят на возможности «дилетантов»? Они не верят, что люди захотят им помочь?

Многие западные музеи уже преодолели эти барьеры и успешно реализуют проекты, используя разные возможности краудсорсинга:

- в оценке и фильтрации музейных коллекций, в том числе, отборе артефактов для выставок - как, например, это делает Бруклинский музей - проект «Click! A Crowd-Curated Exhibition», 2008 (<http://www.brooklynmuseum.org/exhibitions/click/>) и проект «Split Second», 2012 (<http://www.brooklynmuseum.org/opencollection/labs/splitsecond/index.php>);

- создание структуры и наполнение постоянной экспозиции «MN150» (2007 ш.) в Minnesota History Center (<http://museumtwo.blogspot.ru/2008/07/state-fairs-and-visitor-co-creation.html>);

- в сборе идей (<http://www.greatershepparton.com.au/share-your-vision>) для определения стратегии развития музея - как это делает The Shepparton Art Museum в г. Шеппартон (Австралия, 2014) (<http://www.greatershepparton.com.au/feasibility-study-for-a-future-sam>);

- в решении научных задач - как это делает, например, Публичная библиотека Нью-Йорка, создавая и используя краудсорсинговые инструменты для оцифровки, корректировки и анализа исторических карт (проект «Building Inspector», 2014) (<http://buildinginspector.nypl.org/general/about>).

На музейной же карте России краудсорсинговые проекты пока единичны и, безусловно, выделяется среди них «Весь Толстой в один клик» - проект привлечения сообщества к созданию эталонной электронной версии 90-томного собрания сочинений Льва Толстого, осуществленный Государственным музеем Л.Н. Толстого, Музеем-усадьбой «Ясная Поляна» и компанией АБВУ (<http://readingtolstoy.ru>). Однако проектов, в которых бы широкая интернет-аудитория включалась в создании музейной выставки, в России не известно.

Степень сформированности культуры участия напрямую связана с характером и эффективностью партисипативного управления. Его характеристики в настоящее время представлены разработками прежде всего в сфере менеджмента, теории управления, теории организации.

В данной статье мы рассмотрим опыт реализации партисипативного музейного проекта, осуществленного в Екатеринбурге Свердловским областным краеведческим музеем (СОКМ) в 2013-2014 гг. (см. сайт выставочного проекта <http://co-museum.ru>). Проект «Искусство путешествий» является победителем конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». Выставка «Искусство путешествий» - итог данного проекта, проходившая с мая по июнь 2014 г., была создана в русле описанной выше концепции и связана с поиском новой актуальной интерпретации музейной коллекции и необходимостью расширения выставочного пространства за счет идей, мнений, историй и артефактов путешественников Екатеринбурга.

Проект предполагал вовлечение аудитории музея в процесс создания выставки. В основу концепции выставки был положен человеко-центричный подход. Экспонаты музея и привлеченные артефакты через донесение до зрителя персональных историй широкого круга участников проекта проблематизировали путешествие как искусство и культуру, демонстрировали набор стилей, способов, практик, состояний, возможностей. Для активизации личного Я зрителя были созданы зоны участия (всего 16 точек на выставке), где посетитель мог проголосовать, ответить на вопрос, высказать свое мнение, узнать, что думают другие. Такой подход должен был дать три важных эффекта: 1) создать ощущение путешествия как состояния, определенного образа жизни, настроения, процесса; 2) активизировать размышления человека о своей практике путешествий, дать ему возможность узнать что-то новое о себе, осознать что-то, возможно поменять отношение или задуматься

о том, как можно путешествовать по-другому, пробудить желание двинуться в путь; 3) создать условия коммуникации: между посетителями выставки, посетителями и авторами привлеченных на выставку личных историй, посетителями и создателями выставки.

В процессе реализации проекта были использованы различные способы включения зрителя в этот процесс:

- участие сообщества в разработке концепции и тематической структуры выставки в рамках мозговых штурмов, конкурсов идей, фокус-групп, голосований, мнений по темам выставки;
- вовлечение зрителей в интерпретацию и оценку отдельных экспонатов - с помощью сбора личных ассоциаций, историй, вдохновленных предметами, участие зрителей в отборе артефактов;
- встречи и интервью с представителями местного сообщества;
- добавление посетителями своих экспонатов и историй в рамках уже заданных тем выставки;
- участие зрителя в написании этикеток, экспликаций и других текстов выставки;
- участие зрителей в создании отдельных экспозиционных комплексов, посвященных их личным историям и предметам;
- тестирование зрителями интерактивных зон, зон участия и других элементов выставки;
- наполнение уже функционирующей выставки мнениями, историями, отзывами посетителей;
- создание каталога выставки в формате 2.0.

Составляющей частью процесса конструирования экспозиционного пространства было социологическое исследование, которое имело статус партисипаторного. Исследования этого типа предполагают включение в исследовательский процесс в качестве со-исследователей те социальные сообщества, которые реализуют или готовы реализовать свою гражданскую активность. Партисипаторные исследования базируются на традициях самоэкспериментирования, самонаблюдения, их особенностью является то, что они должны осуществляться совместно «с» людьми, а не «на» людях как объекте и даже не «для» людей, во имя их блага [5, 7].

Коллективные усилия всех членов исследовательского комьюнити, прежде всего, ориентированы на значимые изменения, которые должны произойти в реальности, их целью является самопреобразование внутри групп, организаций, сообществ и более крупных социальных структур.

Партисипаторные исследования не являются комплексом детально разработанных процедур, а представляют собой достаточно плюралистическую ориентацию на получение знаний, ориентированных на социальные изменения [6]. Наше социологическое исследование было осуществлено в форме мониторинга и сопровождало реализацию проекта «Искусство путешествий» на всех его этапах:

I этап (предпроектный) - разработка общей концепции выставки.

II этап (исследования в ходе реализации проекта) - разработка и тестирование элементов проекта.

III этап (постпроектный) - изучение эффективности реализации проекта через выявление отношения посетителей к выставке «Искусство путешествий».

На предпроектном этапе исследования базовым являлся методы мозгового штурма и экспертного фокусирования, задачей которых стала разработка общей концепции выставки, корректировка основной идеи и способов ее реализации. Их участниками были команда проекта, широкий круг волонтеров, представителей музейного сообщества, людей, включенных в сферу туризма профессионально, студентов и преподавателей факультета культурологи. Большая часть участников (за исключением ядра управленческой команды) работала добровольно.

Кроме того, на данном этапе использовались фокус-группы и свободные интервью с представителями местных сообществ, любительски вовлеченных в сферу туризма. Задачей фокус-групп было тестирование идеи проекта и основных элементов концепции. Участники фокус-групп были отобраны так, чтобы спектр их туристской активности значительно (порой кардинально) различался, что позволило бы проанализировать разные случаи и собрать материал, дающий возможность увидеть оценки различных секторов целевой аудитории (для фокус-групп использовался гомогенный отбор, для свободных интервью целевой отбор методом максимальной вариации). Результатом этого этапа стало понимание того, что сама идея тестирования концепции мало подходит для исследований этого типа, в большей степени рабочими оказались дискуссии и мозговой штурм. Продуктивнее оказалось не тестировать концепцию, а вместе с аудиторией искать ответы на проблемные ситуации и решать спорные вопросы построения экспозиции. Людям интереснее участвовать в решении проблем и поиске решений, чем в обсуждении концепции, созданной другими. Мозговой штурм как форма интеллектуального «активити» интересна сегодня достаточно широкому кругу людей, именно поэтому она способна не только генерировать идеи, но и привлекать в музей новые аудитории.

Второй этап исследования предполагал целенаправленную работу по разработке и тестированию элементов проекта. Доминирующими методами выступали мозговой штурм, фокус группы, ассоциативные методики (групповая игра-эксперимент), личные интервью и метод анализа документов, предполагавшие «собрание» личных историй как для исследовательских целей, так и для формирования экспозиции.

Модель мозгового штурма определялась, прежде всего, необходимостью участия в нем профессиональных дизайнеров, которые, в ходе дискуссии о концепции каждого зала выставки, наполнении его экспонатами, их количестве и сочетании, определяли способы «обустройства» выставочного пространства, визуальные эффекты, необходимые для достижения результата экспонирования. На данном этапе команда проекта (прежде всего, ее ядро) полностью определяла и контролировала исследовательскую деятельность. Вместе с тем, получаемая информация постоянно становилась достоянием широкого круга участников с целью получения от них необходимой ответной реакции и помощи в поиске нужных экспонатов, материалов, дополнительных идей. Информация о процессе создания выставки распространялась в социальных сетях в виде мини-опросов, которые не претендовали на репрезентативность и методическую корректность. Вместе с тем, они позволяли держать аудиторию в курсе происходящего, получить от нее ответную реакцию в виде оценок, идей, личных историй, экспонатов. Строго говоря, они представляли собой не столько исследовательскую деятельность, сколько элементы краудсорсинга.

Интересным инструментом исследовательской работы оказалось использование ассоциативных методик, задачей которых стало выявление личностных сценариев «прочтения» музейного предмета посетителем, круга ассоциаций, образов, историй, которые может вызвать музейный предмет у неподготовленного экскурсией зрителя. Полученные данные планировалось использовать на выставке и в ее виртуальном каталоге, превращая их в своеобразные «личные» этикетки к экспонатам.

Особым методическим направлением было собирание личных историй и выстраивание экспозиции на их основе. Оно напрямую связано с общей идеей выставки, концептуализирующей поворот к микроистории, истории повседневности, составляющей основное содержание музейного высказывания, создающей условия диалога со зрителем, обращения к личности посетителя выставки.

Обращение к личной истории означало еще один важный момент. На этом этапе исследования мы сместили акцент с изучения мнений людей об

общей концепции выставки на их личный опыт путешествий. Индивидуальные встречи с людьми, длинные разговоры с ними, искренний интерес к их жизни позволили не только собрать десятки захватывающих историй и артефактов, но и углубить представление о целях выставки, ее содержании, способах ее организации. Это позволило проекту выйти на новый уровень.

Открытость миру, готовность выходить за привычные рамки и реализовывать свои мечты о путешествиях, путешествие к другим как путешествие к себе, страсть открывать мир и доверие Дороге – эти и другие идеи связали воедино все залы выставки, стали ключом к интерпретации выставочных коллекций, основой для создания зон участия на выставке.

Благодаря этому опыту у нас сформировалось представление о том, что существует два принципиально разных партисипативных пути к интерпретации музейных коллекций и созданию выставки:

Путь 1 – поиск ассоциаций, историй, контекстов вокруг конкретных музейных экспонатов. Этот путь достаточно сложный и часто неэффективный, поскольку требует:

а) изобретения специальных игровых форм взаимодействия зрителя с музейным объектом, что далеко не всегда интересно широкой публике;

б) обращения к узкому кругу участников, обладающих большим культурным бэкграундом, эрудицией, склонностью к самоанализу.

Путь 2 – разговор о том, как люди «делают» что-то. В нашем случае – путешествуют. Представители разных сообществ легко идут на такие контакты, что в итоге дает возможность сформировать смысловое ядро выставки, ключевое сообщение, а также набор конкретных подходов, стилей, практик. Все это позволяет создать структуру выставки, отобрать и интерпретировать музейные предметы. Помимо этого мы получаем мощный слой современных историй интересных широкой аудитории (принцип музеефикации современности).

В тоже время этот путь ставит новый вопрос – что музей будет делать с этими историями? На наш взгляд, здесь возможны два варианта:

а) музей представляет их как набор отдельных «живых голосов», живой памяти;

б) на их основе кураторы выставки создают некую метаисторию, вписывают их в социальный и культурный контекст эпохи и конкретной ситуации.

Третий этап исследования был связан с анализом эффективности реализации выставочного проекта и, прежде всего, изучением отношения аудитории к выставке. Здесь был использован массовый репрезентативный опрос посетителей методом индивидуального анкетирования¹, при этом анкетировали и вводили данные волонтеры – члены исследовательской команды. Ими же осуществлялось изучение отзывов посетителей, сбор и анализ статистики игровых, интерактивных зон, зон участия, общей статистики посетителей. При этом продолжалась коммуникация с широкой аудиторией, которая концентрировалась вокруг уже заверщенного проекта либо офф-лайн (встречи, культурные мероприятия и пр.), либо через сетевое взаимодействие, с целью создания тематического сайта виртуальной выставки, позволяющего «прогуляться» по ней вновь, поиграть, найти единомышленников по путешествиям, т. е. сформировать комьюнити на более продолжительное время. Это общение имело и исследовательскую составляющую, поскольку продолжалось изучение реакций аудитории на идеи выставки, ее экспонаты и мероприятия.

В целом партисипаторное исследование, при достаточной надежности полученных данных, использовало модель, исключая жесткую методическую нормативность (в частности, игнорировался ряд процедур контроля

¹ Объем генеральной совокупности 2776 человек, объем выборки N=296 чел., ошибка выборки 5,6% при вероятности 0,95 (коэффициент доверия =2), тип отбора – систематический, размер шага =15.

за сбором качественных данных), предпочтение отдавалось так называемому «живому знанию» и достижению конкретных практических результатов.

Эффективность выставки измерялась по ряду критериев, среди которых оценка посетителями:

- удовлетворенности посещением выставки;
- инновационности концепции выставочного проекта;
- отдельных элементов выставочного проекта;
- эффективности работы интерактивных зон и зон участия;
- готовности к продолжению участия в выставочном проекте.

Оценка удовлетворенности посещением выставки

Очень высокий уровень удовлетворенности (9,1 баллов по 10-балльной шкале) позволяет говорить об успешности проекта, «точном попадании» в целевую аудиторию, соответствии его основных концептуальных и организационных элементов потребностям этой аудитории.

Таблица 1

Респонденты о том, что внесло наибольший вклад в положительные ощущения от выставки (балльные оценки по 5-балльной шкале)

<i>Вклад в положительные ощущения от выставки</i>	Средний балл
возможность трогать экспонаты руками	4,9
созданная атмосфера путешествия	4,8
возможность делиться мнением, комментировать	4,6
истории и артефакты от современных путешественников нашего города	4,6
интересные экспонаты и истории о путешествиях прошлого	4,6
дизайнерские решения	4,5
игровые зоны	4,3
наличие полезной информации для вашей практики путешествий	4,3

Наибольший вклад в положительные ощущения от выставки (табл. 1) у посетителей вызвало разрушение традиционного стереотипа восприятия посетителями музеефицированного объекта/экспоната как дистанцированного, находящегося за пределами физического контакта, тактильного ощущения (средний балл 4,9): *«на выставке нет «обожествления» музейного предмета. Чемоданы, путеводители и кусочки великих вершин мира кажутся поэтому лучшими друзьями. Путеводители столетней давности привязаны на желтые шнурочки, обмотаны как посылки во времена моего детства. Сидишь себе в кресле из чемоданов, а рядом – первый екатеринбургский автомобиль начала XX века...»*¹.

Стирание границы между посетителем и экспозиционными объектами, их доступность, возможность понять и ощутить через непосредственное соприкосновение вызвало буквально всплеск позитивных эмоций и заложило основу понимания иного формата организации экспозиционного пространства и способов поведения посетителя в нем. В определенном смысле для посетителя – это первое, с чем он сталкивается, приходя на выставку, что не только символизирует, но и становится демонстрацией ее основной концепции – концепции участия, для которой интерактивность является необходимым (хотя далеко не единственным и не основным) элементом.

¹ Здесь и далее даны фрагменты интервью, типичные ответы на открытые вопросы анкеты, фрагменты отзывов посетителей см. http://vk.com/topic-54941304_29932030; <http://museum-of-travel.ru/about/opinions>.

Основной итог ее посещения – новые идеи, вдохновение, энтузиазм для новых путешествий: *«Вдохновение! Желание путешествовать!»*; *«Было очень интересно, нашла идеи, которые можно воплотить в жизнь»*; *«Выставка в целом вдохновляет на новые безумия и путешествия»*; *«Жажда путешествий стала особенно ощутимой, захотелось сделать свое путешествие особенным»*; *«Я обожаю путешествовать и для меня вся выставка – путешествие»*.

Для организаторов выставки важным было понимание того, что этот проект отвечает потребностям аудитории, имеет выраженный мотивирующий эффект, совпадает с повседневными практическими задачами и проблемами, с которыми сталкиваются люди, организующие свои путешествия: *«Это первая, посещенная мной выставка, настолько вдохновившая и так совпавшая с событиями в моей жизни»*; *«Определилась с направлениями следующего путешествия»*; *«Совпадение в нашей паре «Париж» в лотерее будущих поездок и окончательное решение его посетить»*.

Оценка инновационности концепции выставочного проекта

Одной из задач нашего исследования было выявление оценки посетителями инновационности концепции выставочного проекта¹. Факт его отличия от музейных экспозиций подобного рода отметили 94,5% посетителей.

Для них был очевидным новый формат участия в экспозиционном действии, понимание того, что здесь сняты многие стереотипы поведения в музее и от них требуется иной способ реагирования на происходящее. При этом открытость экспозиционного пространства, активность действия и взаимодействия в его поле, возможность дотрагиваться до экспонатов, тактильно их ощущать создали условия для познавательной активности, эмоционального сопереживания, интеллектуального поиска: *«Близость и ощущение сопричастности»*; *«Много возможностей поделиться своими мыслями и мечтами по поводу путешествий (для тех, кому интересно)»*; *«Заставляет мечтать, вызывает желание самой попробовать, желание пообщаться. Можно все потрогать, оставить свой след. Это супер!»*.

Посетителями вполне осознана заложенная в выставочный проект концепция диалогового типа взаимодействия с участниками проекта, концепция активного участия посетителя в создании и изменении выставочного пространства. Они отмечают *«Можно не только смотреть, но и активно участвовать, все доступно»*; *«Захотелось принести свои экспонаты»*; *«Сам создаешь мир путешествия»*; *«Возможность делать что-то самому: писать, играть, делиться, выбирать для себя интересные залы, комментировать»*; *«Возможность непосредственного участия в создании выставки»*; *«Возможность самой дополнять и изменять экспозиции»*.

Инновационность выставки, по мнению зрителей, в том, что ее интерактивность позволяет создать атмосферу свободы, открытости, демократичности, со-творчества. Посетителями отмечается: *«Очень живая, очень живая, яркая атмосфера»*; *«Атмосфера со-творчества»*; *«Новые идеи, открытость, взгляд с разных сторон»*; *«Живость, занимательность»*; *«Интерактивность, демократизм»*; *«Интересно, современно»*; *«Такой атмосферы, передающей тематику выставки, не встречала нигде. Это действительно путешествие»*.

Осознавалась посетителями и более глубинная идея, являющаяся частью концепции выставки, и очевидно нашедшая в ней свое удачное воплощение – человеко-центрированность экспозиционного проекта: *«Для меня это путешествие в себя»*; *«Выставка обращена конкретно ко мне»*. Зрители понимают, что гуманистический пафос, человеко-ориентированность про-

¹ Респондентам были заданы вопросы: «По Вашему мнению, выставка отличается от музейных экспозиций подобного рода?»; «Если да, то в чем Вы видите ее инновационность, уникальность?» (открытый вопрос).

екта заложена уже в самом процессе его создания и заключена «В широком участии очень разных людей, к которым (к опыту которых) музей относится с интересом и уважением».

Комплексный эффект, как результат работы над проектом, по мнению посетителей, достигнут серьезными усилиями его создателей. Ими отмечается сложность и необычность композиционных решений «Нелинейность экспозиции, пройдя по кругу, можно увидеть то, что вначале не заметил»; использование игрового подхода к организации пространства выставки: «Игровая форма»; «Это интереснее, чем просто музей»; «Это не просто выставка, это действительно – игра в путешествие!».

Отдельные искушенные посетители были склонны анализировать особенности разработки драматургии выставки с точки зрения логики выстраивания экспозиционного высказывания, особенностей донесения его смысла до зрителя, характера коммуникации со зрителем: «Понравилась логика построения выставки. Вообще, дорога – архетипический образ перехода, движения из одного состояния в другое... структура выставки напомнила структуру обряда посвящения...».

Проблема темпоральности в построении целого с помощью конкретного зрительского маршрута выставки также подвергалась рефлексии посетителями: «Ритм экспозиции: на выставке – а это шесть огромных залов – задан особый ритм пространства. По мере перехода из зала в зал напряжение нарастает: мечты о путешествии, варианты маршрутов, ожидание и сборы в дорогу, первая встреча с дальними берегами, возвращение домой... Наконец, визуальное и эмоциональное поле постепенно спадает к заключительному залу рефлексии и воспоминаний о путешествиях».

Понимание выставки как целостного события, существующего в единстве его частей и органической завершенности вполне осознается зрителем: «Выставка «Искусство путешествий» – это не просто выставка. Она напоминает арт-хаусный фильм или книгу. В ней есть сюжет (не путать с фабулой) и идеи, к которым приходит посетитель, двигаясь по экспозиции. То же самое происходит при просмотре фильма или чтении книги: грубо говоря, мы движемся по сюжету и приходим к заложенной идее (тоже своего рода путешествие). Поэтому мне сложно выделить какой-либо раздел выставки: выделить какой-либо раздел – все равно, что вырвать главу из книги или вырезать фрагмент из фильма».

Оценка отдельных элементов выставочного проекта, эффективности работы интерактивных зон и зон участия

Оценка посетителями отдельных элементов выставочного проекта – еще один показатель эффективности выставки. Для решения задачи исследования, связанной с выяснением «эффективности работы» каждого зала, составляющего маршрут выставки, успешности «считывания» респондентами смыслов, заложенных в каждый раздел экспозиции, мы использовали дневниковое интервью, задавали комплекс вопросов респондентам, проходя с ними по выставке повторно. В итоге можно с уверенностью утверждать, что коммуникативная интенция, заложенная в основу каждого экспозиционного раздела, прочитывалась зрителями почти всегда однозначно, а главное достигала реально запланированной создателями конкретной цели.

В исследовании важным был анализ эффективности работы интерактивных зон и зон участия. Являясь значимой составляющей выставки, они имели содержательную и функциональную нагруженность. Их нельзя рассматривать только как средство, инструмент реализации идеи выставки.

Массовый опрос дал возможность оценить как уровень активности зрителей, так и основные формы их активного участия в проекте. В целом 86,5% респондентов, принявших участие в опросе, проявляли различные формы своей активности. При ответе на вопрос об основной причине, ограничива-

ющей их активное участие в работе выставки, называют непонимание того, что им требуется делать (39,4%), либо неготовность к такой форме участия (37,5%). Другими словами, для каждого третьего посетителя предлагаемая ему модель поведения на выставке была необычной и не вполне комфортной.

Оценка готовности к продолжению участия в выставочном проекте

Еще один показатель эффективности выставки – готовность к продолжению участия в выставочном проекте (табл. 2).

Таблица 2

Респонденты о формах продолжения участия в выставке (% к числу ответивших)

<i>Готовы ли Вы ...?</i>	<i>Скорее да</i>	<i>Скорее нет</i>	<i>Итого</i>
Вернуться сюда снова	78,7	21,3	100,0
Пригласить на выставку друзей, знакомых	88,8	11,2	100,0
Продолжить знакомство с материалами выставки, используя интерактивный каталог (мобильное приложение), сайт выставки	65,0	35,0	100,0
Добавить свои экспонаты	60,2	39,8	100,0
Виртуально участвовать в конкурсах	56,9	43,1	100,0

78,7% участников не исключали возможности повторного посещения выставки, что, с одной стороны, говорит о заинтересованности данной темой, с другой – о скрытых резервах экспозиции, потенциал которой раскрывается постепенно и предполагает возможность повторного участия. При этом цели повторного посещения могут быть разными: одними респондентами не в полной мере освоено содержание, другими – игровой досуговый компонент выставки, кто-то хочет снова погрузиться в атмосферу путешествия, способствующую углубленному осмыслению темы.

65,0% посетителей готово продолжить знакомство с материалами выставки, используя интерактивный каталог (мобильное приложение), сайт выставки. Тот факт, что более половины зрителей заинтересованы в продолжении знакомства с материалами говорит значимом эффекте воздействия экспозиции.

Готовность продолжать активно взаимодействовать, добавляя свои экспонаты (60,2%), виртуально участвуя в конкурсах (56,9%) выразило больше половины респондентов. Следовательно, идея интерактивности выставки остается востребованной и актуальной.

Что касается негативных моментов и критических замечаний, то они были сформулированы и высказаны представителями экспертного сообщества:

«Огромный пласт фактологического материала поражает... Но у сторителлинга в таком формате мне открылась и другая сторона – уже во втором зале наступает ощущение, что ты тонешь в бесчисленных историях незнакомых тебе людей ...Может быть, не хватает некоего мета-уровня, который приподнимает тебя над своим опытом и над опытом других...».

«Выставка не очень построена драматургически». «Не очень она просчитана с точки зрения динамики и законов восприятия. Такое ощущение, что был огромный массив информации, но не всегда удавалось его упаковать так, чтобы он переваривался просто и легко «по всему маршруту следования».

«Все многообразие путешествия не передано. В основном это походы, экстремальный и малобюджетный туризм». «Подборка стран мне показалась странной. Мало Европы, Америки, Турции той же. Зато есть Тибет и Китай».

«Выставка больше эмоциональная, чем практическая ...не было достаточной информации, чтобы после посещения выбрать какой-то вариант путешествия, не было достаточно реальных полезных советов на будущее».

«...проект был бы еще более успешным, если бы залы хотя бы немного отличались визуально друг от друга – немного разный дизайн или хотя бы разное колористическое решение сработали бы на это, и тогда разные темы залов выглядели бы более артикулированными».

Подводя общий итог, можно констатировать, что успешность реализованного партисипативного музейного проекта несомненна, для него была выбрана удачная идея, вызвавшая интерес и отклик публики; корректно разработана общая концепция, которая была успешно считана, понята, принята аудиторией; адекватно запросам аудитории разработаны основные элементы выставочного проекта: разделы/залы; игровые зоны, зоны участия и др.; сделана достаточно успешная попытка включиться в процесс формирования культуры участия у посетителей музея, давая возможность им осваивать новые формы коммуникации, выходить за границы принятой социальной роли зрителя, взаимодействовать с участниками выставочного процесса, творческой группой, со-участвовать в создании и модификации выставочного проекта.

Вместе с тем, очевидно, что уровень готовности представителей музейного сообщества к реализации проектов такого типа пока невысок. Сложившиеся стереотипы аудитории и самих музейщиков относительно того, каким должен быть музей и музейный продукт, их неготовность рассматривать музей как сферу активной самореализации очевидна. Безусловным внешним фактором является и общий низкий уровень гражданской активности населения, определяющий уровень развития культуры участия. Для того, чтобы модернизировать музейное пространство и превратить его в настоящую сферу активного диалога со зрителем требуется время и серьезные усилия.

Комплекс факторов, обуславливающий эффективность практической реализации концепции партисипативного музея, имеет две составляющие, будучи напрямую связан с уровнем развития партисипативной культуры как социокультурной общности представителей музейного сообщества, так и посетителей музея – массовой общности потребителей музейного продукта. Именно социокультурные характеристики этих общностей, связанные с трансформацией ценностей, стандартов восприятия и действия, языка музейного высказывания и его понимания трансформируются труднее и дольше всего. Тем не менее, современные тенденции в развитии музея находят своих энтузиастов, последователей и реализуются в весьма успешные проекты.

Литература

1. Агапова, Д. Культура участия: миллионы диалогов [Текст] / отв. ред. А. Щербакова // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия ; сост. Н. Копелянская. – М., 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://issuu.com/museumsolutions/docs/book_5.
2. Росс Прицция (Ross Prizzia). Партисипативное управление [Текст] // Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам «International Encyclopedia of Public Policy and Administration»). – СПб. : Петрополис , 2001 – 632 с. – С. 380-384.
3. Суворова, С.Л. Партисипативное управление межкультурным образованием в вузе [Текст] / С.Л. Суворова // Вестник Южно-Уральского государствен-

- ного университета. Серия Образование // Педагогические науки. - 2011. - Вып. № 38 (255). - С. 26-30.
4. Фроловичев, А.В. Формирование партисипативного стиля управления в системе государственной службы [Текст] : дис. ... канд. социол. наук / А.В. Фроловичев. - Саратов, 2008. - 211 с.
 5. Brock, K. Pettit, J. Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development. Practical Action, Warwickshire, UK, 2007.
 6. Chambers, R. (2008) «PRA, PLA and Pluralism: Practice and Theory», in The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. Reason, P. and Bradbury, H. (eds). Sage, pp. 297-318 ; Camic, C. and Joas, H. The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. Rowman & Littlefield, Maryland, 2003.
 7. Chevalier, J.M. and Buckles, D.J. Participatory Action Research: Theory and Methods for Engaged Inquiry, Routledge UK, 2013.
 8. Jenkins, Henry, Puroshotma, Ravi, Clinton, Katherine, Weigel, Margaret, & Robison, Alice J. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / Jenkins, Henry [et al.]. - Cambridge : The MIT Press, 2009. - 129 p.
 9. McLean, K., and Pollock, W. «The convivial museum». Association of Science-Technology Centers, 2010. - 199 p.
 10. McLean, K., and Pollock, W. Visitor Voices in Museum Exhibitions (Eds.) Washington, DC: Association of Science-Technology Centers, 2007. - 164 p.
 11. Simon, N. The participatory museum. Santa Cruz, CA: Museum 2.0. - 2010. 388 p. [Electronic resource]. - URL: <http://www.participatorymuseum.org/read>.
 12. Willis, Paul. Foot Soldiers of Modernity: The Dialectics of Cultural Consumption and the 21st-Century School / Willis, Paul // Harvard Educational Review. - 2003. - 73 (3). - 392 p.

М.В. ПЕВНАЯ

M.V. PEVNAYA

**РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
И МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РАЗВИТИИ ВОЛОНТЕРСТВА:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА****RUSSIAN VOLUNTEERING FUTURE DIRECTIONS
AND GLOBAL TRENDS:
COMPARATIVE ANALYSIS EXPERIENCE**

Статья посвящена проблеме развития волонтерства как социального феномена. По результатам анализа социологических исследований, на основе изучения нормативно-правовых документов, а также обобщения результатов опросов общественного мнения в работе выделены и описаны «демократическая», «смешанная» и «постсоветская – квазидемократическая» модели волонтерства. Каждая из них включает в себя определенные системные характеристики волонтерства как института, общности и деятельности. Отличия российского, американского и европейского волонтерства не только демонстрируют специфику каждой из выделенных моделей, но и отражают общемировые тенденции, характеризующие волонтерство и позволяющие прогнозировать его дальнейшее развитие в различных социокультурных контекстах.

The article is devoted to the development of volunteering as a social phenomenon. «Democratic», «mixed», «post-soviet» models of volunteering are highlighted and described in this paper. According to the results of sociological researches, public opinion polls generalization and legal documents. Each model includes system characteristics of volunteering as a social institution, community and activity. Distinctions between Russian, American and European volunteering not only demonstrate specific characteristics of these models, but also reflect global trends of volunteering and allow to predict its further development in different socio-cultural contexts.

Ключевые слова: волонтерство, модели волонтерства, тенденции развития волонтерства, институт добровольчества.

Key words: volunteering, volunteering models, trends of volunteering, volunteering institute.

Волонтерство¹ – это масштабное социальное, политическое, экономическое и культурное явление. Волонтерское движение является сегодня общемировым, число волонтеров с каждым годом только увеличивается [12]. Волонтеры вносят значительный вклад в экономическое и социальное развитие своих стран, оказывают конкретную помощь нуждающимся людям, решают повседневные жизненные проблемы. В силу указанных обстоятельств волонтерство является объектом научного анализа. В мировой социологии акцент в его изучении в большей мере сделан на экономический подход, реализующийся через исследования волонтерского труда, который рассматривается как «инвестиция в человеческий и финансовый капиталы» [3, 5].

Социологами оцениваются внешние факторы, определяющие его эффективность в различных странах, исследуются характеристики волонтерской общности как человеческого капитала и социального ресурса современного общества [6]. В последние годы реализованы крупнейшие исследовательские проекты, направленные на выявление особенностей волонтерской

¹ В научном дискурсе понятия «волонтерство» и «добровольчество», как правило, равнозначны. Как и многие авторы, мы используем оба понятия, однако на первый план в данной статье ставим все же «волонтерство» в силу таких причин, как широкая международная распространенность термина и глобальный уровень его использования.

общности в России [11, 13]. Более глубоко рассматривается специфика волонтерского движения, выделяются основные типы добровольцев, описываются виды их деятельности и роль в производстве социального знания и политических процессах [9, 18]. Однако, попыток построения теоретических моделей развития волонтерства, наделенных характеристиками социального института, общности и деятельности и обладающих определенным прогнозным потенциалом, ни в мировой, ни в российской социологической науке и практике реализовано не было.

Методология исследования. В нашем исследовании в качестве основного мы применили системный подход, благодаря которому волонтерство рассматривается как функционирующая в широком контексте социальных, экономических, политических отношений общественная система взаимодействия добровольческих структур (субъектов волонтерской деятельности), базирующаяся на принципах целостности, солидарности, сочетания объективного и субъективного. Она характеризуется такими признаками, как: реализация волонтерства в качестве формы социального взаимодействия его национальных и интернациональных проявлений на институциональном уровне; использование социальных, экономических, политических, культурных ресурсов; наличие общих ценностей, интересов, установок, формирующих добровольческую социальную идентичность членов волонтерской общности.

Говоря о целях волонтерства как социальной системы, мы будем рассматривать их с позиций внутренней и внешней направленности. Внутренние цели означают воспроизводство и развитие исследуемого феномена как социального института и общности и предполагают укрепление его единства и сплоченности, социализацию, трансляцию культурных ценностей и духовных традиций, мобилизацию социальных, экономических, политических, культурных ресурсов, активизацию личностного потенциала добровольцев. Внешние цели связаны с получением реальных результатов и практической пользы объектами волонтерской деятельности.

В работе был проведен анализ волонтерства в США, странах Европейского Союза и России, реализовано сравнение различных аспектов, выявлены ключевые проблемы в его развитии на основе изучения нормативно-правовой базы, наиболее авторитетных исследований социологов, материалов опросов общественного мнения. Результаты этой аналитической работы нашли отражение в серии наших статей [14, 8, 15]. Систематизация проблемного поля изучаемого феномена позволила сделать вывод о том, что в современном мире волонтерство в своем системном качестве может быть представлено рядом доминирующих моделей, которые возможно рассматривать как определенные «паттерны», характеризующие суть изучаемого явления и имеющие ряд узловых свойств и признаков. В этом смысле общие характеристики различных моделей волонтерства позволяют отличить его развитие в одной группе стран от другой через оценку выраженности модельных признаков волонтерства и их системного проявления как института, общности и деятельности.

Выбор трех объектов исследования и сопоставление российского волонтерства с волонтерством США и ЕС обусловлены, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, изучаемый феномен в этих территориальных границах наиболее ярко проявляет себя в разных моделях, демонстрируя различные траектории своего развития, сохраняя при этом определенные различия как между отдельными государствами, так и внутри каждой отдельной страны по штатам, округам и т. д. Во-вторых, по данным «Мирового индекса благотворительности» из всех континентов именно Америка и Европа за пять последних лет сохраняют показатели реального статистически значимого роста волонтерства и помогающего поведения среди своего населения¹.

¹ Мировой рейтинг благотворительности. 2013 (World Giving Index). Charities Aid Foundation. Доступ: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_2013 (проверено 25.03.2015).

Выявление, сопоставление и сравнение характеристик развития добровольчества отдельных стран в пространственно-временном континууме открывают возможность рассмотреть не только институциональные отличия, отражающие специфику волонтерской деятельности и особенности волонтеров разных государств, но и выделить существенные, принципиально значимые характеристики волонтерства как глобального феномена через общие тренды и прогнозирование перспектив его дальнейшего развития в различных условиях.

Характеристика моделей развития волонтерства. Первый вариант – традиционная «демократическая модель» – характерна не только для США, но и для Канады и Австралии. Ее специфика заключается в том, что волонтерство является частью государственной истории, представляет собой сформированную национальную традицию. В объективном плане оно развивается в рамках отрегулированного нормативно-правового поля в созданной государством инфраструктуре, поддерживаемой на уровне межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и населения, где преобладают партнерский тип отношений и взаимовыгодное для всех участников взаимодействия сотрудничество. В субъективном плане волонтерство этой модели находит ярко выраженную поддержку и одобрение со стороны населения, демонстрирующего высокие показатели вовлеченности в различные волонтерские практики, определенный уровень престижности волонтерства в обществе, признание его социального эффекта и значимости для отдельного гражданина.

Модель характеризуют: трансформирующаяся в соответствии с политической и экономической «повесткой дня» государственная политика развития и поддержки волонтерства; широкое разнообразие волонтерских программ и проектов, которое открывает населению социальные лифты для реализации социальной, географической, образовательной, профессиональной мобильности, предоставляет возможности для самореализации или решения каких-либо личных проблем. Этой модели присущи: национальная пропаганда и активная информационная кампания, сохраняющая имидж волонтерства как деятельности при переходе от доминирования традиционной – религиозно-ориентированной жизнедеятельности к распространенности светского образа жизни; сложная структура общности, где есть определенные императивы внутриобщностной идентификации ее членов; доминирование организованных форм волонтерства; развитость международного и национального добровольчества; высокий уровень профессионализации как самой деятельности волонтеров, так и управления ею.

Вторая модель волонтерства – «смешанная модель» – реализуется в границах Европейского Союза. Ключевую особенность данной модели определяет тот факт, что в одном нормативно-правовом, экономическом и политическом пространстве объединены страны, где волонтерство проявляется либо в качестве национальной традиции, либо как относительно новое социальное явление. В силу разного исторического, социально-экономического и политического бэкграунда добровольчества в этих странах оно имеет существенно различающуюся степень распространенности, содержание деятельности волонтеров характеризуется сильно дифференцированной мотивацией и поддержкой населения.

С объективной точки зрения, волонтерство данной модели характеризуется: наличием разной степени проработанности нормативно-правового регулирования на общеевропейском, национальном и локальном уровнях; существованием объединенной системы международной, общеевропейской и национальных структур организации управления волонтерством, создающей условия для реализации социальной мобильности европейского населения; развитым третьим сектором; поливариантностью видов и типов волонтерской деятельности. В субъективном плане волонтерство этой модели демонстрирует тенденции прагматизации волонтерского труда, обусловленные изменением его мотивации.

По нашему мнению, в качестве характерных черт второй модели могут быть выделены: многоуровневая, мультикультурная, привязанная к тенденциям экономического развития ЕС политика, регулирующая и стимулирующая развитие волонтерства; существование зависимости управления волонтерством отдельных стран-участников ЕС от реализуемых в них национальных моделей государственного управления; активная информационная поддержка имиджа волонтерской деятельности; развитая структура третьего сектора; многообразие видов, типов и направлений деятельности волонтеров; профессиональный менеджмент волонтерской деятельности.

Третья модель, выявленная в ходе нашего исследования, – «постсоветская – квазидемократическая» – характерна для России и ряда стран постсоветского пространства. В рамках этой модели национальная история становления и развития волонтерства имеет дискретный, противоречивый характер, в результате которого в обществе нарушена реальная преемственность исторически сложившейся традиции, не закреплена и социальная норма волонтерской деятельности. Модель характеризуют: стихийность практик нормативно-правового регулирования различных видов взаимодействий волонтеров; несформированность третьего сектора; отсутствие инфраструктуры волонтерства; противоречивый характер институционального взаимодействия государства и институтов гражданского общества, в котором его реальные субъекты далеко не всегда получают поддержку; низкая активность в этом направлении бизнес-сообщества. Уровень когнитивной, эмоциональной и поведенческой вовлеченности населения в проблемы развития волонтерства достаточно невысокий, при общем одобрении волонтерской деятельности в обществе реальное участие населения незначительно. На макроуровне волонтерство в данной модели представляет собой «фантом», находящий свое отражение в официальной статистике, в массовизации добровольчества, доминировании среди населения случайного, эпизодического характера волонтерской деятельности. Оценивая данную модель волонтерства на мезоуровне социального взаимодействия, можно говорить о существовании определенной волонтерской общности (статистически значимой), члены которой вопреки внешним условиям стремятся реализовать свою мотивацию в добровольчестве, которое в данном случае оказывается сродни сподвижничеству.

Характерными чертами третьей модели являются: негибкая, бессистемная государственная политика в отношении поддержки ограниченного числа направлений волонтерской деятельности; неразвитость третьего сектора как «провайдера» волонтерской деятельности и реализации гражданской активности; низкий уровень вовлеченности в развитие добровольчества субъектов экономической сферы. Эту модель отличают: непроработанность системы государственной поддержки развития волонтерства и необходимой для этого инфраструктуры на федеральном, региональном и локальном уровнях; отсутствие национальной идеологии волонтерства; разобщенность членов волонтерской общности. Вместе с тем, следует отметить распространенность неформальных видов деятельности волонтеров в условиях реализации традиции взаимопомощи друг другу как элемента национальной культуры.

Мировые тенденции и прогнозы развития волонтерства. Достаточно яркие страновые отличия российского, американского и европейского волонтерства не только демонстрируют специфику каждой из выделенных моделей, но и отражают общемировые тенденции, характеризующие волонтерство и позволяющие прогнозировать его дальнейшее развитие в различных социокультурных контекстах. Следует отметить, что при реализации той или иной модели в разных странах наибольшее число различий проявляется на институциональном уровне, наименьшее – на общностном и деятельностном уровнях.

В ходе прогнозирования и моделирования перспектив волонтерства в нашей стране американский опыт, отраженный в демократической модели, демонстрирует во временной перспективе определенное постоянство на-

правления развития данного социального института с учетом социальных и экономических изменений. В то же время важно анализировать специфику европейского опыта. По нашему мнению, именно в смешанной модели отражены возможные проблемы и перспективы развития российского волонтерства, так как она охватывает в едином институциональном пространстве разные страны. В одних государствах Европейского Союза доминируют элементы выделенной выше демократической модели, в других – прослеживаются черты квазидемократической, постсоветской модели.

Четко обозначенные глобальные тенденции в системном развитии волонтерства фиксируют, что формальные и неформальные нормы, а также правила взаимодействия волонтеров между собой и с теми людьми, кому они помогают, во многом зависят от институциональной среды, где развивается добровольчество. Основу этой среды формируют система ценностей населения отдельных территорий и исторически сложившиеся в тех или иных обществах традиции волонтерства и взаимопомощи. Они находятся в тесной связи с уровнем экономического благополучия и социальной стабильности общества, вписываются в контекст определенных практик государственного управления, задающих условия развития третьего сектора и становления гражданского общества. Такие институциональные основания развития волонтерства позволяют предполагать, что при поддержании определенного уровня «обобщенного генерализованного доверия» [16] (к власти, третьему сектору, СМИ, другим людям) в странах, где волонтерство реализуется по демократической модели, направление его развития как социального института существенно не изменится. Результаты последней волны исследования жизненных ценностей – WVS 2011–2014 гг. демонстрируют, что в этих странах уровень обобщенного доверия выше (на 5,5% – в США, на 22,2% – в Австралии), чем в современной России. Стабильному развитию волонтерства в рамках первой модели будет способствовать и экономический рост отдельных государств, например, по прогнозам в США его показатели вырастут в 2015 году на 3% [4].

Скорее всего, вектор развития волонтерства в рамках демократической модели будет наиболее устойчивым по сравнению с другими моделями даже при ухудшении экономической ситуации и дальнейших трансформациях добровольческих традиций в обществе. Во многом этому будут способствовать сформированный третий сектор, пользующийся высоким уровнем доверия со стороны населения, и хорошо отработанные социальные механизмы, запущенные в сферах образования, культуры, массовых коммуникаций, продуцирующие и ретранслирующие волонтерство как социальную норму.

Направление развития волонтерства в странах со смешанной моделью, по нашему мнению, прогнозировать сложнее всего. Ключевая проблема, определяющая несколько возможных вариантов, заключается в экономических и политических основаниях объединения стран – участников ЕС, имеющих существенные социальные и культурные отличия. Они оказываются в едином образовании, где общие регулирующие институты затрагивают своими решениями, наряду с другими вопросами, не только проблемы европейских волонтеров, но и работают на унификацию их деятельности.

Разная степень и качественные характеристики развития третьего сектора отдельных европейских государств на фоне замедления темпов экономического роста (по прогнозам, в 2015 году его показатели относительно экономики еврозоны составят не более 1,2%) [4] и существования политических разногласий по отдельным вопросам порождают негативную динамику доверия европейцев друг к другу и к институтам власти. Неоднозначное влияние на отношение европейцев разных стран к волонтерству (его дискредитацию в общественном мнении) могут оказать и российско-украинские события 2014–2015 гг., в ходе которых был зафиксирован рост числа военных волонтеров – граждан европейских и постсоветских стран. Такая характеристика ситуации позволяет прогнозировать не только снижение численности реально действующих волонтеров ЕС, но и изменение характера их деятель-

ности даже в тех странах, где сильны добровольческие традиции.

Однако, не исключен и второй сценарий, согласно которому европейское волонтерство будет приближаться к демократической модели. Аккумуляция потенциала смешанной модели возможна за счет активной общеевропейской социальной политики, в том числе и по отношению к волонтерству, учитывающей контекст общегосударственных социальных проблем, динамику показателей экономической стабильности не только разных стран – участников ЕС, но и отдельных социальных групп европейцев. Экономическая и социальная стабильность является необходимым условием волонтерской активности. Более низкие темпы инфляции и безработицы в европейских странах на макроуровне, а также доход и занятость на индивидуальном уровне способствуют развитию волонтерства [1, р. 17].

Как нам кажется, системная поддержка инфраструктуры формального волонтерства на общеевропейском уровне, программное распределение ресурсов на развитие его различных видов, с учетом характеристик уже сложившейся общеевропейской информационной политики в отношении волонтерства, позитивно повлияют на распространенность и качественные характеристики волонтерства в странах ЕС.

Наиболее неоднозначные прогнозы развития волонтерства можно дать относительно стран, где представлена постсоветская модель. Например, в России во внешнеполитических кризисных условиях, когда уровень экономического благополучия россиян существенно ухудшился, можно ожидать провалов в развитии формального волонтерства и увеличения проявлений неформальных видов самоорганизации россиян. По нашему мнению, это наиболее вероятный сценарий развития российского волонтерства в силу ряда следующих институциональных проблем.

Во-первых, отсутствие экономической стабильности в стране сокращает не только ресурсы добровольцев, которые они могут тратить на волонтерство, но и возможности российского населения включаться в различные волонтерские практики – притом, что потребность общества в помощи волонтеров только растет.

Во-вторых, слабо развитый третий сектор вследствие государственной политики получает в свой адрес удар за ударом и постепенно остается без ресурсной поддержки государства. Первый существенный удар третий сектор как институциональное основание инфраструктуры волонтерства получил благодаря Федеральному закону от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Следующий удар готовится посредством внесения проекта поправок в федеральный бюджет, подготовленный Министерством финансов РФ и предполагающий сокращение, еще хуже: ликвидацию финансирования государственной Программы поддержки социально-ориентированных НКО. Таким образом, государство только сокращает возможности некоммерческого сектора, к которому и так в российском обществе на протяжении длительного времени остается низкий уровень доверия. По данным САФ, только 6% россиян готовы жертвовать деньги на благотворительную деятельность, и этот показатель не меняется с 2009 года. На фоне кризиса сокращается и корпоративная благотворительность.

В-третьих, благодаря опять же событиям на Украине в информационной повестке российских СМИ сам термин «волонтерство» (добровольчество) начинает ретранслироваться в своем милитаристском значении, практически во всех развитых странах давно ушедшем в прошлое. Само понятие «волонтерство», как и исследуемый нами феномен, при этом получает неоднозначные смысловые трактовки в медийном пространстве и соответственно в сознании россиян. Данный процесс способствует разделению россиян на полярные социальные группы «одобряющих» и «осуждающих» действия власти и поступки «российских добровольцев».

В-четвертых, в качестве социальных механизмов, ретранслирующих волонтерство как социальную норму в обществе, в нашей стране запущены отдельные волонтерские программы образовательно-воспитательного характера, ориентированные, как правило, только на организованную молодежь – студенчество. Инициированные и оплаченные государством общественные движения у большинства населения не вызывают доверия, а независимым НКО и группам волонтеров реклама в СМИ не нужна [19, с. 54], притом, что информационная политика в отношении волонтерства на государственном уровне не спланирована и не реализуется.

Кризисная ситуация в стране, спровоцированная внешнеполитическими процессами и внутренним состоянием российской экономики, не будет способствовать наращиванию потенциала доверия в российском обществе. За 15 лет реформ в стране создана система, в которой доверию не осталось места. Само же доверие перестало быть элементом культуры общества, его традиции [10, с. 37]. Социально-экономическая нестабильность будет во многом детерминировать проявления стихийного неформального волонтерства. Россияне станут оказывать разные виды помощи друг другу, в обществе с «парализованным» третьим сектором начнут активизироваться процессы самоорганизации людей, направленные на решение насущных проблем.

При пассивной позиции исполнительной государственной власти волонтерство в России может стать неформальным сектором, который в дальнейшем только обострит негативное отношение населения к государству как институту власти. Стратегия «пассивности» субъектов власти федерального, регионального и локального уровней затрагивает не только проблемы волонтерства, но и практически все аспекты социальной жизни России. Это во многом связано с директивностью, авторитарностью управления в стране в целом. Чиновники разных уровней управления практически не принимают самостоятельных решений, не проявляют особых инициатив, не оказывают поддержку инициативам «снизу», их задача – «попасть в струю». На любых уровнях управления, на любых должностных позициях в его иерархии мало кто думает о долгосрочных перспективах и последствиях.

По нашему мнению, волонтерские практики – благоприятное поле, порождающее гражданскую активность и аккумулирующее протестный потенциал россиян. Эмпирические исследования показывают, что российские волонтеры всегда вступают во взаимодействие (подчас конфликтное даже тогда, когда конфликт не входит в намерения инициаторов) со сложившимися институтами. В этом взаимодействии активисты требуют либо изменения правил и практик, либо просто благ от властей, мало интересуюсь правилами [13, с. 93]. Кроме того, добровольное участие волонтеров в протестном движении, ориентированном на побуждение власти к изменениям в системе или режимах правил, – практика вполне самоочевидная [9, с. 9]. С позиции большинства населения именно социальная активность может преодолевать социальный фатализм [7, с. 278]. По нашему мнению, «синдром активности» как деятельности на благо общества, государства, не имеющего отношения к личности и ставящего личность в сугубо функциональные отношения, описанный А.Э. Страдзе [17, с. 6], в кризисной ситуации перестанет срабатывать.

Ослабление государственной поддержки развития волонтерства в рамках любой из выделенных нами моделей в разной степени будет способствовать изменению структуры волонтерской общности, стимулировать появление новых видов волонтерства.

Модельные характеристики волонтерства как общности и деятельности имеют наименьшие отличия в разных странах. Практически повсеместно отмечается появление все новых и новых направлений волонтерской деятельности, что способствует увеличению числа волонтерских подобщностей, затруднению групповой идентификации и усложнению условий управления волонтерами.

Традиционные коллективные практики взаимопомощи уступают место индивидуализированной волонтерской деятельности, которая начинает носить преимущественно дискретный, проектный характер с учетом возможностей, желаний и предпочтений самих волонтеров, их личностных ресурсов. В связи с этим в научный оборот сегодня введено понятие «рефлексивного волонтерства», которое закрепляет включение волонтерской деятельности в активную реконструкцию индивидуальных биографий. Такая деятельность характеризуется чаще всего эпизодическими усилиями самих волонтеров, их эгоистической мотивацией и слабой привязанностью к каким-либо организациям [2, р. 426].

Вне зависимости от отличительных характеристик выделенных нами моделей, во всех странах, где они реализуются, происходят процессы, влияющие на изменение мотивации волонтеров как акторов. Альтруистические основания волонтерской деятельности тесно переплетаются с эгоистическими мотивами, а сама деятельность становится более рациональной и прагматической.

Литература

1. Hackl, F. Volunteering and the State [Text] / F. Hackl, M. Halla, G. Pruckner // Discussion Paper. – 2009. – No. 4016. – Germany. – 34 p.
2. Hustinx, L. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon [Text] / L. Hustinx, R. Cnaan, F. Handy // Journal for the Theory of Social Behaviour. 40:4 0021-8308. USA. – 2010. – P. 410-434.
3. Kiptot, E. Voluntarism as an investment in human, social and financial capital: Evidence from a farmer-to-farmer extension program in Kenya [Text] / E. Kiptot, S. Franzel // Agriculture and Human Values. – 2014. – Volume 31. – Issue 2. – P. 231-243.
4. Robinson, G. The 20 Fast Growing Economies This Year [Электронный ресурс] / G. Robinson // Bloomberg Business. 25.02.2015. – 2015. – Режим доступа: Bloomberg.com.
5. Salamon, M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates and a roadmap to the future [Text] / M. Salamon, F. Wardell, J. Lishman // Annals of Public and Cooperative Economics 82:3: Johns Hopkins University. USA. – 2011. – P. 217-252.
6. Wilson, D. Volunteering [Text] / D. Wilson // Annual. Reviews. Sociol. 26. – 2000. – P. 215-240.
7. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть [Текст] / М.К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2011. – 672 с.
8. Зборовский, Г.Е. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения [Текст] / Г.Е. Зборовский, А.А. Кузьминчук // Вестник СурГПУ. – 2014. – № 2 (29). – С. 57-70.
9. Климов, И.А. Конструктивные и протестные движения как ресурс для изменения социальных практик и институтов [Текст] / И.А. Климов // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – Т. 12. – № 2. – С. 201-216.
10. Кривоусков, В.В. Фактор доверия в минимизации институциональных рисков в системе обеспечения консолидации российского общества [Текст] / В.В. Кривоусков // Власть. – 2013. – № 1. – С. 34-38.
11. Мерсиянова, И.В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение [Текст] / И.В. Мерсиянова, И.Е. Корнеева. – М. : НИУ ВШЭ, 2013. – 204 с.
12. Мировой рейтинг благотворительности. (World Giving Index) [Электронный ресурс] Charities Aid Foundation. – 2014. – Режим доступа: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_2014.
13. Отчет ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» [Электронный ресурс] – 2012. – М. : ФОМ. – Режим доступа: <http://soc.fom.ru/dobrovolchestvo.html>.
14. Певная, М.В. Волонтерство как социологическая проблема [Текст] / М.В. Певная // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 110-120.

15. Певная, М.В. Российские волонтеры третьего сектора: характеристики общности и управленческие перспективы [Текст] / М.В. Певная // Известия УрФУ. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – Т. 135. – № 1. – С. 145-151.
16. Сасаки М. Доверие как элемент социального капитала России [Текст] / М. Сасаки, А.В. Давыденко, Ю.В. Латов, Г.С. Ромашкин // Мир России. – 2010. – № 2. – С. 78-97.
17. Страдзе, А.Э. Социальная активность в российском обществе: структурно-деятельностное измерение [Текст] : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2013. – 62 с.
18. Яницкий, О.Н. Волонтеры: гражданские и государственные [Текст] / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 1 (5). – С. 71-89.
19. Яницкий, О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня [Текст] / О.Н. Яницкий // Власть. – 2015. – № 2. – С. 53-60.

УДК 316.3
ББК 60.5

П.А. АМБАРОВА	МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ВРЕМЕНЕМ И ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБШНОСТЕЙ
P.A. AMBAROVA	MANAGEMENT MODEL BY THE SOCIAL TIME AND TEMPORAL BEHAVIOR STRATEGIES OF SOCIAL COMMUNITIES

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей»

В статье представлена авторская трактовка и модель управления социальным временем и темпоральными стратегиями поведения социальной общности. Рассмотрены основные элементы модели управления временем – темпоральная идеология, структура управления, управленческие практики. Показаны особенности управления временем и темпоральными стратегиями поведения как специфического вида социального управления.

The article presents the author's interpretation and management model of social time and temporal behavior strategies of social community. The main elements of the management model (temporal ideology, management structure, practice) are considered. The paper shows features of management of social time and temporal behavior strategies as a specific type of social management.

Ключевые слова: темпоральные стратегии поведения, социальная общность, управление временем и темпоральными стратегиями поведения.

Key words: temporal behavior strategies, social community, management of social time and temporal behavior strategies.

Разработка проблемы управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей имеет высокую теоретическую и практическую значимость. В современном обществе наблюдается усиление динамики социального времени, выражающейся в переходе к его новым, нелинейным формам и конфигурациям, приобретению совершенно новых нелинейных свойств. Характер изменений социального времени влечет за собой возникновение спектра противоречий временного характера в жизнедеятельности социальной общности, в ее взаимодействии с социальным окружением. Возникают такие острые проблемы, как темпоральная напряженность, хаотичность повседневной бытовой и профессиональной деятельности, дисхроноз, рассогласование социального времени различных групп и общностей, усиление пессимизма в восприятии любых социальных изменений и сопротивление им и др. Многие негативные процессы и явления, характеризующие состояние социальных общностей, своими первопричинами имеют темпоральные противоречия. Эти темпоральные противоречия рискованны для общества, а значит, требуют управленческого регулирования.

Актуальность исследования управления темпоральными процессами и явлениями также обусловлена необходимостью совершенствования социального управления жизнедеятельностью социальных общностей. Давно назрела потребность анализа целей, механизмов, ресурсов управления именно на уровне социальной общности. Социологическая интерпретация закономерностей, тенденций, противоречий темпорального функционирования и развития социальных общностей, с одной стороны, обеспечивает понимание

новых требований к целям, содержанию, качеству социального управления, осуществляемого на различных уровнях, с другой – открывает возможности преодоления «управленческого кризиса» за счет использования ресурсов социального времени. Углубление знания о времени социальной общности, темпоральных стратегиях ее поведения служит основой поиска новых ресурсов для развития общества и новых, более эффективных, механизмов управления им.

Изучение управления социальным временем связано с обращением к смыслообразующим и парадигмальным основаниям социального управления. Перманентный характер экономического, политического, социокультурного кризиса в стране с очевидностью заставляет обращаться не к формальным, а содержательным и сущностным аспектам социального управления, а значит, исследованию его взаимосвязи с фундаментальными социокультурными основаниями жизнедеятельности социальных общностей, в том числе – с их временем, темпоральным сознанием и поведением.

Между тем, управление на современном этапе развития его теории и практики недостаточно оперирует категорией времени. Время зачастую отсутствует не только в управленческом языке, но и в управленческом мышлении. Практика управления российским обществом по существу игнорирует современное социологическое знание о времени социальных общностей. Как следствие, оно не учитывает и законы времени – невозвратности прошлого, неотвратимости будущего и другие. Любой управленческий проект оценивается не сам по себе, а в сопряженности с фактором времени: актуален ли он, соответствует ли сегодняшним интересам социальных субъектов и их ожиданиям будущего, осуществляется ли он своевременно или нет, просчитаны ли в нем эффекты не только для настоящего времени, но и ближайшего и отдаленного будущего, «работает» ли он на будущее или порожден острой ностальгией по прошлому. Именно в таком ракурсе предлагается формировать критерии оценки управления и управленческой культуры. И именно в таком направлении должен идти поиск новых возможностей и ресурсов управления обществом и социальными общностями в условиях политического, экономического, социокультурного кризиса.

Понятие управления временем, сложившееся в тайм-менеджменте, получило узкую трактовку как управление временем организации и персонала и в значительной степени нашло применение в научном обосновании социальных технологий управления и самоменеджмента [3-5 и др.]. Во многих работах по управлению временем представлены исключительно технологические, узко прикладные аспекты управления ресурсами времени без их связи с социокультурными изменениями темпоральности современного общества и выхода на проблемы социального поведения социальных общностей.

Управление временем представляет собой более широкую область научного исследования и социальной практики, нежели тайм-менеджмент. В менеджменте время является одним из ресурсов организации, включающим рабочее время рядовых сотрудников, менеджеров, время организационных процессов. Сотрудник традиционной организации, основанной на иерархических отношениях, продает свое время работодателю и тем самым отказывается от возможности самостоятельно распоряжаться им. В этом случае он выступает пассивным носителем социального времени, потенциал которого раскрывается в зависимости от воли и способностей менеджера. Задача последнего заключается в поиске способов рационального использования времени для извлечения дополнительной прибыли [1, с. 25]. Менеджеру необходимо так выстроить организационные процессы, чтобы благодаря этому в единицу времени производилось больше действий, продукции или услуг.

Во внеорганизационной сфере общества складывается более сложная система темпоральных отношений и управления ими. Здесь действует намного больше социальных субъектов, реализующих те или иные темпоральные

стратегии поведения, более сложными становятся сами темпоральные отношения и взаимодействия. Поскольку в центре нашего внимания находятся социальные общности, то возникает множество непростых вопросов: кому принадлежит время той или иной социальной общности – время молодежи, пенсионеров, горожан и др.? кто им распоряжается и управляет (и управляет ли)? с какими целями? что это дает представителям социальных общностей? и т.д.

На все эти вопросы тайм-менеджмент ответа не дает: у него специфическое предметное поле, достаточно конкретные, прагматические задачи, ограниченные методы. Менеджеризм не позволяет увидеть и раскрыть особенности управления временем социальной общности и общества, которое имеет иное качество, структуру и функции. Между тайм-менеджментом и управлением временем примерно та же дистанция, что и между социальным управлением и менеджментом.

Мы предлагаем модернизировать содержание понятия «управление временем» за счет включения в него новых уровней, субъектов, объектов, предмета и механизмов управления. Мы исходим из того, что управление временем общества реализуется именно на уровне социальной общности посредством формирования ее темпоральной стратегии поведения. Реальное управление временем социальной общности возможно, по нашему мнению, через формирование определенной направленности темпорального сознания, способа эмоционального восприятия и переживания времени и моделей темпорального поведения, которые в единстве образуют темпоральную стратегию поведения представителей социальной общности.

На основе этого мы трактуем *управление темпоральными стратегиями поведения социальных общностей как совокупность (взаимосвязь) социальных практик различных социальных субъектов, ориентированных на формирование у представителей социальных общностей определенной направленности темпорального сознания, восприятия и эмоционального отношения к времени, а на основе этого – темпоральных потребностей и моделей темпорального поведения* [2, с. 184].

Социологическая интерпретация понятия «управление временем» выводит нас на необходимость определения субъекта времени. Словосочетание «управление временем» приобретает фигуральный смысл, если не упоминается тот, кто выступает «владельцем» времени. В этом случае время абстрактно и, значит, не может быть предметом управленческой деятельности. В реальности же время проявляется в социальных фактах – объективных (например, в действиях, поступках) и субъективных (например, в картине мира, убеждениях).

Управление временем социальной общности, с точки зрения социологии, равнозначно регулированию ее жизнедеятельности посредством конструирования представлений членов этой общности о времени, его «вписывания» в систему их ценностных ориентаций, формирования поведенческой культуры времени на фоне установления конкретных темпоральных условий жизнедеятельности.

Исходя из этого, мы можем определить три основные методологические позиции, лежащие в основе предпринятого социологического анализа управления временем и темпоральными стратегиями поведения:

1. Управление темпоральными стратегиями поведения выступает особым видом социального управления. Его специфика обусловлена:

1) сложностью феномена социального времени (его свойств, структуры, функций) и многообразием форм его объективации (темпоральные стратегии поведения выступают одной из них);

2) интегрированностью управления в сложную многоуровневую систему социальной регуляции темпорального поведения представителей социальных общностей (управление – один из механизмов социальной регуляции, наряду с ценностно-нормативными комплексами, моралью, традициями, социальным контролем и санкциями и пр.);

3) множественностью субъектов управления, в качестве которых выступают органы власти, образовательные и научные учреждения, общественные и деловые организации и т.д.

2. Управление темпоральными стратегиями поведения социальных общностей формируется в логике «мягкого» управления сложными социальными процессами, относящимися к разряду самоорганизующихся объектов. Социальное время только отчасти поддается регулированию с помощью жестких методов управления. Их использование может породить противоречия в сознании и поведении представителей социальных общностей, инициировать сопротивление управленческому воздействию, что приведет к снижению его эффективности.

3. Управление темпоральными стратегиями поведения вписано в систему управления жизненными стратегиями социальных общностей, что позволяет рассматривать этот вид управления как универсальный инструмент решения широкого спектра проблемных ситуаций – от повышения производительности труда до поддержания социального порядка и гармонизации общественных отношений.

«Ядром» концепции управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей является разработанная нами модель, содержащая в себе как теоретические, так и практические аспекты управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей. Основными элементами этой модели выступают темпоральная идеология, структура управления и управленческие практики (рис. 1).

Рис. 1. Модель управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей

Темпоральная идеология управления включает в себя темпоральные цели, принципы и институциональные правила. Структура управления содержит уровни, субъекты, механизмы управления временем и темпоральными стратегиями поведения. Управленческие практики включают управленческие решения, действия и процессы, мониторинг результатов управленческих решений и действий.

Идеология управления темпоральными стратегиями поведения задает цели и направление управленческой деятельности. Она базируется на понимании роли социального времени и его динамики как фактора, оказывающего влияние на темпоральное поведение и сознание представителей социальной общности. На содержание идеологии огромное влияние оказывает культура времени субъектов управления. В зависимости от уровня ее развития формируются три вида отношения к времени социальной общности как ценности: 1) времени придается высокая значимость, 2) его значение недооценивается, 3) время вообще игнорируется. В соответствии с этими установками формируются цели управления в диапазоне от сохранения и развития капитала времени социальной общности (как ресурса решения ее проблем, укрепления/повышения ее социального статуса и т.д.) до инструментальных целей, в соответствии с которыми управление временем и темпоральными стратегиями поведения выступает средством реализации сугубо управленческих целей и интересов.

На основе идеологических установок и целей складывается система принципов управления. Мы считаем, что в качестве этих принципов могут быть рассмотрены:

1. Учет типов темпоральных стратегий поведения, распространенных в социальной общности, в выработке решений, касающихся ее жизнедеятельности (учитываются/не учитываются).
2. Согласование целей различных управленческих проектов с состоянием темпоральных стратегий поведения социальной общности (согласуются/игнорируются).
3. Ориентация на темпоральную самоорганизацию социальной общности (имеется/отсутствует).
4. Рациональное использование темпоральных ресурсов (возраста, бюджета времени, темпоральных ориентаций, способностей, навыков) социальной общности (присутствует/отсутствует).
5. Измерение управленческих проектов в темпоральных категориях сроков, временной ориентации, скорости, синхронности, своевременности (используется/не используется).
6. Согласование скорости управленческих решений и действий с темпоральными потребностями социальной общности (осуществляется/не осуществляется).

Названные принципы модели управления временем служат основой для выбора варианта (альтернатив) многих управленческих решений и действий в отношении социальной общности.

Институциональные правила управления временем и темпоральными стратегиями поведения являются совокупностью норм темпорального взаимодействия субъектов управления и социальных общностей, которые (нормы) выполняют следующие функции:

1. Организуют обмен темпоральными ресурсами и другими социальными благами между названными социальными субъектами.
2. Воспроизводят темпоральные отношения и темпоральный порядок на уровне межобщностного взаимодействия.
3. Делают результаты темпорального взаимодействия между управлением и социальной общностью предсказуемыми и управляемыми.

Структура модели управления временем и темпоральными стратегиями поведения отражает взаимосвязи между различными субъектами управления, а также ресурсное и технологическое обеспечение их деятельности, интегрированное в понятие механизма управления. Действие управлен-

ческих механизмов реализуется в управленческих решениях и процессах, изучение которых дает возможность выявить логику и смысл управления темпоральными стратегиями поведения социальной общности, определить противоречия, складывающиеся в реальной практике темпорального взаимодействия управления и социальных общностей.

Предлагаемая модель управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей включает механизм обратной связи, который предполагает организацию мониторинга влияния управленческих решений и действий на темпоральное поведение общности. Таким образом, механизм обратной связи позволяет оптимизировать управление темпоральными стратегиями поведения социальных общностей с учетом реального состояния темпорального сознания их представителей, социальных эмоций, связанных с восприятием динамики социального времени и существующих в этих общностях процессов темпоральной самоорганизации.

Специфика существующей модели управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей определяется, прежде всего, тем, что она *не имеет полного институционального оформления и закрепления*. В государственных и муниципальных структурах власти и управления отсутствуют специальные ведомства или департаменты, которые занимались бы управлением временем и темпоральным поведением различных групп населения. Не существует подобных структур и учреждений в коммерческом секторе экономики, а также в сфере общественных организаций и движений. Тем не менее управление темпоральными аспектами жизнедеятельности социальных субъектов имеет место – либо в качестве элемента различных институциональных управленческих практик, либо как элемент процессов самоорганизации социальных общностей.

На рисунке 2 мы попытались схематически отразить взаимодействие *институционального управления* социальными общностями через институциональные практики управления их временем и темпоральными стратегиями поведения и *самоуправления* социальных общностей, реализующегося в их темпоральной самоорганизации и темпоральном саморегулировании. Это взаимодействие относительно объекта управления и самоуправления осуществляется на уровне целей, норм и правил, способов, принципов. В случае их совпадения возникает синергетический эффект, в случае несовпадения формируются зоны конфликтов, противоречий между управлением и социальными общностями.

Рис. 2. Социальное время и темпоральные стратегии поведения социальной общности как объект управления и самоуправления

Некоторые субъекты управления не вполне осознают, что, принимая те или иные решения, они осуществляют управление временем индивидов и общностей. Перед нами стоит задача вычленив из различных видов управленческих и регулятивных систем те элементы, которые направлены на управление временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей.

Другая особенность управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей состоит в его *многоуровневом характере*. Некоторые социальные общности формируются и функционируют в масштабах всего общества и поддерживают свою целостность благодаря опосредованным связям и отношениям. Они также могут быть локализованы в регионе или конкретном населенном пункте – городе, поселке, сельском поселении. Соответственно, возможно управление временем социальных общностей в масштабах всего социума (макроуровень), на уровне конкретного региона и города (мезоуровень) или организации (микроуровень).

На каждом из трех уровней происходит спецификация управления темпоральными процессами. На макроуровне формируются управленческие подходы и инструменты, задающие единые для всей социальной общности темпоральные стандарты и правила, например, законодательные нормы рабочего времени, времени отдыха, отпуска т.д. Управленческая практика этого уровня носит формализованный характер, так как связана с массовыми общностями. На этом же макроуровне складываются различные социокультурные регуляторы темпорального поведения представителей общности, обусловленные национальной или профессиональной культурой, включая кодексы и традиции.

Чем ниже уровень управления, тем ниже степень формализации управления. На мезоуровне и, особенно, на микроуровне на первый план выходят социокультурные регуляторы, запускающие и интенсифицирующие процессы темпоральной самоорганизации общности. Закономерно, что с уменьшением размеров общности возрастает ее гомогенность, усиливаются внутриобщностные связи, интенсифицируются личные контакты между членами общности, что отражается в изменении характера, способов управленческого влияния и его соотношения с процессами саморегуляции общности.

Говоря об управлении временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, следует подчеркнуть *его многосубъектность*, поскольку этот вид социального управления выходит за границы конкретной организации или сферы общественной деятельности, а значит, расширяет перечень тех структур, которые включаются в практику темпорального регулирования. В связи с этим мы придерживаемся мнения о том, что управление временем и темпоральными стратегиями поведения включает в себя *управление в классическом его понимании* (как управленческое воздействие/влияние) и *темпоральную самоорганизацию и саморегуляцию* (как особые социальные практики, сформированные повседневным жизненным опытом представителей социальной общности). Таким образом, в контексте исследования социального времени и темпоральных стратегий поведения термин «управление» получает расширительное толкование, что соответствует сложной природе изучаемого явления.

Многосубъектность и многоуровневость управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, многообразие социальных общностей и форм их темпорального поведения влекут за собой появление *широкого спектра механизмов темпорального регулирования*. Управление приобретает в этом случае вид ветвящегося дерева, где каждая ветвь и ответвление приобретают специфические конфигурации в зависимости от специфики жизнедеятельности и образа жизни социальной общности. Дифференциация управления на уровне способов и методов влияния придает ему гибкость, адресность и, соответственно, повышает его эффективность.

Мы можем выделить шесть главных особенностей управления временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей:

- 1) неполное институциональное оформление и закрепление управленческих практик;
- 2) их интегрированность в различные виды управления и процессы самоорганизации и саморегуляции социальной общности;
- 3) многоуровневость;
- 4) многосубъектность;
- 5) сочетание управленческого воздействия/влияния, социокультурного регулирования и процессов темпоральной самоорганизации;
- 6) дифференциация способов и механизмов темпорального регулирования.

Каждая из названных особенностей увеличивает уровень сложности этого вида управления и создает предпосылки для возникновения противоречий в реальной социальной практике управления темпоральным поведением представителей социальных общностей: 1) между институциональными нормами и правилами темпоральной регуляции и неформальными правилами, спонтанно возникающими новыми принципами темпоральной организации жизнедеятельности социальной общности; 2) между целями и способами темпорального регулирования, складывающимися на различных уровнях, у разных субъектов управления; 3) между многообразием темпоральных интересов, потребностей, устремлений, присущих каждой социальной общности, и унифицированными и консервативными управленческими методами, характерными для «жесткого», традиционного управления временем. Отсутствие противоречий характеризует модель управления временем чисто теоретически, реальная же управленческая практика изобилует примерами, которые отражают весь спектр названных противоречий.

Литература

1. Акулич, М.М. Власть и управление временем [Текст] / М.М. Акулич // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2008. - № 4. - С. 24-25.
2. Амбарова, П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей [Текст] : монография / П.А. Амбарова. - Екатеринбург : УрФУ, 2015. - 252 с.
3. Архангельский, Г. Организация времени: от личной эффективности к развитию фирмы [Текст] / Г. Архангельский. - СПб. : Питер, 2008. - 448 с.
4. Кноблаух, Й. Управление временем [Текст] / Й. Кноблаух, Х. Вельте. - М. : Омега-Л, 2006. - 144 с.
5. Резник, С.Д. Персональный менеджмент [Текст] / С.Д. Резник. - М. : Инфра-М, 2008. - 558 с.

УДК 130.2
ББК 71.4

С.Д. БАКУЛИНА

**РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ
ИНДУСТРИЙ**

S.D. BAKULINA

**THE IMPORTANCE OF CULTURAL
AND HISTORICAL HERITAGE IN THE DEVELOPMENT
OF MODERN CULTURAL INDUSTRIES**

Работа дает представление о специфике развития современных культурных индустрий, в которых культурно-историческое наследие занимает особую нишу. Автор сосредотачивает внимание на формах сохранения и актуальных способах репрезентации культурно-исторического наследия, востребованных жителями мегаполиса. Интерес к вопросу определяется двунаправленными тенденциями: потребностью в создании типовых культурных образцов и поиском маркеров, определяющих уникальность среды проживания. Если первое направление унифицирует общество, то второе определяет основу для поддержания региональной идентичности и самопрезентации территории в ее самобытных формах.

In the article the author speaks about the cultural industries. Cultural and historical heritage occupies a special niche. The author's attention is focused on the preservation of cultural and historical heritage in the modern metropolis. The problem is defined by two trends. On the one hand, there is a need in the global world in the creation of a single cultural model. On the other hand, it is necessary to find markers that define the unique image of the place. The first direction integrates society while the second one creates a basis for the formation and maintenance of regional identity.

Ключевые слова: культурная индустрия, культурное и историческое наследие, регион, региональная идентичность, культурная память, образ места.

Key words: cultural industries, cultural and historical heritage, region, regional identity, historical memory, the image of place.

Внимание к поиску механизмов сохранения и репрезентации культурно-исторического наследия в современном мире определяется двунаправлено. Потребность социума в создании типовых культурных образцов, выполненных в стандартных формах по стандартным технологиям, удовлетворяет запрос на приобретение продукта масскульта и обеспечивает возможность приобщение к единым стандартизированным формам жизнеустройства. Параллельно с этим актуализируется поиск маркеров, определяющих исключительность среды проживания, что связано с необходимостью решения вопроса, как о формировании региональной идентичности, так и о возможных способах представленности территории в качестве благоприятной среды для инвестиционных вложений. Если первая тенденция унифицирует общество, то вторая определяет основу для поддержания региональной идентичности и самопрезентации территории в ее уникальных формах. Именно этому способствует специфика культурно-исторического наследия, к которому относятся объекты, сложившиеся в результате исторических событий, имеющие аксиологическое значение с точки зрения истории, археологии, архитектуры, гра-

достоинства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии и являющиеся подлинным источником информации о зарождении и развитии культуры [5].

На протяжении XX века понятие «культурная индустрия» наполнялось разным содержанием в зависимости от социокультурной специфики развития общества. Заметим, что в первой половине двадцатого столетия была актуальной формулировка *индустрия культуры*. Она формировала критерии развития массовой культуры, ориентировала производителя на создание единообразных, стандартизированных продуктов в области искусства, живописи, литературы методами тиражирования, формировала общество потребления. Целью процесса выступала прибыль, создание иллюзии свободы человека, который как бы выбирает, но на самом деле потребляет престижное, стандартное. Потребитель формировался равнодушный к проявлению собственной инициативы и творчества [1].

Со второй половины XX века индустрия культуры расширяет свое влияние на формирование социума, и теперь она представлена разными направлениями – *культурными индустриями* – в числе которых *производство общества* (социальный порядок и нормы, социальные идеи и принципы, символы и идеологии), *производство культурных артефактов* (обычаев и нравов, идей, текстов, символов и норм религиозного характера), *производство знаний о культуре, а также о человеке и обществе в их культурных проявлениях* (актуальная новостная информация и публицистика, гуманитарные науки, описывающие социальное бытие, общественные науки, измеряющие его) [6].

Основными признаками современных культурных индустрий остаются массовость и стандартизированность продукта, результатов труда, которые приводят к стиранию территориального своеобразия. Однако, в отличие от предыдущих десятилетий, данная тенденция порождает потребность в развитии творческой индустрии с характерными признаками новационности, авторской оригинальности, штучности и эстетической значимости. Культурно-историческое наследие способно выступить механизмом, поддерживающим тенденцию репрезентации территории как креативной и уникальной, поскольку, сложившись на протяжении многовековой истории, обладает ценностным капиталом, не только понятным своему жителю, но и привлекающим внимание внешних инвесторов.

О значении сохранения культурно-исторического наследия

На сегодняшний день значение сохранения и регенерации культурно-исторического наследия, как для отдельных регионов, так и для страны в целом, определяется тремя основными тезисами:

1) культурно-историческое наследие несет в себе культурные и цивилизационные коды нации, на нем основывается идентичность населения. При утрате наследия происходит потеря опоры и корней, без которых невозможно развитие социума. Вне этой среды нация теряет свой интеллектуальный и творческий потенциал, поскольку историческая и культурная память максимально предметна и не существует без привязки к «малой родине»;

2) объекты культурно-исторического наследия – это важный актив современных регионов, он может приносить прибыль и существенно влиять на экономическое развитие территории;

3) культурное и историческое наследие определяет содержание территориальных брендов. Регионы стремятся перераспределить в свою пользу туристические потоки, и культурно-историческое богатство все чаще используются в качестве эффективного инструмента утверждения лидерства, продвижения и региональных, и национальных интересов на международной арене.

О способах интеграции культурного и исторического наследия в жизнь современного региона

Основным противоречием в вопросе сохранения и репрезентации объектов культурного и исторического наследия является не только изыскание средств для содержания и реставрации многочисленных памятников, но и необходимость находить способы их интеграции в хозяйственную жизнь региона, введения в экономический оборот. К числу наиболее популярных и практико-ориентированных методов относятся следующие:

- приватизация памятников с наложением обременения на частных собственников;
- девелопмент - придание новой функциональности объекту наследия и приведение его в соответствие с предъявляемыми рынком недвижимости стандартами: например, стандартами комфортности жилья, стандартами функциональности офисных или торговых помещений. Наиболее широко и успешно девелопмент используется для регенерации районов рядовой исторической жилой и промышленной застройки, которая сама по себе не является памятником и самостоятельной культурной и исторической ценности не имеет;
- продажа «ауры» культурного и исторического наследия, когда привлекательность исторических городов и отдельных исторических районов используется для увеличения стоимости новой недвижимости;
- развитие культурного и познавательного туризма и создание на базе объектов наследия туристических продуктов и брендов.

Ни один из этих методов нельзя признать идеальным, каждый из них имеет свои существенные недостатки. Поэтому, если говорить об успешных примерах регенерации объектов наследия, как правило, эти методы применяются в комплексе.

О тенденциях приобщения населения к культурно-историческому наследию в российских регионах

Хранителем культурно-исторического наследия, сложившегося на протяжении многовековой историей, а потому обладающего ценностным капиталом, не только понятным своему жителю, но и привлекающим внимание внешних и внутренних туристов, сегодня выступают музеи, библиотеки, архивы. Какие формы взаимодействия музейных коллекций с жителем мегаполиса – продукта и потребителя современных культурных индустрий – являются наиболее востребованными успешными? В поиске ответа на этот вопрос выстраивается деятельность современных культурно-просветительских площадок.

Одним из показателей интереса населения российских регионов к культурному наследию в пространстве государства является рост количества искусствоведческих и краеведческих музеев, увеличение числа музейных посещений в последнее десятилетие (табл.).

Годы	Число музеев, включая филиалы	В том числе							Число посещений музеев, млн
		Искусствоведческие	Исторические, археологические	Краеведческие	Естественно- научные	Научно- технические	Комплексные	Отраслевые, специализированные	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1995	1725	284	378	670	41	17	154	181	75,4
2000	2047	301	465	908	38	10	155	170	73,2
2005	2285	316	492	1085	39	13	179	161	75,6

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2006	2368	308	498	1150	40	17	192	163	79,2
2007	2468	311	529	1219	41	19	190	159	78,8
2008	2495	305	539	1249	38	19	187	158	80,8
2009	2539	309	532	1294	39	20	190	155	78,9
2010	2578	320	522	1332	39	21	190	153	81,0

**Музеи Российской Федерации в 1995-2010 гг.
(по классификации ЮНЕСКО) [4]**

Важным шагом в вопросе просвещения населения, безусловно, является *форма привлечения*. Как показывает современная практика, одной из самых успешных и апробированных в последнее время является *интерактивное погружение* в среду, создаваемую и поддерживаемую культурно-историческим наследием. Интерактивность в музее может быть, во-первых, ориентирована на современные способы развития творческих возможностей (хенд-мейд, рисунок песком), во-вторых – основана на приобщении к знаменательным датам, судьбам, событиям, информация о которых представлен музейными коллекциям. Отсюда актуальными формами могут выступать *интерактивные программы* (например, межрегиональный праздник традиционных ремесел «Покровская ярмарка» и народный праздник «Большие троицкие хороводы» в Омской области), *интерактивные элементы в экскурсионной программе* (например, изготовлении керамических изделий происходит на фоне рассказа о быте и ремесле коренного или переселенческого населения), *деятельность в виде интерактивных*, в том числе *виртуальных экскурсий* (например, «Виртуальные прогулки по старинному Тобольску» [2]).

Существенный вклад в процесс сохранения и популяризации объектов культурного наследия в регионах Российской Федерации вносят федеральные и региональные культурно-просветительские программы. Так, в рамках выполнения государственной программы «Информационное общество» и в целях выполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 создан единый портал популяризации культурного наследия «Культура.рф», где в свободном доступе размещены виртуальные экскурсии по музеям и объектам культурного наследия России, лекции известных деятелей культуры и мастер-классы выдающихся деятелей искусств, создан и размещен национальный календарь событий. Кроме того на сайте начато размещение фильмов режиссеров с мировыми именами из списка «100 фильмов», а также бесплатно предоставленных фильмов Свердловской киностудии. В настоящее время в свободном доступе на портале находятся 33 виртуальных музея; 370 лекций известных деятелей культуры и мастер-классов выдающихся мастеров искусств; 67 художественных и документальных фильмов; 61 видеозапись концертов классической музыки, хореографии [3].

При разработке интерактивных форм работы в сфере внешнего и внутреннего туризма стоит ориентироваться на тенденцию «не отдыхать, но узнавать новое, слушать и смотреть». Как показывает практика, заинтересованность туристов растет особенно в сборных (не корпоративных) турах. Современный турист – это развитый, информированный человек. Нередко он выстраивает свою поездку, связанную с событийными турами – на Масленицу, Ивана Купалу. При условиях утраты интереса причину стоит искать в устоявшемся и привычном формате работы культурно-просветительских площадок, который не поддерживает интерес, а потому не пользуется популярностью. Отсюда элементы интерактивности, мастер-классы привлекая внимание, образуют, дают представление о тенденциях и особенностях социокультурного развития места.

Подводя итоги сказанному, отметим, что современная культурная индустрия – важная форма культурного производства. Она обеспечивает массовое распространение типовых культурных образцов, созданных в стандартных формах и по стандартным технологиям, соответствуя общепринятым идеологическим задачам. Это черта глобального мироустройства, положительное следствие развития которого заключается в обеспечении комфортного существования человека ввиду стандартизации и массового распространения наиболее эффективных культурных практик. Однако, с другой стороны, неповторимость, уникальность места, закреплённая в историко-культурном наследии, способно сплотить, объединить вокруг знаковых для территории объектов, выстроить диалог с местом благодаря не только поиску ответов на вопросы, но и открытию для себя нового знания.

Литература

1. Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты [Текст] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М. ; СПб. : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
2. Виртуальные прогулки по старинному Тобольску выходят на международный уровень // Портал «СибТуризм» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibturizm.ru/index.php/novosti/virtualnye-progulki-po-starinomu-tobolsku-vyhodyat-na-mezhdunarodnyy-uroven.html> (дата обращения: 27.05.2014)
3. Культура.рф: портал культурного наследия Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culture.ru/> (дата обращения: 12.06.2014).
4. Российский статистический ежегодник. 2011 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 795 с. – С. 283.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 2002. – 29 июня. – № 116–117 (2985–2985). – С. 2–3.
6. Флиер, А.Я. Культурные индустрии истории и современности: типы технологии [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – № 3 (май-июнь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (дата обращения: 20.05.2014).

УДК 373.3
ББК 421.355

А.Ф. ЯФАЛЬЯН

A.F. YAFALIAN

ФОРМИРОВАНИЕ У ДЕТЕЙ
ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ
КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ

CHILDREN'S PARTNERSHIP FORMING
IN THE CONVENTIONAL AESTHETICS CONTEXT

В статье рассмотрены особенности, содержание и процесс формирования у детей партнерских отношений в контексте конвенциональной эстетики. Изучены возможности конвенциональной эстетики в развитии у детей выразительности речи в общении, эмоциональной выраженности в поведении. Представлено детское общение как эстетически выразительные партнерские отношения, которые включают: конвенциональные условия, установку, цель и результат взаимоотношений.

The article describes the features, content and process of children's partnership formation in the context of conventional aesthetics. The possibilities of conventional aesthetics in the development of children expressiveness in communication, emotional expression in behavior are studied. The communication with children as aesthetically expressive partnerships that include conventional conditions, setting, purpose and result is presented.

Ключевые слова: партнерские отношения, конвенциональные условия, конвенциональное эстетическое воспитание детей.

Key words: partnerships, conventional terms, conventionally-aesthetic education of children.

Конвенциональная эстетика еще не заняла достойного места в современных психолого-педагогических исследованиях, хотя уже ярко заявила о себе в постмодернизме [2]. Однако, исследования ведущих философов, психологов и педагогов современности являются основанием для исследований, направленных на осмысление современных проблем образования и развития подрастающего поколения.

Так, оказывают огромное влияние на различные области современных гуманитарных наук, в том числе и педагогики. Одним из продуктивных и целесообразных направлений в образовании представляет собой проблема эстетизации взаимоотношений. Особый вклад в понимание партнерских отношений вносит конвенциональная эстетика.

Идеи Л.С. Выготского о взаимоотношениях созвучны современной трактовке конвенциональной эстетики. Л.С. Выготский не использовал термин «конвенциональная эстетика», но понимание отношений среди различных возрастных групп, как равно заинтересованных по характеру и продуктивных по содержанию, отражено в его трудах. Остановимся на них.

Прежде всего, прочтение партнерских отношений в контексте конвенциональной эстетики подтверждается идеей Л.С. Выготского о генетическом родстве эстетики и психологии [3]. Эстетика как наука о чувственном познании мира, по Л.С. Выготскому, имеет тесные взаимосвязи с психологией.

Историческую эстетику он соотносит с социальной психологией, а нормативную эстетику – с индивидуальными психологическими проявлениями личности. Из этого следует, что полноценное партнерство может складываться с учетом эстетических норм, исторически устоявшихся как у отдельных народов и в однородной среде, так и с учетом индивидуальных особенностей конкретной личности, знающей и принимающей эти нормы.

Применение в партнерских отношениях эстетических норм гармоничных, ясных по форме и качественных по содержанию способно облагородить и наполнить смыслом общение партнеров.

Педагогическая интерпретация партнерских отношений рассматривается нами с учетом идеи Л.С. Выготского о том, что отношения между людьми представляют собой информационную связь, проявляются как *знак* и как *деятельность* [3]. Действительно, партнерские отношения представляют собой и знаковую систему, и общение как процесс, то есть деятельность, направленную на созидание.

По своей природе *знак* конвенционален. Знаковая сущность норм взаимоотношений эстетична по своей природе. Люди, вступая во взаимоотношения, способны договориться и прийти к взаимовыгодному решению, если будут чувствовать знаковые «вибрации», позволяющие прочитывать невербальную информацию. Этому способствуют семантические поля, которые сильно влияют на детей и которые они чувствуют адекватно передаваемому смыслу.

Партнерские отношения выступают связующим звеном любой *деятельности* и являются ее основой. В этой связи целесообразно рассмотреть конвенциональную эстетику через способность человека к выразительности речи в общении, к выраженности чувств в поведении.

Выразительность – это динамическая организация абстрактных выразительных знаков. А.Ф. Лосев определил выразительность как меру осуществления человека в мире, а проблему выразительности, видел в «восхождении» от земных сфер красоты к трансцендентальным [4].

В экспрессивной эстетике (Э. Ганслик, П. Пави) признаком эстетического проявления становится активность, экспрессивность, что становится признаком внешнего выражения внутреннего состояния. При этом выражаемое представляет собой нечто значимое (объективная ценность), а внутренняя жизнь самого выражаемого является его эмоционально-волевым состоянием и направленностью. В экспрессивной эстетике эстетический объект есть человек, и все остальное одушевляется. С позиции конвенциональной эстетики партнерские отношения в детском коллективе позволяют рассматривать ребенка, как эстетическую самоценность, как духовную субстанцию, способную к самовыражению и самореализации.

В социуме, по мнению Л.П. Печко, в освоении субъектом эстетически выразительного выступают монологические и диалогические оценки переживания объекта, в том числе, на наш взгляд, и в процессе общения. Эмоциональное переживание сигнализирует о выразительно-эстетической общности человека с миром [5], это еще раз подтверждает знаковость конвенциональных отношений. Идея бинарности прекрасного и выразительного, выдвинутая Л.П. Печко, становится педагогически целесообразным принципом в партнерских взаимоотношениях.

Каким же образом выразительность «функционирует» во взаимоотношениях? М.М. Бахтин [1], рассматривая выразительность как регулятор переживаний, связывает ее с напряжением сил в процесс любой деятельности, в том числе и в общении.

При этом, Бахтин раскрывает механизм самодвижения, самовыражения личности: по его мнению, при интенсивном внешнем действии остается внутреннее самоощущение, подчиняющее себе внешне выраженное [Там же]. Важно, чтобы это внутреннее самоощущение резонировало в процессе общения с мнением и поведением партнера. Таким образом по сути раскрывается психологический механизм *разнообразных взаимосвязей*, партнерских отношений в любом сообществе, в том числе и в детском коллективе.

Системообразующие связи в образовательном процессе позволяют представить целостную картину любого явления, в том числе и взаимоотношений в системах: учитель – родитель, учитель – ребенок, ребенок – родитель. Можно выделить различные системы партнерских взаимосвязей: закономерные (социальные и психологические), социально обусловленные (опосредованные и непосредственные), временные и случайные.

Наиболее сложными становятся опосредованные взаимосвязи, например, в системе «учитель – родитель». Их партнерские отношения меняются в зависимости от развития ребенка, от его успехов и неудач, от «приятности» и неприятности учителем системы воспитания в семье, от искренности во взаимоотношениях, стремлении помочь ребенку в самосовершенствовании, от желания найти наиболее оптимальные методы установления дружеских и продуктивных взаимоотношений, другими словами установления конвенциональных партнерских отношений между школьным коллективом и семьей ребенка.

Партнерские отношения эстетические по содержанию в данном случае становятся ядром, гармонизируют общение, представляют собой завершенную, гармоничную систему, в которой соотносены форма взаимоотношения с содержанием, частные проявления с целой структурой взаимодействия.

Социально обусловленные эстетические взаимоотношения в любом коллективе определяются договоренностью, условностью и целесообразностью, то есть конвенциональностью.

Качество отношений зависит от содержания и определяется:

- степенью эмпатического понимания (понимает – не понимает, чувствует – не чувствует);
- уровнем доброжелательности (симпатизирует, проявляет интерес, любопытен, безразличен);
- психологической доступностью (свободен, неловок, доверителен, откровенен).

Качество отношений является важнейшей составляющей в любой системе партнерских отношений: непонимание может привести к ложным выводам, недоброжелательность – к отторжению и разрушению взаимосвязей, неловкость – к боязни наладить отношения.

В детском возрасте партнерские отношения зависят от взрослых и направлены на личностный рост ребенка. Традиционный путь взаимоотношений в системе «взрослый – ребенок» представляет собой цепь указаний, предписаний: детям объясняются ошибки, предписываются меры, даются знания о целесообразном образе жизни. Такой путь создает, по К. Роджерсу [6], атмосферу «искусственных» отношений. Искусственные отношения по своей сути не конвенциональны и являются предметом изучения неконвенциональной эстетики взаимоотношений, не имеющей общей нормативной базы для определенной группы субъектов.

Конвенциональная эстетика партнерских отношений предполагает создание эстетической направленности взаимодействия двух сторон, понимание двухсторонней выгоды принятых решений, духовного смысла происходящего и получение эстетического удовольствия от происходящего. В данном случае конвенциональная природа взаимоотношений становится очевидной.

Освоение конвенциональных правил, норм в детской среде может проходить более продуктивно с использованием элементов игры в сфере общения. Общение в данном случае должно включать: *конвенциональную установку и условия, конвенциональную цель и результат взаимоотношений.*

1. *Конвенциональная установка* зависит от взрослых. При этом под установкой, направленной на эстетические действия, понимается необходимость исполнять красиво, ритмично, качественно. Установка на эстетическое восприятие ситуации представляет собой направленность внимания детей на эстетические качества объекта и их эстетическое переживание. Это возможно лишь при участии педагога или родителей.

Разумный, свободный выбор партнерских отношений, их осознание и принятие не только других людей, но и себя – это те установки, которые характерны для отношений эстетических по направленности. Необходимо учитывать следующие установки во взаимоотношениях взрослых и детей по формированию у них эстетических по содержанию партнерских отношений.

- Уменьшение давления. Эстетическое отношение – это «ослабленная», легкая связь, снятое напряжение, гармоничность взаимоотношений и умеренность влияния на ребенка.

- Развитие эмоционального напряжения во взаимоотношениях по сценарию: возникновение проблемы, нарастание, развитие эмоций, поиск оптимальных путей, кульминация, разрядка, катарсис.

- Постепенное снижение или «замещение» отрицательных отношений на положительные, то есть включение положительной психологической установки (ППУ по Н. Хиллу).

- Активность в партнерских отношениях является стимулом к действию, катализатором действий, его непрерывным двигателем. Побуждать ребенка и поддерживать его энергию, которая вызывает изменения, то есть вдохновляет – вот главная функция взрослого. Нередко же активность партнерских отношений строится на постоянной оценке действий ребенка со стороны учителя или родителей. В данном случае ребенок без контроля взрослых становится пассивным и неспособным к партнерским отношениям.

2. *Конвенциональные условия* определяются эстетической средой создаваемой педагогами или родителями. Любые искусственные отношения необходимо замещать, такими проявлениями в отношении детей, как:

- искренность, чистота помыслов, внутренняя и внешняя согласованность мыслей, чувств, поступков педагога;

- тонкая, глубинная эмпатия; желание понимать и принимать даже самые неубедительные, на первый взгляд, мысли детей;

- нахождение меры, гармонии во взаимоотношениях, естественного хода развития событий, «легкое» управление взаимоотношениями – переключение с негативных на позитивные;

- вдохновение во взаимоотношениях (от напряжения к катарсису).

3. *Конвенциональная цель* предполагает изначально учитывать интересы двух сторон. Нередко дети не задумываются о противоположной стороне взаимоотношений. Это их приводит к эгоизму, а точнее является проявлением эгоизма, заложенного природой как чувства самосохранения. В социуме научить ребенка конвенциональным взаимоотношениям, которые позволят учитывать взаимовыгодность постановки совместных целей, учитывающих интересы обеих сторон.

4. *Конвенциональный результат* всегда положителен, позитивен и приводит к улучшению любой ситуации в партнерских отношениях детей.

В данном случае роль взрослого, как педагога, так и родителя представляется нам, с учетом идеи Л.С. Выготского, изложенной в начале статьи, заключается в психологическом сопровождении и организации партнерских отношений конвенциональных по содержанию и эстетических по форме. Эстетические взаимоотношения возможно строить лишь на положительных вербальных конструкциях, без внутреннего осуждения.

Конвенциональными партнерские отношения в детском коллективе могут стать лишь при условии единства ментальных, психологически и соматических процессов. Оказание ребенку ментальной помощи в установлении партнерских отношений должно стать стимулом к его соматическому действию и его психическому принятию новых способов действия по следующей схеме (сценарию), который по этапам совпадает с изложенным выше сценарием эмоционального напряжения:

- 1) определение глубинных причин проблемы;

- 2) обозначение проблемы;

- 3) включение положительной психологической установки (ППУ);

4) поиски путей выхода из ситуации; план действий; обязательно реальный выход из ситуации.

Формирование у детей партнерских отношений в контексте конвенциональной эстетики нами осуществляется в условиях школы самовыражения [7]. Основные идеи данного направления школы самовыражения можно изложить тезисно.

1. Личность определяется отношениями и способами действий. Отношения характеризуют стилевые (или инструментальные, по В.С. Мерлину) свойства личности, в том числе и личность ребенка. Любые отношения, в которые вступает ребенок, рассматриваются, по Л.С. Выготскому, как знак и как деятельность.

2. Партнерские отношения в контексте конвенциональной эстетики характеризуются разнообразными средствами выразительности: стилем, тактом (тактичность), тоном, ритмом, динамикой, темпом, пластикой. Выразительными в диалоге становятся такие признаки речи как размерность, динамика, темпе, ритме, которые раскрывают характер данной личности.

3. К эстетической выразительности взаимоотношений необходимо отнести целесообразность, пользу, надежность, долгосрочность, красоту, которые в сочетании рождают гармонию, меру. Мера становится «инструментом измерения» эстетического содержания партнерских отношений, гармония – условием естественного соотношения элементов и целого, катарсис – процессуальным переживанием эстетически выразительного диалога.

4. Партнерские отношения в детском коллективе влияют на интроверсию – экстраверсию, активность – реактивность, энергичность, импульсивность, экспрессивность, эмоциональность (эмоциональную стабильность) личности.

5. Конвенциональность партнерских отношений является ядром любых взаимоотношений, в которые вступает ребенок. Такие отношения представляют собой завершенную, гармоничную систему, предполагающую эмоциональную связь ребенка со взрослыми и сверстниками в деловых взаимоотношениях.

6. В контексте партнерских отношений выразительность соотносится с гармоничностью внутреннего мира человека и внешних его проявлений в виде монолога или диалога, в выражении чувств в мыслях, мыслей в поступках, действиях.

7. Выразительность взаимоотношений придает эстетический характер, динамизм и действенность, что позволяет партнерским отношениям в детском коллективе находиться в активной форме и приводит их к самодвижению.

8. Эстетическое содержание отношений как выражение взаимосвязи всегда проявляется в выразительном действии, в тонком чувствовании взаимоотношений и мудром осмыслении любого партнерского акта.

9. Самовыражение личности как самопроизвольный акт в партнерских отношениях возможно лишь при условии свободного, естественного, гармоничного, то есть эстетического проявления детей. В педагогическом процессе это возможно лишь при условии конвенциональной установки на эстетическое восприятие окружающих людей и самого себя.

Таким образом, конвенциональная эстетика, идеи Л.С. Выготского о генетическом единстве психологии и эстетики, М.М. Бахтина и Л.П. Печко о выразительности становятся методологической основой формирования у детей партнерских отношений. Объективность методологической основы подтверждает опыт автора по разработке и внедрению в практику образовательных учреждений методики под общим названием «Школы самовыражения».

Литература

1. Бахтин, М.М. Работы 1920-х годов: Искусство и ответственность [Текст] / М.М Бахтин. - Киев : Next, 1994. - 384 с.
2. Бычков, В.В. Эстетика [Текст] / В.В. Бычков. - М. : Гардарика, 2007. - 384 с.
3. Выготский, Л.С. Психология искусства [Текст] / Л.С. Выготский. - М. : Педагогика, 1987. - 344 с.
4. Лосев, А.Ф. Хаос и структура [Текст] / А.Ф. Лосев. - М. : Мысль, 1997. - 831 с.
5. Печко, Л.П. Выразительность эстетики природы и культура личности [Текст] / Л.П. Печко. - Ульяновск-М. : УГТУ, 2008. - 363 с.
6. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К.Р. Роджерс. - М. : Прогресс, 1994. - 480 с.
7. Яфальян, А.Ф. Школа самовыражения [Текст] / А.Ф. Яфальян. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. - 444 с.

О.Н. ЧИГИНЦЕВА

O.N. CHIGINTSEVA

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕPERSONAL FULFILLMENT
IN THE GRAPHIC CREATIVE WORK

На основе обобщения теоретико-методологических знаний, а также инновационного опыта в образовательной практике художественной школы раскрыта самореализация личности взрослого в изобразительном творчестве и представлены ее этапы.

The author, based on general conclusion of theoretical and methodological knowledge and the experience of innovation processes in the graphic creative work, presented personal fulfillment in the article. Besides, the stages of it are performed too.

Ключевые слова: самореализация, возможности личности взрослого, арт-терапия, изобразительное творчество.

Key words: fulfillment, resources of the adult's personality, art-therapy, graphic creative work.

В настоящее время во всем мире наблюдается процесс возрастания культурных запросов взрослого населения. Обучение взрослых изобразительному творчеству приобретает все большую популярность в нашей стране, превращая творчество в одну из самых привлекательных для человека сфер деятельности, подводя к осознанию потребности в самореализации.

Изобразительное творчество относится к синтетической художественной деятельности, в которой две формы человеческой активности (предметная и общения) оказываются слитыми воедино во имя осуществления иллюзорно-художественного общения. Смысл изобразительного творчества – обозначить вторжение человека в природный мир, поставить печать человеческого творения [3]. Проблема заключается в том, каким образом выявить и развить потенциал личности взрослого в области изобразительного творчества?

Отечественные ученые-акмеологи рассматривают «взрослого» как целостного человека в период зрелости; человека, создающего самого себя средствами выработанных в опыте субъективных интегральных схем (А.А. Бодалев, А.А. Деркач). Задачей преподавания становится разработка методологического базиса для совершенствования совместной деятельности взрослых и преподавателя в направлении на самореализацию. «Самореализация» обозначает реализацию потенциала личности, в т.ч., генетического (А. Маслоу).

Для более успешной самореализации личности взрослого в изобразительном творчестве необходимо усиление мотивации. Такой мотивацией для взрослых является устремленность к позитивным изменениям – в своем образе жизни и способе отношения с миром. Рассмотрим основополагающую для нашего исследования идею самореализации в виде тезисов, исходя из «возможностной» теории личности Д.А. Леонтьева [7].

– Реализация потенциала личности взрослого происходит в единстве двух направлений развития – возможного и необходимого.

– Направление развития, идущее от установки на «то, что надо», в основе которой находятся причинно-следственные закономерности – есть результат обучения азам изобразительной грамоты.

– Направление развития от установки на «то, что возможно», в основе которой заложено предстоящее раскрытие возможностей личности взрослого – есть результат экспериментирования с инструментами и материалами; осознанности трех видов восприятия (по Н.Н. Волкову), чередования рисова-

ния с натуры и рисования на импровизацию; диалога с произведениями изобразительного искусства.

- В изобразительном творчестве взрослый раскрывает многочисленные возможности, такие как: проецирования своих внутренних состояний в визуальной форме; зрительного восприятия; мышления в материале; сенсомоторные возможности руки и др.

- Самодетерминация взрослого как свободная саморегулируемая активность способствует переходу всей совокупности возможностей из потенциальной в актуальную форму и, таким образом – реализации потенциала личности.

- Переход личности из режима детерминированности в режим самодетерминации происходит более целенаправленно благодаря механизмам регуляции поведения, которые включаются при выполнении специально спроектированных заданий, таких как: ведение «Дневника наблюдений», беседа «Бросаем взгляд на себя», упражнение «Из темноты на свет», творческое задание «Картина-натюрморт», самостоятельная работа над «Папкой вдохновения».

- Самореализация энергозатратна и требует усилий, поэтому на первых этапах требуется создание среды, в которой взрослые рисуют в режиме энергосбережения, чему способствует техника «активного воображения», предложенная К.Г. Юнгом, и следующие ее элементы: «сенсомоторные игры», «символические игры», «социальные игры» – в разработке автора статьи.

- Естественным условием для самореализации взрослого человека служит включенность в социальную практику, что наиболее оптимально может быть достигнуто благодаря таким методам, как: социальные арт-терапевтические игры; беседы «"Галереи" произведений изобразительного искусства»; просмотры и выставки; общая для группы «копилка "Советы профессионалов"».

Опираясь на сформулированные выше тезисы, рассмотрим самореализацию взрослых и ее этапы в условиях школы-студии для взрослых. На протяжении ряда лет, наблюдая на практике постоянное изменение количественного и качественного уровня возможностей у взрослых, мы учитываем эти изменения при моделировании этапов самореализации. В структуру учебной деятельности включены познавательное и творческое направления, как это предлагается педагогами-новаторами [2], а также добавлено арт-терапевтическое направление. Такое усложнение обусловлено тем, что деятельность с необходимостью должна быть богаче сознания (исходя из принципа единства сознания и деятельности А.Н. Леонтьева).

В качестве основных критериев для наиболее полной реализации потенциала личности выбраны следующие: освоение азов изобразительной грамоты; возможность проецирования своих внутренних состояний в визуальной форме; возможность осознанного зрительного восприятия; возможность мышления в материале; сенсомоторные возможности руки. Современные методы исследования – наблюдение, самонаблюдение, изучение творческих работ взрослых, лонгitudное исследование, моделирование педагогических ситуаций – придают объективность нашим выводам.

1 этап. Единичные возможности при освоении самого необходимого

Задачей арт-терапевтического направления учебной деятельности становится создание среды, дающей эмоционально-мотивационное подкрепление, в которой взрослым будет комфортно знакомиться с азами изобразительной грамоты. Этому способствуют элементы техники арт-терапии.

Для борьбы с искаженной самооценкой, неловкостью перед использованием изобразительных материалов взрослым, начинающим заниматься изобразительным творчеством, предлагается вернуться к «истокам», обратить внимание на очевидные свойства материалов и инструментов во время проведения сенсомоторных игр: «Цветовая тишина»; «Цветные руки»; «Что произойдет?».

Взрослые не всегда четко осознают, что выбранные художником цвета, формы, пропорции, расположения имеют символическое значение. Для придания этому важности проводятся символические игры: «Подбери цвет к эмоции», «Незаконченный рисунок художника». Успешность в этих играх гарантирована тем, что у любого человека есть возможность проецировать свои внутренние состояния в визуальной форме [6].

Взрослым часто не хватает взгляда на себя со стороны. В социальной игре «Рисуем путешествие» осуществляется содейтельность с другими участниками. Сделанный каждым выбор цвета, линий, ритма становится составной и неделимой частью общего рисунка.

Участие во всех видах игр позволяет взрослым перейти к восприятию своего рисования не как «исполнения должного», а как фантазийной игры, в которой пока происходит игнорирование труднодостижимых эстетических критериев.

Задачей познавательного направления является преодоление эффекта «старения» (схематизации, дезинтеграции и беспорядочности – термины В.С. Кузина) зрительного восприятия взрослых. В ходе проведения тематических бесед с просмотром презентаций и видеофильмов в памяти у взрослых создается «галерея» произведений изобразительного искусства, например, «галерея» пейзажей с изображением восходов. Вести поиск и находить понимание у другого человека помогает ведение записей одновременно с зарисовками в «Дневнике наблюдений». Преподаватель предлагает вспомнить свое приобщение к изобразительному творчеству на протяжении жизни. Анализ автобиографических моментов замыкает «социальную цепочку» уже прошедших этапов жизненного пути на настоящее, напоминает взрослому о его генетическом потенциале, скрытом во времени.

Задачей творческого направления является выработка первоочередных навыков, необходимых для изобразительной деятельности. Преподаватель показывает поэтапно процесс выполнения каждого творческого задания перед группой. Вначале взрослые рисуют по представлению, выполняют упражнения по ознакомлению с изобразительно-выразительными средствами; составляют композицию декоративного натюрморта; затем приступают к рисованию с натуры, пишут акварелью в технике гризайль, рисуют цветными карандашами (и гуашью) этюды фруктов, овощей, посуды. В процессе разных видов изобразительной деятельности формируется восприятие реального предмета (рисование с натуры, по памяти) и восприятие изображенного предмета (рисование по представлению).

В практической деятельности начинает вырабатываться субъективная интегральная схема изобразительных действий, основанная на базовых способностях к рисованию [4, 8, с. 137]. Следуя интегральной схеме, взрослый человек на занятиях по рисунку способен отмечать следующие ключевые моменты: 1) края предметов; 2) негативные пространства; 3) пропорции; 4) вертикальные и горизонтальные направления; 5) отклонения от опорных направлений. На занятиях по живописи взрослые овладевают азами цветоведения: 1) цветовой тон; 2) светлота; 3) тепло-холодность цвета.

Основное достижение 1-го этапа. На основании наблюдения, самонаблюдения и изучения творческих работ взрослых можно констатировать, что 90% взрослых, следуя подробным инструкциям, вырабатывают субъективную интегральную схему изобразительных действий, осваивают самое необходимое – азы изобразительной грамоты, достаточные для написания этюда из 1-2 предметов несложной формы. Игровая и изобразительная деятельность; воспоминания, раскрывающие на начальных этапах жизненного пути наследственно заданный потенциал; формирующееся зрительное восприятие – все это помогает накапливать нерешенные вопросы и проблемы. «Игра» возможностями без их оценки ведет взрослого к предвидению, что освоения азов изобразительной грамоты будет недостаточно, чтобы передать в рисунке многогранность внешнего мира.

2 этап. **Открытие разных возможностей**

В рамках арт-терапевтического направления ставится задача на расширенное ознакомление и закрепление разнообразных форм изобразительного опыта в условиях «нечетко структурированной, обеспечивающей свободу действий среды» (термин Д.А. Леонтьева). Взрослые участвуют в уже известных им сенсомоторных играх, но экспериментируют с максимально большим количеством цветов и их оттенков, материалов, инструментов; пробуют разные по характеру взаимодействия воды, краски, кисти и бумаги. Игра «Мульти-двигательное рисование» раскрывает дополнительные сенсомоторные возможности руки в проведении линий.

Известные символические игры расширяют возможности взрослых при поиске ассоциативных связей между настроениями, чувствами, характером человека, с одной стороны, и цветами, линиями на изобразительной поверхности, с другой стороны. Добавляется игра «Жестовое рисование».

В социальной игре взрослые стремятся открыть свои возможности в процессе совместной изобразительной деятельности. В играх «Меняем ритмы цвета», «Совместное касание», «Дорисуй по памяти» каждый выбирает свой вариант действий, ритмов, опорных точек зрения и т. д. Во всех видах игр мотивация на освоение азов меняется на – экспериментирование. Расширяется веер возможностей по использованию свойств изобразительных материалов, значений изображенных предметов и т. д. Взрослые открывают для себя «позицию “всевозможности” по отношению к миру» (термин А.М. Лобка).

При знакомстве с цветовым спектром пробуждаются возможности взрослых переходить от одной ассоциации к другой и создавать собственный цветной мир: начиная от внешних проявлений цвета как природного явления (круги «Фрукты», «Времена года») до внутренних переживаний цвета как настроения. В результате проведенного наблюдения, самонаблюдения и анализа творческих работ, можно констатировать, что у 80% взрослых эти задания формируют третий вид восприятия – прямое восприятие цветовых пятен на плоскости (термин Н.Н. Волкова).

Изобразительно-выразительные средства (ритм, симметрия, контраст и др.) рассматриваются на основе родства истоков быденного и художественного познания в процессе совместных с преподавателем наблюдений.

«Галерея» произведений изобразительного искусства, например, «галерея» русской пейзажной живописи, помогает увидеть множество пейзажей, созданных мастерами за многовековую историю. Обращается внимание на факты из творческой биографии художника, освещающие его путь в искусстве через реализацию потенциала.

Записи и зарисовки в «Дневниках наблюдений» ведутся для того, чтобы продемонстрировать ведущую роль визуального канала коммуникации. Обращение к автобиографическим моментам помогает взрослым «бросить взгляд на себя». Все задания познавательного направления способствуют открытию возможностей взрослых вести наблюдения в быденной жизни и высказывать углубленные суждения в отношении произведений искусства.

Задания творческого направления тренируют «мышление в материале» и помогают освоить целую серию рисуночных и несколько живописных техник и материалов. Натюрморт является лучшим жанром для изучения материального бытия вещей (формы, освещенности, цвета). Итоговый натюрморт гуашью, представляющий собой композицию из одного предмета на фоне драпировки, раскрывает возможность взрослых работать с азами цветоведения, изменять насыщенность цвета с целью передачи объема, вводит в интегральную схему действий дополнительные ключевые моменты: 6) светотень и 7) перспективные сокращения [4, 8, с. 137].

Следуя теории Б. Эдвардс [8], левополушарное рисование (с натуры) необходимо чередовать с правополушарным (импровизация). Серия заданий «Нарисуй музыку (или стихи)» увеличивает количество каналов восприятия: вербальный (художественное слово), визуальный (рисование), аудиальный

ный (слушание музыки) и приводит к их интеграции. Импровизации с цветом пробуждают воображение, способствуют выражению эмоционального отношения; а творческие задания с натуры совершенствуют природную чувствительность зрительного анализатора; сенсомоторные возможности руки, возможности к запоминанию зрительных образов.

На 2-м этапе идет процесс перестройки деятельности путем изменения потребностно-мотивационных факторов [5, с. 122]. Отвечая на мотивационные стратегии, пробуждающие интерес, 60% взрослых рисуют, концентрируясь поочередно на одном из трех видов восприятия; от рисования с натуры самостоятельно переходят к импровизации. В результате натурные зарисовки становятся все более сложными, выразительными, насыщаются эмоциональным отношением. Обращение к истории изобразительного искусства способствует тому, что взрослые в своих работах начинают ориентироваться на лучшее, что смогли достичь известные художники.

3 этап. **Взвешивание и оценивание возможностей**

Арт-терапевтическое, познавательное и творческое направления учебной деятельности интегрируются в одну сложную деятельность – изобразительное творчество. Задания из серии «Обучение у мастеров» начинаются с беседы, в ходе которой взрослые изучают творчество нескольких живописцев. Далее, по своему выбору они «создают для себя кумира», выполняют графический анализ композиции одной из его картин. Каждый графический лист создает новый зрительный конструкт, в котором последовательно доминирует одно за другим несколько изобразительно-выразительных средств. Графический анализ помогает взрослым активно взвесить те средства, которые выбрал мастер. В этом взвешивании раскрывается субъективная интегральная схема изобразительных действий «кумира». «Диалог» с личностью Мастера раскрывает бездну возможностей. Заряженные энергией, взрослые стремятся опробовать новую для себя схему в собственной деятельности. В условиях натурной постановки выполняются натюрморты в «стиле» мастера.

Взрослым интересно увидеть примеры удачных находок, которые совершает рефлексивное сознание опытного художника в действии. Для этого на занятиях создается общая для группы «копилка “Советы профессионалов”». В ходе проведения мастер-класса художник, специалист в определенном жанре, например, портрета-шаржа, демонстрирует процесс своего творчества и делится своими советами. Взрослые наблюдают и взвешивают возможности субъективной интегральной схемы профессионала. В ходе коллективного обсуждения советы записываются, каждый получает видеозапись мастер-класса и свое личное воспоминание, наполненное эмоциями.

Остановка-пауза между стимулом и реакцией помогает включить в работу рефлексивное сознание, во время которой можно не реагировать обычным для ситуации образом, а начать выстраивать свое собственное поведение. Этот механизм регуляции поведения включается при выполнении упражнения «Из темноты на свет». Натюрморт, приготовленный для рисования с натуры, погружается в темноту. Далее, постепенно начинают включаться источники света. Всякий раз количество зрительных признаков увеличивается. Опрос, проводимый в условиях специально смоделированной педагогической ситуации, позволяет выяснить, насколько взрослые могут самостоятельно подобрать и оценить оптимальную степень освещенности, зрительно «взвесить» и найти главное в натюрморте.

«Эмпирическим индикатором действия в поле возможного, а не необходимого служит неспровоцированный выход за задаваемые ситуацией рамки» [7, с. 16]. Этот выход осуществляется все более в сторону выбора осмысленных и вариативных возможностей, в противовес однозначным потребностям. Рисование натюрморта перестает быть самоцелью, а становится мостиком для перехода к созданию новой реальности на картине. Эта реальность выводит рефлексивное сознание за рамки натуры и приобретает харак-

теристики художественного образа. Взрослые рисуют картину-натюрморт. Вначале рефлексивное сознание находится в рамках, задаваемых ситуацией, опираясь на натурные зарисовки. Затем учащиеся формулируют свой собственный замысел, ищут взвешенные эскизные решения и, наконец, доводят работу до уровня картины.

Взрослым необходим объективный взгляд на себя со стороны. Включение рефлексивного сознания, вдумчивое осмысление всех вариантов и альтернатив приводит к реализации потенциала делать свой выбор [7]. Этот механизм регуляции поведения включается, когда взрослые участвуют в просмотрах и выставках на разных уровнях: в группе (100% от общего состава группы), школе (95%), городе (25%), России (5%). На просмотре внимание взрослого обращается на процесс самоизменения, выявляется и придается ценность своим особым возможностям, формируется адекватная оценка своего потенциала.

На 3-м этапе в ходе интенсивной изобразительной практики, при выполнении специально спроектированных заданий; в единстве с другими людьми, в ходе диалога с произведениями изобразительного искусства взрослый видит себя в качестве участника собственного образования. Самодетерминация помогает взвешивать свои возможности и ведет к формированию ценностного отношения к ним.

4 этап. **Инициативное действие по реализации одной выбранной возможности**

Психика – «есть орган отбора, решето, процеживающее мир, и изменяющее его так, чтобы можно было действовать». Положительная роль психики заключается в том, чтобы «не всегда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [1, с. 347]. У человека нет прямого выхода к миру «чистой объективности» [5, с. 82], поэтому на занятиях ставится задача научиться ценить в себе способность к субъективному искажению действительности.

Общение взрослых с преподавателем на этом этапе происходит в среде, приобретающей черты «авторской изостудии». Характер учебной деятельности становится поисковым; в учебном сотрудничестве совершаются инициативные акты; начинающие авторы стремятся к самоутверждению, показывая продукты своего творчества на выставках.

Каждый работает со своей «Папкой вдохновения», куда собирает то, что когда-то оставило сильное зрительное впечатление в виде: репродукций, коллекций, природного материала, фотографий, собственных зарисовок, взятых из Дневника наблюдений. Заинтересовавший ранее материал на новом этапе может явиться тем толчком, который благодаря субъективному искажению, через цепочку возникающих ассоциаций, приведет к рождению идеи для будущего произведения.

Взрослому предстоит совершить «переход Рубикона». Это резкий переход, осуществляемый в акте принятия субъектом внутреннего решения, от «мотивационного состояния сознания» к «волевому состоянию сознания» [7, с. 19]. Учебная деятельность организуется в форме инициативных актов: каждый ставит свою цель, выбирает свою тему и составляет план работы над картиной. Самодетерминация помогает взрослому выбрать одну точку зрения и ракурс, одну зрительную ассоциацию; активно «проявить себя»: сделать несколько эскизов, этюдов на одну тему, а затем составить итоговую композицию только из самых ценных находок. В интегральную схему изобразительных действий включаются ключевые моменты: 8) целостность образа и 9) его уникальность [4, 8, с. 137]. Самым сложным инициативным актом, требующим волевого состояния сознания, является выход на самостоятельную работу по созданию художественного образа в картине. Взрослый принимает на себя ответственность за воплощение задуманного образа в реальность, дает внутреннее обязательство перед самим собой вкладывать в это все усилия.

Лонггэтьюдное исследование, проведенное на протяжении 4-х лет, в котором участвовало около 60 человек, позволяет определить, что к преодолению 4-го этапа с готовностью подходят около 15% от общего состава групп, начинавших обучение в школе-студии. Это те взрослые, кто способен сформулировать собственные цели в изобразительном творчестве. Самодетерминация дает новое отношение к творчеству, требующее проявления воли, вложения усилий, креативности.

Представленные этапы самореализации проектируют соотношение настоящего состояния личности взрослого, ограниченного установкой на «то, что надо», и будущего состояния личности, ведомого установкой на «то, что возможно». В этом процессе происходят следующие изменения: единичные возможности при освоении самого необходимого – открытие разных возможностей – оценивание возможностей – постановка цели – инициативное действие по реализации одной выбранной возможности.

Литература

1. Выготский, Л.С. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / Л.С. Выготский ; гл. ред. А.В. Запорожец. – М. : Педагогика, 1982–1984. Т. 1 : Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – 1982. – 488 с.
2. Захарова, А.С. Учреждение дополнительного образования художественного профиля в аспекте возможностей творческой самореализации личности по принципу: «образование для всех» [Электронный ресурс] / А.С. Захарова // Молодежный научный форум: гуманитарные науки : сб. материалов III студ. междунар. заочн. науч.-практ. конф., май 2013 г. Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nauchforum.ru/node/660>, свободный.
3. Каган, М.С. Философия культуры. Становление и развитие [Текст] / М.С. Каган. – СПб. : Лань, 1998. – 448 с.
4. Кириенко, В.И. Психология способностей к изобразительной деятельности [Текст] / В.И. Кириенко. – М. : Просвещение, 1991. – 299 с.
5. Ключко, В.Е. Самореализация личности: системный взгляд [Текст] / В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский ; под ред. Г.В. Залевского. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1999. – 154 с.
6. Лебедева, Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий [Текст] / Л.Д. Лебедева. – СПб. : Речь, 2003. – 256 с.
7. Леонтьев, Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному [Текст] / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 3–27.
8. Эдвардс, Б. Художник внутри вас [Текст] / Б. Эдвардс ; пер. с англ. – Минск : Попурри, 2000. – 256 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Амбарова Полина Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ambarova Polina Anatolyevna – Ph.D., Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: borges75@mail.ru

Аmineва Венера Рудалевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета

Amineva Venera Rudalevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University

E-mail: amineva1000@lisl.ru

Бакулина Светлана Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета

Bakulina Svetlana Dmitriyevna – Ph.D., Cultural Science, Senior Lecturer, Omsk State Pedagogical University

E-mail: svbakulina@yandex.ru

Березина Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и правоведения филиала Омского государственного педагогического университета, г. Тара

Berezina Tatyana Yuryevna – Ph.D., Philology, Associate Professor, Head of Department of Humanitarian Disciplines and Jurisprudence, Branch of Omsk State Pedagogical University, Tara

E-mail: berezina474@mail.ru

Боева Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии и общегуманитарных дисциплин Невского института языка и культуры

Boyeva Galina Nikolayevna – Ph.D., Philology, Associate Professor, Head of Cultural Science and All-humanitarian Disciplines, Nevsky Institute of Language and Culture, St. Petersburg

E-mail: g_boeva@rambler.ru

Бопп Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета

Bopp Yuliya Vladimirovna – Ph.D., Linguistics, Associate Professor, Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University

E-mail: july_bopp@mail.ru

Завгородняя Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького

Zavgorodnyaya Galina Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Classic Literature and Slavonic Studies, Literature Institute named after Maxim Gorky

E-mail: galina-yuz@yandex.ru

Засыпкин Владислав Павлович – доктор социологических наук, доцент, первый проректор Сургутского государственного педагогического университета

Zasypkin Vladislav Pavlovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, First Vice-Rector, Surgut State Pedagogical University

E-mail: pro_rector@surgpu.ru

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Екатеринбург

Zborovskiy Garold Yefimovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sociology and Social Technologies of Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Honored Scientist of the Russian Federation, Yekaterinburg

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Зиятдинова Диана Дамировна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук Казанского (Приволжского) федерального университета

Ziyatdinova Diana Damirovna – Degree-Seeking student, Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: diana-ziyatdinova@yandex.ru

Иванова Наталья Александровна – аспирант кафедры иностранных языков Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

Ivanova Natalya Aleksandrovna – Postgraduate, Department of Foreign Languages, Baltic Federal University named after Immanuel Kant

E-mail: suzi-stranger@mail.ru

Казаков Александр Альбертович – кандидат исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Барнаульского юридического института МВД России

Kazakov Aleksandr Albertovich – Ph.D., History, Associate professor, Head of the Research and Publishing Department, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kaa-2862@mail.ru

Каменский Сергей Юрьевич – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Kamenskiy Sergey Yuryevich – Ph.D., Culturology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: Shuklina_elen@mail.ru

Кашкарева Алена Петровна – преподаватель кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета

Kashkaryova Alyona Petrovna – Lecturer, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

E-mail: alynochka_6@mail.ru

Кузьминчук Анна Александровна – преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Kuzminchuk Anna Aleksandrovna – Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: amarilis1106@gmail.com

Малафеев Алексей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Malafeyev Aleksey Yuryevich – Ph.D., Linguistics, Associate Professor, Department of Foreign Languages, National Research University – Higher School of Economics

E-mail: aumalafeev@hse.ru

Марковская Юлия Леонидовна – аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Markovskaya Yuliya Leonidovna – Post Graduate, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: Markovskaja89@yandex.ru

Милевский Олег Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Milevskiy Oleg Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: msa1966@mail.ru

Миронов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Mironov Viktor Vladimirovich – Ph.D., History, Associate professor, Department of History and the Theory of International Relations, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Мирошникова Ольга Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Омского государственного педагогического университета

Miroshnikova Olga Vasilyevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Literature, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

E-mail: mirolga2044@mail.ru

Наумова Анна Анатольевна – специалист отдела управления качеством Сургутского государственного педагогического университета

Naumova Anna Anatolyevna – Specialist of Quality Management Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: quality@surgpu.ru

Осипов Борис Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Osipov Boris Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

E-mail: prof.ocun@gmail.com

Параскева Елена Владимировна – аспирант кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета

Paraskeva Yelena Vladimirovna – Post Graduate, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

E-mail: Afina-tiras@yandex.ru

Певная Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Pevnaya Mariya Vladimirovna – Ph.D., Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: Nauka.fgo@gmail.com

Сургай Юлия Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета

Surgay Yuliya Valeryevna - Ph.D., Linguistics, Associate Professor, Department of Linguistic Education and Intercultural Communication, Surgut State Pedagogical University

E-mail: weaselj@mail.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна - кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН; доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Tataurova Larisa Veniaminovna - Ph.D., History, Associate professor, Senior Research Officer of Archeology Sector, Omsk Branch of Archaeology and Ethnography Institute of Russian Academy of Sciences; Associate professor, Department of Ethnology, Anthropology, Archaeology and Museology, Omsk State University

E-mail: Li-sa65@mail.ru

Телегина Елена Васильевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Telegina Yelena Vasilyevna - Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: elenatel@mail.ru

Терехова Светлана Анатольевна - преподаватель кафедры экономики и права, начальник отдела дополнительного образования Сургутского государственного педагогического университета

Terekhova Svetlana Anatolyevna - Lecturer, Department of Economics and Law, Head of Department of Further Education, Surgut State Pedagogical University

E-mail: msa1966@mail.ru

Чигинцева Ольга Николаевна - старший преподаватель кафедры эстетического воспитания Уральского государственного педагогического университета

Chigintseva Olga Nikolayevna - Senior Lecturer, Department of Aesthetic Education, Ural State Pedagogical University

E-mail: olga-chiginceva@mail.ru

Шуклина Елена Анатольевна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета

Shuklina Yelena Anatolyevna - Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Chief Research Officer of the Laboratory of Regional Research, Surgut State Pedagogical University

E-mail: shuklina_elena@mail.ru

Яфальян Алла Федоровна - доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования Уральского государственного педагогического университета

Yafalyan Alla Fyodorovna - Doctor of Education, Professor of the Department of Music Education, Ural State Pedagogical University

E-mail: yafalian@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ

Журнал включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, в редакции от 22 октября 2010 года.

Институтом рецензирования научного издания «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляется экспертная оценка рукописей по следующим специальностям научных работников:

- 07.00.02 Отечественная история;**
- 10.02.01 Русский язык;**
- 13.00.08 Теория и методика профессионального образования;**
- 19.00.07 Педагогическая психология;**
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы.**

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков.

Сроки публикации определяются по мере комплектования журнала.

Все статьи проходят **рецензирование**. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» сообщаются авторам по электронной почте.

Наличие положительной внешней рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала на основе независимого рецензирования.

После того как статья пройдет рецензирование и будет принята к публикации, автору высылается договор.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Все авторы должны представить **персональные данные**:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Учёная степень.
3. Звание.
4. Должность и место работы.
5. Адрес с почтовым индексом.
6. Контактные телефоны.
7. Электронный адрес.

Тексты статей и сведения об авторах представляются в электронном и печатном (2 экз.) виде. Файлы со статьёй и персональными сведениями могут быть представлены как на дискете (диске), так и вложением в электронное письмо, отправленное по указанному адресу.

С правилами публикации и PDF версией журнала можно ознакомиться на сайте www.surgpu.ru.

Правила оформления рукописи статьи

Электронная копия	Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе <i>Microsoft Word</i> и сохраняется с расширением <i>doc</i> . В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами
Гарнитура (шрифт)	Times New Roman. Размер кегля - 14 пт
Форматирование основного текста	Абзацный отступ - 1 см. Междустрочный интервал - полуторный. Все поля - 2 см
Оформление статьи	В начале статьи указываются индексы УДК и ББК . Далее идут инициалы и фамилия автора, город, название статьи. Далее следует аннотация. Объем - до 8 строк. Слово «аннотация» не пишется. После аннотации указывается до 8 ключевых слов
Примечания. Списки литературы	Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде концевых сносок. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка и страницы, например: [2, с. 160]. Список обозначается словом «Литература», размещается в конце статьи и оформляется с соблюдением ГОСТ 7.1-2003, например: Боголюбов, А.Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением [Текст] / А.Н. Боголюбов, А.Л. Делицын, М.Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. - 2001. - № 5. - С. 23-25. Вишняков, И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределённости [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / И.В. Вишняков. - М., 2002. - 234 с. Добродомов, И.Г. История одной идеи В.Н. Сидорова [Текст] / И.Г. Добродомов // IX Житниковские чтения: Развитие языка: стихийные и управляемые процессы : материалы всерос. науч. конф., г. Челябинск, 26-27 февр. 2009 г. / И.Г. Добродомов. - Челябинск : Энциклопедия, 2009. - С. 3-13. Игнатьева, Т.М. Педагогическое управление [Текст] / Т.М. Игнатьева. - М. : Флинта, 2006. - 198 с. Коменский, Я.А. Великая дидактика [Текст] // Соч. : в 2 т. / Я.А. Коменский. - М., 1982. - Т. 1. - С. 422-446. Никитин, П. Мониторинг в образовании [Текст] / П. Никитин, М. Мирошниченко // Учительская газ. - 2001. - 12 окт. - С. 3. Особенности вариабельности ритма сердца у больных артериальной гипертензией со структурными признаками гипертензивной энцефалопатии [Текст] / Н.Л. Афанасьева [и др.] // Сибирский медицинский журнал. - 2009. - № 4. - Вып. 2. - С. 31-35. Sporber, D. Relevance [Text] / D. Sperber, D. Wilson. - New Jersey : Blackwell Publishing, 1995. - 327 p.
Таблицы, рисунки, диаграммы	Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей
<i>Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т. д.</i>	

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах (ФИО, ученая степень, звание, должность и место работы) **представляются на английском языке после русской версии.**

Редколлегия научного журнала **оставляет за собой право отклонять** представленные материалы, если они не соответствуют установленным требованиям. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, не публикуются и не возвращаются авторам.

ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Ответственный редактор журнала: кандидат филологических наук **Письменная Ольга Александровна.**

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Н.В., д.пед.н., профессор

Ответственный редактор:

ПИСЬМЕННАЯ О.А., к.филол.н.

Редакционная коллегия:

ВАРАКСИН Л.А., д.филол.н., профессор

ГОГОБЕРИДЗЕ А.Г., д.пед.н., профессор

ГОЛОЛОБОВ Е.И., д.ист.н., профессор

ДВОРЯШИН Ю.А., д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ЗАСЫПКИН В.П., д.социол.н., профессор

ЗБОРОВСКИЙ Г.Е., д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, Ph.Dr, Ph.D, заведующая кафедрой русского языка
и литературы педагогического факультета университета им. Масарика,

(г. Брно, Чехия)

ЛАЗАРЕВ В.С., д.психол.н., академик РАО

ЛАШКОВА Л.Л., д.пед.н., профессор

МИЛЕВСКИЙ О.А., д.ист.н., профессор

ПАРФЁНОВА Н.Н., д.филол.н., профессор

СЕМЁНОВ Л.А., д.пед.н., профессор

СИНЯВСКИЙ Н.И., д.пед.н., профессор

СИПКО Йозеф, Ph.Dr, Ph.D, профессор кафедры русского языка

и транслатологии Прешовского университета (г. Прешов, Словакия)

СКУРАТОВ И.В., д.филол.н., профессор

ШИБАЕВА Л.В., д.психол.н., профессор

ШУКЛИНА Е.А., д.социол.н., профессор
